

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№ 4(40), 2016

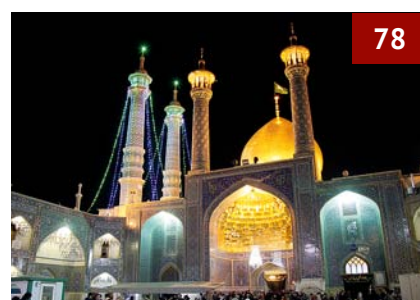
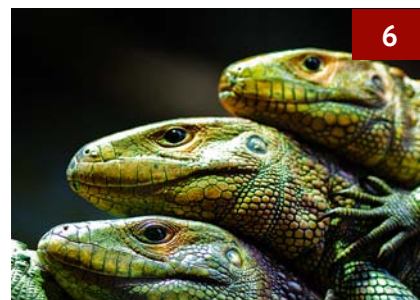
*Русский мир
в оптике мировых каст*

*Глобальные элиты
и Русский мир в начале
XXI века*

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Псалом победы
- 6** Андрей ФУРСОВ.
Конспирология / криптополитэкономика капитализма как основа изучения западных элит
(авторский экспертный доклад Изборскому клубу)
ГЛАВА I (стр. 7)
ГЛАВА II (стр. 11)
ГЛАВА III (стр. 15)
ГЛАВА IV (стр. 19)
- 24** Елена ЛАРИНА.
Война элит во времена перемен
- 38** ХХI век и военные элиты
(беседа с Леонидом ИВАШОВЫМ)
- 44** Валентин КАТАСОНОВ.
«Мировые ростовщики»: вчера и сегодня
- 54** Константин ЧЕРЕМНЫХ.
Бенефициары «нового Средневековья»
- 66** Михаил ДЕЛЯГИН.
Почему либералы убивают свои народы
- 78** Александр ПРОХАНОВ.
Врата в Тегеран
- 82** Карен СВАСЬЯН.
Час бесноватого из Гадары
- 90** Ростислав ИЩЕНКО.
Терминаторы
- 100** Глобальные элиты и Русский мир в начале ХХI века
(материал, подготовлен группой экспертов под руководством Александра НАГОРНОГО)
- 110** Библиотекарь
- 111** Хронология мероприятий клуба
- 112** Стихи Максима ШЕВЧЕНКО.
«Моя последняя весна»

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** № 4(40), 2016 год

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 20.06.2016

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1200 экз. Заказ № 0969

/ Александр ПРОХАНОВ /

Псалом победы

Не так давно на телевизионном ток-шоу один незадачливый поляк, пытаясь уязвить русское сознание, сказал, что у нас, русских, нет ничего, кроме Победы, что мы лишены и прошлого, и будущего, и Победа является для нас последним пристанищем.

А что если бы христианину сказали, что у него, христианина, нет ничего, кроме Христа? Как бы он воспринял это заявление? Да ему и не нужно ничего, кроме Христа: ни богатства, ни славы, ни земель, ни времени, ни пространства. Христос для него — всё. Как жаль, что у этого поляка в его личной судьбе и в судьбе его народа не было Победы. Если бы у них был хоть один лепесток громадного цветка русской Победы, иначе сложилась бы их история, их судьба, и, быть может, в конце концов у них появилось бы государство.

Победа — это сгусток огромных энергий. Если этот сгусток распечатывать и раскрывать, извлекая из него его таинственные формы и содержания, то получится грандиозное писание, такое же, как Библия.

В этой Библии описана «экономика победы». В те предвоенные грозные годы, в надрыве, неся колоссальные траты и лишения, советский народ возводил авиационные и танковые заводы, открывал новые месторождения, создавал невиданное по своей мощи оружие. Строил ту индустрию, в которой решения воплощались незамедлительно и доводились до конца — иногда ценою жизни их исполнителей. Такая мобилизационная экономика, насыщенная тысячами мгновенно возникших заводов, и обеспечила превосходство советских самолётов в небе, победу русских танков на Курской дуге и скорострельность русских дальнобойных орудий. В час несчастья, когда больше половины европейской России было

залито коричневой краской нацизма, только такая экономика позволила из-под носа врага выхватить самые драгоценные заводы, станки, перенести их через Уральский хребет и там, в чистом поле наладить производство снарядов, самолётов и пушек.

В этой Библии описана социология победы. Это волшебное, мгновенно возникшее сочетание несочетаемого, сплав всевозможных составляющих, которые до войны враждовали, сражались друг с другом, не умея сложиться в великое целостное единство.

Во время войны во имя победы соединились раскулаченные крестьяне и комиссары, которые их раскулачивали. Зэки, которые тянули лямку в лагерях ГУЛАГа, и их конвойные. Бывшие дворяне-аристократы, что бежали вместе с белой армией за кордон, и сталинские дивизии, сражавшиеся за Сталинград. Все соединились, сложились, все несли жертвы, все верили в ослепительную звезду Победы.

Возник народ Победы. До войны существовало множество наций, укладов, языков, культур, поведений, которые не сочетались друг с другом, представляя собой хаотичное турбулентное общество. Это общество пыталось соединить несоединимые идеологии, религии и культуры. После Победы, после того, как красное знамя вознеслось над Рейхстагом, возник новый народ, в котором через Победу, через это сверхплотное огненное действо всё сочеталось в одну великую симфонию советского народа.

В этой Библии рассказывается об элите Победы. И речь не о детях и родственниках высокопоставленных советских чиновников, которые шли воевать наряду с крестьянами и рабочими, вместе с ними погибали на полях сражений. Речь даже не о сыновьях Сталина,

один из которых был замучен в фашистском концлагере, а другой бесстрашно сражался в небе с фашистскими «Мессершмиттами». Речь об особой элите, которая рождалась на полях сражений. Будь ты самым безвестным, никому не ведомым паренёком из русской глубинки, но соверши подвиг, сожги три танка или кинься в рукопашную и одолей врага — и ты сразу превращался в героя, твоё имя начинало сверкать на страницах газет, а грудь твою украшали ордена. Ты становился прославленным, лучшим. И через подвиг, через жертву входил в бессмертную элиту Победы.

Ослепителен вождь Победы. Без Сталина нет победы. Сталин был тот полководец, который задолго до войны уже знал о Победе, прозревал её бриллиантовые лучи. Он вёл к Победе народ сквозь муки коллективизации, надрыв индустриализации, непочатые труды по строительству государства и армии. Мы говорим «победа», а мыслим — народ и Сталин.

В этом священном писании рассказано о религии Победы. Победа для нашего народа — это больше, чем победа над военной машиной немцев. Больше, чем победа над захватчиками, желавшими перекодировать население Земли, над захватчиками, стремившимися изменить геостратегию Европы и всего мира. Религия Победы — это особое мирознание, которое возникло с первых дней войны, когда её нарекли войной священной. Священная война — это война, связанная со святынями. Она говорила о том, что битва шла за самое сокровенное, глубинное, за чудотворное свойство народа и мира.

С первых дней войны обнаружилась её таинственная метафизика, когда разверзлись чёрные дыры преисподней, из них вышли силы ада и кинулись всей своей грозной мощью на покорение мира, чтобы все остальные народы и люди оказались бы под пятой этой сатанинской силы. Против господства ада, против господства Содомы восстал рай, восстали ангелы и духи света. Этими ангелами и духами света был советский народ, были воины Красной Армии. Казалось, на небесах духи тьмы сражались с духами света. И этот страшный небесный бой проецировался на землю битвой под Москвой, Сталинградской битвой, Курской дугой, десятью сталинскими ударами и последней — завершающей — Берлинской операцией, когда русские танки станцевали вальс на имперской канцелярии и завинтили, запечатали, загнали обратно в ад тёмные силы зла. Священный характер войны определил священность По-

беды. Сегодня, в XXI веке, когда в наше сознание возвращаются религиозные смыслы и представления, Победа видится священной, видится религиозным торжеством вселенского добра, красоты и величия. 25 миллионов советских людей, погибших в этой войне, были жертвой, которую принёс наш народ, чтобы запечатать адское зло. Эта жертва — поистине Христова. Все эти мученики: и убитые, и прошедшие сквозь горнило войны, — являются христовыми мучениками. Так говорит и мыслит о них сегодняшнее православие. Эти христовы мученики, будь они солдатами отделений и взводов или батальонов и рот, или полков и дивизий, или армий и фронтов, будь это сам генералиссимус, — все они окрашены святостью, героизмом и мученичеством. Сталинский синодик, в который внесены великие герои Отечественной войны: 28 гвардейцев-панфиловцев, Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, Лиза Чайкина, Виктор Талалихин, Николай Гастелло, Дмитрий Карбышев, молодогвардейцы, — всё это были герои и святые красного времени. Но теперь, когда красная философия расширилась до религиозных христианских представлений, эти герои являются героями и мучениками религиозными, погибшими за Христа, за Победу. И недалёк тот час, когда все они будут прославлены нашей церковью как отдавшие свою жизнь за райские смыслы, за христовы ценности — за Иисуса Христа.

В Победе зарождалось солнечное человечество будущего. Пусть этому человечеству не дано было явиться на свет. Но раса солнечного человечества порождена священной войной и священной победой, и для всех поколений, родившихся и живущих после Победы, стало очевидно, что солнечное человечество возможно, что солнечному бессмертному человечеству Победой проложен путь, и по этому пути рано или поздно двинется род людской.

Священная война и Победа окончательно определили миссию русских людей. Миссия русского народа — непрерывно нести огромные жертвы, принимая на себя удары мирового зла и мировой тьмы. Эти страшные удары уносят из народных рядов лучшие жизни, влекут за собой неведомые остальному миру траты. Но ценой этих трат, этой жертвы, этого великого распятия добывается свет. Миссия русского народа — превращение мировой тьмы в мировой свет. Россия — это территория, где самые страшные и гнилостные отходы мировой истории превращаются в животворные энергии и силы солнца. Русское оружие, победившее

в священной войне, свято. Святость русского оружия, прошедшего через войну, перенеслась через множество поколений новых вооружений. Оно заложено и в современных «Искандерах», и в подводных лодках типа «Борей», и в бомбардировщиках Су-34, и в баллистических ракетах, стоящих на боевом дежурстве в шахтах илидвигающихся по пространствам России.

Святость русского оружия подтверждена образами иконописной «тридцатьчетвёрки» или истребителя Як, или «катюши», или легендарного автомата ППШ. Эти образы и сегодня смотрятся как драгоценные символы иконописи Победы.

Знамя Победы — это высшая хоругвь, которую водружал на Рейхстаге весь советский народ и все предшествующие поколения. И все самые древние дохристианские племена и народы, населявшие нашу евразийскую Родину, выстрадали своё государство, выстрадали Победу. И они водрузили знамя своего государства, знамя своей евразийской империи среди развалин чужого враждебного мира.

Знамя Победы — это та хоругвь, что уцелела в чудовищном горниле перестройки. За эти годы были истреблены и разрушены все символы, на которых зиждилось советское государство. И оно рухнуло. Не была истреблена только Победа. Её оплёвывали, в неё

стреляли, её оскверняли, её рвали на части. Но обугленная, осквернённая, пробитая пулями Победа перекечевала через 1991 год в наше время и спасла государство Российское. Знамя Победы было перенесено через эту страшную линию фронта. И окровавленный народ, народ-подранок, перейдя через роковую черту, упав на землю, достал с груди и развернул это пробитое, окровавленное знамя Победы. И от знамени Победы родилось новое государство Российское.

Победа — это не календарное событие, не эпохальное явление, не смысловая категория. Победа — это всё! Это такой грандиозный сгусток всего сущего, что если на какую-нибудь мёртвую планету, где отсутствует жизнь, брызнуть несколько капель Победы, то из этих капель родится великое государство, великая цивилизация, родится всё мироздание, потому что Победа — это полнота, это целостность, это совокупность всего сущего. Победа — это Вселенная, это Христос.

Эти мысли я испытал, находясь на Красной площади, этой каменной иконе России, куда въезжали наши величественные танки, над которой с рёвом проносились наши серебристые бомбовозы, где маршировали наши отважные шеренги. А над ними пламенело, как божественный цветок, алое знамя Победы.

/ Директор Института системно-стратегического анализа;
директор Центра русских исследований ИФПИ МосГУ Андрей ФУРСОВ /

Конспирология / криптополитэкономия капитализма **как основа изучения западных элит**

(авторский экспертный доклад Изборскому клубу)

ГЛАВА I

Есть странное противоречие в нашей жизни — жизни учёных, аналитиков, исследователей, изучающих социальную реальность. На уровне здравого смысла, регулирующего повседневное поведение, мы прекрасно знаем, что, во-первых, есть лица, группы и структуры, оказывающие на ход вещей, на жизнь значительно большее влияние, чем другие лица, группы и структуры, а порой — чем большинство этих последних; во-вторых, эти более могущественные лица, группы и структуры реализуют своё влияние, власть скрытым образом, за кулисами видимых событий; в-третьих, лица, группы и структуры, о которых идёт речь, существуют не хаотически, а организовано. Всё это довольно тривиально, и едва ли кто-то станет с этим спорить. Однако как только речь заходит об объяснении неких исторических явлений или политических событий, указанном на лежащую на поверхности социальную неравномерность, неравновесность не просто забывают или игнорируют — её стараются опровергнуть; в результате анализ или объяснение того или иного события ограничивается фасадом, тем, что можно пощупать, тем, что легко «даёт себя прочесть» (М. Фуко).

Если, например, речь пойдёт о выборах президента, то нам будут совать под нос опросы рядовых граждан (можно подумать, что они имеют такой же вес и такие же возможности, что не рядовые: ведь никто не станет утверждать, что у кукол те же права, что у кукловодов) и результаты голосования. Нам станут говорить о большинстве, его волеизъявлении и т.п. Но что значит большинство? Сто волков и тысяча овец — кто тут большинство? Сотня людей, которая контролирует 30–50% мирового богатства, власть и информацию (СМИ) и, обладая обширными международными связями, живёт в глобальном

пространстве, или несколько десятков миллионов не очень образованных работорговцев, «пролов», живущих от зарплаты до зарплаты в своем локальном мирке?

Если речь идёт о некоем экономическом событии, то нам представят статистику, подменяя количеством качество. Конвенциональная наука об обществе функционирует главным образом как наука больших цифр и эмпирических обобщений. Но ведь даже математика начинается там, где заканчивается цифирь, а из нескольких эмпирических обобщений не сделать одного теоретического. И если мы в объяснении тех или иных исторических **явлений** усомнимся в видимом, в явлении и попытаемся найти объяснение, лежащее глубже, чем видимое, которое нередко искусственно сконструировано, если попытаемся проникнуть на уровень **сущности**, такую попытку нередко квалифицируют как «конспирологию». Более того, этот термин сам по себе или в виде синонима — «теория заговора» (далее — ТЗ) — используется, когда нужно скомпрометировать ту или иную работу, концепцию или схему без обсуждения или, что ещё чаще, когда нужно не допустить такого обсуждения в принципе. Но если история свободна от Заговора как одного из важнейших факторов, то что делать с такими заявлениями, как «миром управляют оккультные силы и их тайные общества»? Или: «Судьба Европы находится в руках всего лишь трёхсот человек, каждый из которых знает всех остальных. Своих преемников они выбирают из собственного окружения. Эти люди имеют средства для того, чтобы положить конец той государственной форме, которую они считают неоправданной».

Первая фраза принадлежит представителю британской верхушки премьер-министру Великобритании Бенджамину Дизраэли, вторая — представителю немецкой верхушки (и в то же время советнику Ротшиль-

дов), промышленнику и министру иностранных дел Веймарской республики Вальтеру Ратенау.

Сказанное ими вполне соответствует научному подходу, обусловленному политэкономией капитализма. «Современная политическая экономия, — пишет нобелевский лауреат по экономике П. Кругман, — учит нас, что маленькие, хорошо организованные группы зачастую превалируют над интересами более широкой публики»¹. Эти слова принадлежат не конспирологу, а известному либеральному американскому экономисту и экономическому обозревателю, нобелевскому лауреату по экономике. Он прямо пишет о том, что, например, в Америке правые радикалы, будучи небольшой группой, но контролируя при этом Белый дом, Конгресс и в значительной степени юстицию и СМИ, стремятся изменить как нынешнюю американскую, так и мировую систему.

Задолго до П. Кругмана — в самом начале XX в. — об огромной роли маленьких, хорошо организованных групп в широкомасштабных исторических процессах на примере Великой французской революции писал Огюст Кошен на примере энциклопедистов. А ведь энциклопедисты жили и действовали до эпохи всеислия СМИ, флэшмобов и сетевых структур, контроль над которыми увеличивает потенциал «малых народов» различного типа не то что в разы — на порядки, превращая заговор в Заговор. П. Кругман очень хорошо показал это на примере деятельности неоконгов в США в 1990-е годы. «Никому не хочется выглядеть сумасшедшим теоретиком заговоров, — пишет он в своей работе «Великая ложь», — однако нет ничего безумного в том, чтобы расплывать истинные намерения правых. Наоборот, неразумно притворяться, что здесь нет никакого заговора»².

Слово сказано, и это слово — «заговор», причём как политико-эко-

¹ Кругман П. Великая ложь. М.: АСТ, 2004. С. 322.

² Кругман П. Ук. соч. С. 46.

номический феномен, как система странового, государственного уровня.

Обычно под конспирологией (от англ. *conspiracy* — заговор; «*conspiracy*», в свою очередь, восходит к латинскому «*conspiratio*» — созвучие, гармония, согласие, единение и... тайное соглашение, сговор, заговор и даже мятеж) имеется в виду сфера знания, в которой история, особенно резкие её повороты, объясняются не историческими закономерностями и массовыми процессами, а перипетиями тайной борьбы, заговоров и контрзаговоров неких скрытых сил — орденов, масонских лож, спецслужб, тайных международных организаций и т.д. и т.п. — на выбор.

Нередко акцентируется примитивный или сознательно примитивизируемый характер конспирологических схем, их несерьёзность, порой — одиозность. Действительно, немало конспирологических работ написано в погоне за сенсацией и заработком (не очень честным), отсюда — легковесность, непроверенность фактов. В то же время немало работ, именуемых «конспирологическими», суть не что иное, как своеобразные «акции прикрытия», цель которых — либо упреждающе отвлечь внимание от главного, от «базовой операции», заставить публику сконцентрировать внимание не на том «шаре», не на том «наперстке», да ещё и «наварить» на этом; либо, напротив, привлечь внимание к какой-либо третьестепенной теме или проблеме, разрекламировать те или иные структуры или тех или иных лиц как якобы обладающих неким скрытым могуществом; либо заранее скомпрометировать серьёзные попытки глубоко разобраться в тайных механизмах тех или иных событий, а тех, кто эти попытки предпринимает, выставить в невыгодном свете.

Не прибавляет доверия к конспирологии и то, что порой она становится элементом неомифологических конструкций (борьба «Добра против Зла», «сил Бытия против Небытия»

и т.п.). В таких случаях реальный и часто корректный сам по себе анализ компрометируется вненаучными целями схемы, элементом которой он оказывается и в которой научные термины пересыпаны религиозными, мифологическими и т.д., являются их функцией. Особенно когда схемы эти подаются как озарение (типа распутинского «я так вижу»), которое на самом деле представляет собой постмодернистскую версию мракобесия, шаманского камлания.

Иногда имеют место более замысловатые комбинации: конспирологическая работа появляется специально для того, чтобы, попав под огонь разгромной критики, раз и навсегда скомпрометировать исследование по данному вопросу, структуре, личности; часто это делается накануне выхода в свет серьёзной публикации по данной теме. И невдомёк публике, что автора «заказухи» — «слепого агента» — исходно снабдили недостоверной информацией, чтобы устранить серьёзное отношение к исследованиям в данном направлении вообще и — «два шара в лузу» — нейтрализовать эффект серьёзных публикаций, максимально подорвав цену на этот товар на «информационном рынке».

Кстати, сам «рынок» конспирологической литературы, так сказать, в его количественном аспекте во многом выполняет роль дезориентации людей, топтит их в потоке информации, в котором они не способны разобраться, отвлекает внимание от реальных секретов, от тех мест, где их действительно прячут.

Вспомним диалог патера Брауна и Фламбо из честертоновской «Сломанной шпаги» («The sign of the broken sword»): «После минутного молчания маленький путник сказал большому: “Где умный человек прячет камешек?” И большой ответил: “На морском берегу”. Маленький кивнул головой и, немного помолчав, снова спросил: “А где умный человек прячет лист?”

И большой ответил: “В лесу”»³. Иными словами, секреты практичнее всего «прятать» на видном месте. Подобной точки зрения придерживались не только Кийт Гилберт Честертон и такие мастера детектива, как Эдгар По («Похищенное письмо») и сэр Артур Конан Дойл, но и Александр Зиновьев: «Самые глубокие тайны общественной жизни лежат на поверхности», и в этом смысле одна (но далеко не единственная) из задач реальной конспирологии — прочитывать неявный смысл, скрытый шифр очевидного, лежащего на виду и потому кажущегося ясным. В том числе и — высший пилотаж — скрытый смысл самих конспирологических работ.

Едва ли кто сможет оспорить тот факт, что далеко не все причины и мотивы происходящего в мире лежат на виду — наоборот, они скрываются; далеко не все цели декларируются открыто, и это естественно. Мы прекрасно знаем, что большая политика делается тайно, реальная власть — это тайная власть, а зона функционирования «высоких финансов» — тайна. Поэтому, как правило, поставить под сомнение реальный анализ скрытых механизмов истории пытаются либо люди недалекие, профаны, либо, напротив, те, кто слишком хорошо знает о существовании тайных сил, структур и т.п. и старается отвести от них внимание, сбить со следа, высмеивая серьёзный поиск как конспирологию. Правда, в этом старании нередко прокалываются, в частности, на двойных стандартах в оценке различных явлений.

Возьмём, к примеру, интерпретации Коминтерна, т.е. III Интернационала, который два десятилетия втайне планировал и проводил перевороты, восстания, революции, у которого были гигантские скрытые финансы и т.п. Коминтерн — это, несомненно, конспироструктура (далее — КС), а его влияние на ход истории — это конспирологическое влияние. Почему же аналогичные

³ Chesterton G.K. The sign of the broken sword // Chesterton G.K. The Penguin complete Father Brown. L.: Penguin books, 1985. P. 144.

структуры буржуазии и аристократии, действующие в закрытом режиме, обладающие намного большим политическим и финансовым потенциалом, — не конспирологические? Напомню слова Льва Троцкого о том, что настоящие революционеры сидят на Уолл-стрит. И, добавлю я, не только сидели, но тайно помогали большевикам, а еще больше Гитлеру, решая, естественно, свои задачи. Это не говоря о том, что революции, войны и макрокризисы — это всегда заговор. А точнее — Заговор.

Разумеется, в основе кризисов и революций лежат объективные системные причины. Никто не отменял массовые процессы. Но мир — понятие не количественное, а качественное, как любил говорить Эйнштейн. В мире небольшая, но хорошо организованная группа, в руках которой огромные средства (собственность, финансы), власть и контроль над знанием и его структурами, а также над СМИ весит намного больше, чем масса людей или даже целая страна — достаточно почитать «Исповедь экономического убийцы» Дж. Перкинса.

О конспирологии можно говорить двояко — как об определённом подходе к изучению реальности и как о **на-**

учной программе или эпистемологическом поле, но не как о дисциплине (по крайней мере пока, хотя потенциально это дисциплина транспрофессионального типа, другой вопрос — актуализируется ли эта потенция и если да, то как). Как **подход** конспирология это, прежде всего, дедуктивно-аналитический поиск (хотя и индукцией не следует пренебрегать), нередко по косвенным свидетельствам, неочевидного в очевидном, тайного в явном, вычисление скрытых мотивов, причин и причинных связей (рядов), которые не лежат на поверхности, не проявляются, а если и проявляются, то в виде странностей, досадных случайностей, непонятных пустот, отклонений, которые так не любят стандартные исследователи — они им жить мешают, смущают и тревожат. Можно сказать, что в этом смысле конспирология должна быть неотъемлемым элементом социальных дисциплин в их нынешнем состоянии, компенсируя и ориентацию на то, что лежит на поверхности, на «законы количества», на явное.

Это «должна» обусловлено не только несовпадением явления и сущности, самой спецификой социального знания, в основе которого

лежит несовпадение — принципиальное несовпадение истины и интереса, на порядок усиливающее в этой области знания несовпадение явления и сущности. Эйнштейн говорил, что природа как объект исследования коварна, но не злонамеренна, т.е. не лжёт сознательно, «отвечая» на вопрос исследователя; человек же в качестве объекта исследования часто лжёт — либо бессознательно, либо намеренно, скрывая или искажая реальность в личных, групповых, системных интересах. Или будучи в плену ложного сознания, а то и просто от незнания, порой — учёного. Более того, в социальных системах целые группы специализируются на создании знания в интересах определённых слоев, т.е. в продуцировании ложного знания. Так, в капсистеме социальные науки и их кадры выполняют определённую функцию — анализ социальных процессов в интересах господствующих групп и с точки зрения их интересов, в конечном счёте — в целом (интересах) сохранения существующей системы с её иерархией. В результате социальный интерес верхов становится социальным и профессиональным интересом того или иного научного

сообщества как корпорации специалистов, которая, по крайней мере её верхняя половина, становится идейно-властными кадрами системы, особой фракцией господствующих групп, привилегированной службой.

В этом нет ничего необычного, напротив — проза жизни, в основе которой лежит двойное несовпадение: сущности и явления, истины и интереса. Постигание кем-то сущности социальной системы или властной организации, их истины и меры, как правило, не в интересах господствующих групп, они всячески препятствуют этому, ограничивая (в том числе институционально и дисциплинарно) реальные исследования уровнем явлений, причём трактуемых в интересах верхов. В результате социальный, классовый интерес верхов становится интересом обслуживающего их профессионального интеллектуального сообщества как корпорации и в известном смысле — его **истиной** в специфическом смысле слова.

Этот интерес автоматически встраивается в исследования научного сообщества, регулируя не только решения проблем, не только способы их постановки, но и то, что считать научными проблемами, а что нет. Отсюда — табу

на целый ряд проблем, их практическая необсуждаемость. В периоды кризисов реальность мстит этой табуизации, приводя верхи к классовой и геополитической слепоте, а обслуживающих их «спецов» к полной интеллектуальной импотенции. Список этих проблем в современной социально-исторической науке довольно длинный — от конспирологической проблематики до расовой и холокоста. Любой анализ знания с учётом искажающих его социальных интересов, вскрытие самих этих интересов, анализ реальности с точки зрения не тех или иных групп/интересов, а системы в целом так или иначе соотносится с конспирологией — эпистемологически, по повороту мозгов. Здесь выявляется двойной скрытый смысл: самой реальности (прежде всего, властной, социально-энергетической) и знания о ней (информационной).

Конспирология как научная программа — это, помимо прочего, всегда раскрытие секретов власть имущих, того, как **реально** функционирует власть, как распределяются ресурсы и циркулирует информация. А поскольку истинная власть — это, как правило, тайная власть или явная власть в её тайных действиях, в тайном

измерении, то её анализ по определению имеет конспирологический аспект. К сожалению, у современного обществоведения нет ни понятийного аппарата, ни возможности, а часто и желания заниматься скрытыми механизмами социальных процессов, тем, что лежит не на поверхности, теневой стороной реальности. В этом плане современное обществоведение является ущербным, половинчатым: в основном оно занимается явлениями, а не сущностью, функциями, а не субстанцией, таким образом упуская главное. Конспирология как научная программа — мера половинчатости, неполноценности современной науки об обществе. Когда будет создана полноценная, «свето-теневая» наука об обществе, нужда в конспирологии, в криптоматике отпадёт — это будет просто анализ закрытых сторон реальности, вскрывающий секреты, интересы и мотивы властей предержащих.

Иными словами, разработка конспирологии как научной программы — это работа на превращение социальных наук из одномерных в многомерные, полноценные и занимающие произвольную позицию по отношению к интересам тех, у кого в руках власть, собственность и инфор-

мация, т.е. конспирология выполняет функцию эмансипации и самокоррекции нынешней науки об обществе.

ГЛАВА II

Помимо рынка конспирологической литературы существует и рынок антиконспирологических работ, эффект которых нередко столь же контрпродуктивен, как и некоторых конспирологических: если эти последние нередко компрометируют анализ закрытых сторон реальности как таковой, то их антиподы своей слабостью или ангажированностью, стремлениям доказать, что никаких заговоров в природе нет, что, например, Линкольна и Кеннеди убили одиночки и т.п., добиваются обратного эффекта. К таким работам, в частности, относится книга Д. Пайпса «Заговор. Мания преследования в умах политиков»⁴. Уже из названия видно, что автор, сын известного русофоба Р. Пайпса, приравнивает ТЗ к паранойе. О работе Д. Пайпса, как и о ее авторе, на котором природа явно отдохнула (достаточно почитать его рассуждения), самих по себе не стоило бы говорить. Однако эта работа доводит до логического конца типичную антиконспирологическую аргументацию, активно замешанную на тупом антикоммунизме, и тем показательна, а потому взглянем на неё поближе.

Пайпс высмеивает «конспирологические» теории убийства Кеннеди (он согласен с официальной версией!), создания Федеральной резервной системы (ФРС), Французской революции. «Сплясал» он и по поводу «Протоколов Сионских мудрецов», напирая на роль этого документа в «конспирацизме». В реальности в послевоенный период «Протоколы...» не играют практически никакой роли в конспирологической литера-

туре. Но дело даже не в этом. Чёткий ответ по поводу протоколов дал Герберт Уэллс — писатель, разведчик, человек из «закулисы», причём намного более информированный, чем оба Пайпса, вместе взятые. На вопрос: фальшивка «Протоколы...» или нет, автор «Машины времени» ответил, что этот вопрос irrelevantен, т.е. не имеет значения, поскольку в мире всё произошло так, как расписано в «Протоколах...». Повторю: Уэллс «работал» на таком уровне, куда пайпсов и близко не подпустят.

Все ТЗ Пайпс-младший, примитивизируя и оглушая их, сводит к схемам поисков каверз масонов и евреев, автоматически навешивая на конспирологов ярлык «антисемитизма». Д. Пайпс — не единственный «критик конспирологии», прибегающий к этому дешевому жульническому трюку. Нередко исследователей, ищущих скрытые механизмы истории и политики, обвиняют в поисках «мирового правительства», «жидомасонского заговора», ну а от «жидомасонского заговора» один шаг не только до «масонов», но и до «жидов» и, следовательно, до обвинения в антисемитизме. Пайпс вешает антисемитизм на левых, но ведь исторически антисемитизм — это, как правило, «забава» правых, и сам же Пайпс связывает конспирологию и с правыми. Где логика? Он даже утверждает, что в 1989 г. с исчезновением советского блока исчезла и самая мощная в истории фабрика ТЗ. Бедный-бедный Пайпс. Он, по-видимому, незнаком с основами марксизма, исторического материализма, которые в том виде, в каком они развивались в СССР, исключали ТЗ по определению, поскольку акцентировали роль «объективных массовых процессов» и «законов истории». Ярлык «советского конспирацизма» Пайпс пытается навесить на любое

противодействие СССР агрессивным акциям США во внешнеполитической и идеологической сферах.

«Советским конспирацизмом» Пайпс называет «непомерный страх коммунистических режимов перед заговорами» в результате того, что они, как пишет Пайпс, сами же поверили в созданный ими образ врага⁵. По Пайпсу, выходит, что у СССР и соцстран не было врагов — они их выдумали; т.е., выходит, не было директив Совета национальной безопасности США об атомной бомбардировке советских городов. Практически любую критику в адрес США Пайпс квалифицирует как проявление ТЗ. Можно порекомендовать ему почитать Зб. Бжезинского, Г. Киссинджера, Дж. Фридмена и др., которые откровенно говорили и говорят о тех агрессивных планах США, которые Д. Пайпс квалифицирует как «конспирологические выдумки». Пайпс, по-видимому, идиот в исходном, греческом смысле слова: идиот — человек, который живёт так, будто окружающего мира не существует.

Показательно, что Пайпс не осмелился назвать свою работу научным исследованием — она не выдерживает минимальной проверки на научность. Её цель в другом — опорочить в глазах широкой публики любые попытки анализа реальных тайных пружин политики, и особенно — американской политики.

У работы Пайпса есть антиподы — ультраконспирологические схемы, авторы которых видят заговоры везде. Это крайности, посередине — скучноватый мейнстрим, в котором не столько анализируются (для этого много что надо знать и немало продумать), сколько излагаются и каталогизируются ТЗ (классика — работа Й. Р. фон Биберштайна⁶) или даётся попытка их культурологической интерпретации (например, П. Найтом⁷).

⁴ Пайпс Д. Заговор. Мания преследования в умах политиков. М.: Новый хронограф, 2008.

⁵ Пайпс Д. Ук. соч. С. 160.

⁶ Биберштайн Й. Р. фон. Миф о заговоре. Философы, масоны, евреи, либералы и социалисты в роли заговорщиков. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова. 2010.

⁷ Найт П. Культура заговора. От убийства Кеннеди до «секретных материалов». М.: Ультракультура 2.0., 2010.

Хотя обе эти книги более спокойные по тональности, чем многие другие описания подобного рода, у них есть заданная направленность, которая видна в подзаголовках. Для Найта «культура заговора» — это одновременно и реальное, до сих пор нераскрытое убийство Кеннеди с практически доказанным реально существовавшим заговором, и популярный сериал. Так сознательно стирается грань между реальностью и вымыслом и возникает некая зыбкая «культура заговора», где социальное содержание событий исчезает, растворяется в фантастике. А самое главное — снимается необходимость поиска причинно-следственных связей, который может поставить ряд неприятных или просто неприятных для истеблишмента вопросов.

В ещё большей степени это так в случае с фон Биберштайном. Он разбирает схемы, в которых в качестве заговорщиков фигурируют философы, масоны, евреи, либералы и социалисты. Но не финансисты, не капиталисты, не династические семьи, не аристократия, поскольку такой анализ, имеющий, кстати, солидную доказательную базу, подошёл бы опасно близко к реальным секретам западной системы, буржуазного общества. Тайная криминальная история капитализма, в которую в качестве активно действующих лиц, субъектов замешана верхушка, — реальность; при таком подходе уже трудно будет дать заголовок «Миф о заговоре» — с капиталом всё конкретно, и фон Биберштайн прекрасно это понимает, «тренируясь на кошках» — на философах, социалистах, на тех, кто не создаёт проблем.

В целом работа фон Биберштайна полезна — судя не только по библиографии, но и по тексту, автор перелопатил огромный пласт конспироло-

гической и антиконспирологической литературы. К сожалению, работа написана в «немецком стиле» — много знания и не так много понимания, отсюда либо легковесные, либо приземлённые суждения — автор знаком с книгами по узкой теме, но не очень хорошо представляет себе более широкую историческую реальность. Впрочем, повторю: как стартовым историографическим материалом «Мифом о заговоре» вполне можно пользоваться.

Моя работа — не историография конспирологии, тем не менее необходимо упомянуть те работы, которые обычно помещают у её истоков и которые задали определённую логику её развития и логику её критики, особенно недобросовестной. Прежде всего, нужно назвать «Памятные записки по истории якобинства» (1797) аббата Огюстэна Баррюэля⁸, «О тайных обществах и их угрозе государству и религии» Джона Робинсона⁹ и «Триумф философии в XVIII веке» Йогана Августа Старка¹⁰. По сути, это трио и сформулировало нечто вроде масонско-иллюминатской повестки дня развития конспирологии и антиконспирологии на добрую часть XIX в. Хотя Баррюэль был не первым, кто связал масонство с революцией (пионер здесь — священник Жак Франсуа Лефран с его «Сорванным покрывалом»)¹¹, и хотя документами его активно снабжал Старк, всё же именно этот аббат оказался главной фигурой у истоков конспирологии — по детальности и одновременно охвату исследования, весьма масштабному по меркам конца XVIII в., да и не только. В первом томе («Антихристианский заговор») он подробно описал как англофил Вольтер со товарищи вели идейную подготовку подрыва монархии и христианства; во втором томе («Заговор софистов

и мятеж против королей») рассказано о союзе философов и масонов; третий том («Нечестивый и архаический заговор софистов» — так же называется и четвёртый том) посвящён баварским иллюминатам, а в четвёртом показано, как заговор реализовывался в реальности.

Работы указанной «тройки», их последователей и их критиков привлекли внимание к масонско-иллюминатскому аспекту европейской истории и политики и в то же время серьёзно заузили этой тематикой анализ европейской истории и политики в её закрытом («тайном») измерении в целом.

Во-первых, сами дискуссии развивались по упрощённой схеме утверждения — отрицания («да» — «нет»), что весьма упрощало реальную историческую картину. Во-вторых, внимание отвлекалось от иных неясных субъектов мировой политики, мировой игры, например, от крупных финансовых домов (тех же Ротшильдов), от истеблишмента в целом. В-третьих, внимание отвлекалось и от Великобритании — государства, весьма заинтересованного в развитии в Европе масонских и иных закрытых структур, от государства, которое в значительной степени (хотя и не в такой, как США) было создано подобного рода структурами Европы и Англии, в какой создавало их, и от капитализма как системы.

Одна из главных слабостей конспирологических штудий заключается в том, что, «нарыв» огромный, интереснейший, нередко убойный эмпирический материал, переворачивающий представления о многих исторических событиях, их авторы не смогли адекватно концептуализировать его, превратив в особую дисциплину и/или перестроив под определённым углом уже суще-

⁸ Barruel, A. Mémoires pour servir à la l'histoire du jacobinisme. 4 vol. Londres: De l'Imprimerie Française, chez Ph. Le Boussonnier and Co, 1797–1798.

⁹ Robinson, John. Über Geheime Gesselschaften und deren Gefährlichkeit für Staat und Religion Königsutter: Culemann, 1800.

¹⁰ Stark, Johann August. Der Triumph der Philosophie im Achtzenten Jahrhunderte. — Germantown: Rosenblatt (Bolling), 1803.

¹¹ Lefranc J.F. La Voile levé pour les curieux, on Les secrets de la Revolution révélé à l'aide de Francmaçonnerie. — Paris: Valade, 1791.

ствующие дисциплины. Для этого нужно было вписать конспиротудии в проблематику исторического и теоретического анализа капитализма как системы, поскольку и закрытые («тайные») наднациональные структуры мирового согласования и управления и возможности небольших по численности групп проектно направлять ход истории или, по крайней мере, пытаться это делать, логически вытекают из социальной природы капитализма, его особенностей.

Более того, именно капиталистическая система (и в таком масштабе только она) порождает закрытые наднациональные структуры мирового управления и согласования, существующие в режиме «заговора», они имманентны ей; по сути, её существование без них невозможно. Они — такая же черта капсистемы, как циклы накопления капитала или циклы борьбы за мировую гегемонию и мировые войны; более того, развитие КС теснейшим образом связано с экономическими и политическими циклами капсисте-

мы, по ним можно судить о системе в целом, поскольку они воплощают целостные (пространство) и долгосрочные (время) аспекты стороны её функционирования.

В конце жизни Маркс заметил, что если бы он писал «Капитал» заново, то начал бы с государства и международной системы государств. Сегодня я бы сказал так: если в наши дни писать заново «Капитал» (эта задача весьма актуальна), то начинать надо с того, что с лёгкой руки И. Ильина называют «закулисой», т.е. с закрытых наднациональных структур согласования и управления — именно они самим фактом своего существования снимают одно из важнейших, базовых противоречий капитализма. Без этого снятия (в гегелевском — *Aufhebung* — смысле) и без структур-персонификаторов этого снятия функционирование капитализма, по сути, невозможно. Конспирология как процесс и реальность («как воля и представление») — необходимое условие существования капитализма и процесс этого существования одновременно.

ГЛАВА III

В экономическом плане капитализм — цельно-мировая, наднациональная система, мировой рынок не знает границ; его *locus standi* и *field of employment*, как сказал бы Маркс, — мировой рынок, мир в целом. А вот в политическом плане капсистема — это не целостность, а совокупность, мозаика государств, их международная (*international*) организация, т.е. организация национальных государств. Это одно из серьёзнейших противоречий капитализма — противоречие между капиталом и государством, мировым и национальным (государственным).

К середине XIX в., по мере превращения капитализма в целостность, в систему-для-себя или, как сказали бы марксисты, в формацию, т.е. с обретением им адекватной ему материальной (вещественной) базы — индустриальных производительных сил, капитализм обретает прочный производственный фундамент. Но индустриальные производительные силы носят **региональный**

характер, будучи сконцентрированы в зоне Северной Атлантики, тогда как производственные отношения носят **мировой** характер, вступая в противоречие с государственно-политическими формами и стремясь взломать их. Так противоречие между целостным мировым характером экономики и суммарно-мозаичным национальным характером государственно-политической организации обретает ещё одно измерение: мировые производственные отношения (и их персонификаторы) противостоят не мировым, а региональным производительным силам и не мировым же, а национальным государственно-политическим структурам — и их персонификаторам. В результате, во-первых, интересы государств оказываются, как правило, тесно связанными с таковыми промышленников, капиталов реальной, «физической», как сказал бы Л. Ларуш, экономики, а интересы финансистов объективно противостоят и тем и другим. Разумеется, реальность сложнее, для неё порой характерны различные выверты и комбинации, хитрые переплетения линий вероятности, обусловленные

конъюнктурой, обстоятельствами — как историческими, так и семейно-личностными (это хорошо показали в своих романах О. Бальзак, Э. Золя и др.). И тем не менее названное выше базовое противоречие и сподобы (формы) его снятия остаются определяющим всю эволюцию, всю моторику капитализма. Но мы немного забежали вперед.

У крупной буржуазии, в какой бы стране она ни жила (особенно если это крупная страна), прежде всего у её финансового сегмента, всегда есть интересы, выходящие за национальные рамки, за пределы государственных границ — своих и чужих. И реализовать эти интересы можно, только нарушая законы — своего государства или чужих, а чаще и своего, и чужих одновременно. Причём речь идёт не о разовом нарушении, а о постоянном и систематическом, которое, следовательно, должно быть как-то оформлено. Ведь одно дело, когда капиталу противостоит слабая или даже не очень слабая политика в Азии, не говоря уже об Африке, — здесь достаточно силового варианта «дипломатии канонёрок». А как быть в мире равных или относительно

равных: Великобритании, Франции, России, Австрии, со второй половины XIX в. — Германии, США? Это совсем другое дело. Здесь уже так просто не забалуешь, нужно не огнестрельное, а организационное оружие, которое оформило бы интересы капиталистических верхушек различных государств, сняло их противоречия с государством и стало бы выражением их целостных (вне- и наднациональных) и долгосрочных интересов.

Таким образом, поскольку товарные цепи на мировом рынке постоянно нарушают государственно-политические границы, нередко вступая при этом в противоречие с интересами «пересекаемых» государств, верхушке капиталистического класса, во-первых, необходимы наднациональные, надгосударственные структуры/организации; во-вторых, эти организации должны быть если не совсем тайными, то закрытыми от широкой публики, и, в-третьих, эти организации/структуры должны иметь возможность влиять на государства, воздействовать на их руководителей, лидеров, находясь одновременно и над государством, и над капиталом.

По сути, то, чем занимаются эти структуры, иначе, нежели перманентным и институционализированным заговором, не назовешь. А потому речь должна идти о КС. К КС относятся все типы закрытых, в условиях капитализма чаще всего (хотя далеко не всегда) наднациональных структур — масонские ложи, закрытые клубы, тайные общества, организации орденового типа и т.д. КС ни в коем случае не исчерпываются масонерией и квазимасонерией, хотя в XVIII в. и в значительной части XIX в. они были доминирующей формой организации КС. Однако с конца XIX в. и тем более в XX в. возникают новые, более современные формы КС, не отменяющие старых, нередко связанные с ними, но значительно более непосредственно связанные с политикой, экономикой, разведкой.

КС — это третий «угол» капитализма как системы, причём угол, находящийся вверху, над капиталом и государством, располагающихся на одной плоскости. КС — это третье измерение, завершающее систему капитализма и придающее ей целостность. Когда историю капиталистической эпохи пишут и рассказывают как историю только государств(а) и капитала, — это неполная, неполноценная и фальшивая история. Это двухмерная история трёхмерной системы. Без КС история капиталистической эпохи непонятна — и невозможна. Другое дело, что история КС должна быть вписана в историю капитала (его циклов накопления) и государства (борьбы за гегемонию), а их отношения анализироваться как субъекта и системы. Только в этом случае мы получим целостную, интегральную историю эпохи, а не схему, способную удовлетворить профанов, в том числе и таковых от науки.

КС снимают не только базовое политико-экономическое противоречие, о котором шла речь, но и другие: между различными формами капи-

тала и, соответственно, фракциями капиталистического класса; между государствами.

Представляя одновременно и капитал, и государство, связывая их организационно в такой сфере, которая находится вне государства и вне капитала, КС в то же время оказываются над государством и над капиталом, выражая целостные и долгосрочные интересы капсистемы и выступая таким образом персонификатором целостных и долгосрочных интересов капиталистического класса как её системообразующего элемента. Здесь необходимо дать рабочее определение капитализма, которым я буду пользоваться: как говаривал Декарт, «il faut définir le sens des mots» — «определяйте значение слов». Если капитал в строгом (системном или, как сказали бы марксисты, формационном) смысле слова — это овеществлённый труд, реализующий себя как самовозрастающая стоимость в процессе обмена на живой труд, то капитализм — это социальная система, в основе которой лежит этот процесс. Но это не вполне достаточное определение. Капитализм — это далеко не только капитал: капитал существовал до капитализма и, скорее всего, будет существовать после него. Капитализм — это сложная социальная система, институционально (государство, политика, гражданское общество, массовое образование) ограничивающая капитал в его долгосрочных и целостных интересах (и таким образом продлевающая для него время) и обеспечивающая ему экспансию (пространство).

Экспансия необходима потому, что капитализм — экстенсивно ориентированная система: как только мировая норма прибыли снижалась, капитализм вырывал из некапиталистической зоны ту или иную часть и превращал её в капиталистическую периферию — источник дешёвой рабочей силы и дешёвого сырья. Исчерпание некапиталистических

зон (1991 г.) означает асфиксию и относительно скорую смерть, а точнее, демонтаж капитализма «властелинами его колец»¹². В этом плане глобализация — терминатор не только Советского Союза, системного антикапитализма, но и капитализма как системы. И весьма симптоматично — диалектика: глобализация в значительной степени есть продукт деятельности КС.

Наконец, есть ещё одно важное противоречие буржуазного общества, которое призваны снимать КС. В буржуазном обществе официальная власть не является сакральной, тайна не является её имманентной характеристикой. Это в «докапиталистических» обществах Азии, Африки и доколумбовой Америки тайна была имманентной характеристикой власти, но эта тайна была на виду, очевидной. Люди знали о тайной власти и о тайне власти, саму власть воспринимали во многом как нечто таинственное, сакральное. Кстати, поэтому в данных случаях заговоре как **системе**, как особом феномене, строго говоря, особой нужды не было. Разумеется, это не означает отсутствия реальных заговоров и тайной борьбы в этих обществах.

Совершенно иначе обстоит дело с капитализмом как системой. Поскольку в капиталистическом обществе производственные отношения носят экономический характер, а эксплуатация осуществляется как очевидный обмен рабочей силы на овеществлённый труд, социальный процесс почти прозрачен: рынок, господство товарно-денежных отношений, институциональное обособление власти от собственности, экономики — от морали, религии — от политики, политики — от экономики (управление экономикой отделяется от административно-политического процесса — «закон Лэйна»), экономики — от социальной сферы. Всё это обнажает социальные и властные отношения буржуазного общества.

¹² Подр. см. об этом: Фурсов А.И. Колокола Истории. М., 1996.

Рационализация экономических, социальных и политических сфер и отношений максимально открывает процессы, происходящие в этих сферах, делает их принципиально читаемыми и превращает в объект исследования специальных дисциплин — экономики, социологии, политической науки.

Власть в буржуазном обществе лишается сакральности и таинственности. Кроме того, помимо государства как ипостаси власти существует гражданское общество. В буржуазном обществе власть — государство и политика — особенно с середины XIX в., если и не просвечивается, то оказывается весьма и весьма на виду, тем более что официально претендует на открытый и рациональный характер. К этому надо добавить избирательную систему с её правами (в Великобритании — с 1867 г.), а также тот факт, что буржуазное общество (в ядре капиталистической системы) — единственное, которое легализует политическую оппозицию, и пусть лицемерно, но официально провозглашает демократию и права человека в качестве политических принципов. Это, естественно, создаёт очень серьёзные проблемы и для капиталистического класса, и для отражающего его интересы государства, т.е. для системы в целом — проблемы, которые усугублялись и обострялись по мере учащения социальных конфликтов, войн и революций.

Открытый демократический политический фасад самым серьёзным образом затрудняет, если вообще не делает невозможным нормальное функционирование капиталистической системы, т.е. реализацию классовых интересов верхушки за счёт основной массы населения и в ущерб ей, поддержание власти и привилегий этой верхушки. Поэтому нормальное функционирование здесь политико-экономической системы требует создания закрытого властного контура, тени, завесы — того, в чём не было столь острой потребности до капитализма. Требуется тем сильнее и жёстче, чем демократичнее выглядит фасад, который именно по причине своей

демократичности и открытости должен быть лишён реальной власти, или она, по крайней мере, должна быть сведена к минимуму. Это и есть ещё одна задача КС, рост и усиление которых прямо пропорциональны внешней демократизации буржуазных обществ, тогда как соотношение сил между ними носит обратно пропорциональный характер, представляя собой игру с нулевой суммой в пользу КС. Повторю: данный аспект развития КС не является результатом злого умысла, а обусловлен противоречием между внешней логикой развития политических институтов как общенациональных и реальными классовыми (в том числе и мирового уровня) интересами господствующего класса. И в данном случае КС — средство снятия острого социального противоречия, неведомого иным, чем капиталистическое, обществам.

По мере публичного «огосударствления» населения, превращения его граждан в агентов публичной политики, пропорционально возрастала роль тайной, закулисной политики, тайной власти, причём не только внесударственной — масонской и иных тайных обществ, но и самого государства. Последнее в условиях разрастания публичной сферы и роста значения гражданского общества уводило в тень, за кулисы наиболее важные аспекты, стороны и направления своей деятельности, реальную власть и её главные механизмы. И чем большая часть населения получала избирательные права, чем публичнее становилась политика, чем — внешне — демократичнее общество, тем большая часть — особенно в XX в. — реальной власти уводилась в тень, действовала конспиративно, в качестве заговора, срачиваясь с закрытыми структурами. Иными словами, заговор есть обратная, «тёмная», «теневая» сторона демократии и публичности, по сути — тёмная/теневая сторона Модерна в его североатлантическом ядре.

В этом плане можно сказать, что конспирология есть анализ одной из важнейших, если не самой

важной, тёмной стороны Модерна, компенсацией того, чем не занимается наука об обществе Модерна. В равной степени сами КС — это компенсаторная реакция капиталистической системы на своё вынужденное историческими обстоятельствами отклонение от своей природы. Посредством подобных организаций в интересах верхушки капиталистического класса снимались важнейшие противоречия системы, включая базовое, — между экономической целостностью/капиталом и государственно-политической фрагментарностью/государством, между социальным временем и социальным пространством (с глобализацией эта борьба времени и пространства закончилась победой времени, но цена этой победы — исчерпанность капитализма и обусловленная этим задача его демонтажа его же хозяевами). Снимались за пределами видимости данного общества как типа и как реальности, для того чтобы другое противоречие — между трудом и капиталом — не привело к взрыву, т.е. решение одного противоречия диктовалось необходимостью решения другого. И наоборот.

«Окончательным решением» указанного противоречия по задумке «хозяев мировой игры» (О. Маркеев) должно стать нечто вроде мирового правительства. К созданию последнего верхушка капиталистического класса устремилась с XIX в.: в конце XIX в. задача создания мирового правительства была поставлена на повестку дня, а весь XX в. эту «повестку» пытались исчерпать. Забегая вперёд, отмечу, что каждый раз на пути решения этой задачи хозяевами Запада, т.е. «хозяевами мировой игры», вставала Россия — сначала царская, а затем советская; в этом — одна из причин «горячей любви» к России и к нам, русским, хозяев капиталистической системы, особенно британцев (подробнее см. ниже).

Итак, создание КС, наднациональных структур мирового управления и согласования — императив для верхушки капиталистического класса, включая операторов мирового рынка, которые стали «капиталистами про-

тив своей воли» (Р. Лахман). Однако готовых к употреблению, «естественных» капиталистических организаций наднационального уровня у буржуазии и капитализирующейся аристократии XVIII в., когда эта потребность и задача уже вполне осознавались, не было и не могло быть. Хорошо евреям, которые жили «в порах» современного мира, как финикийцы — «в порах древнего мира» (К. Маркс), и могли в своих интересах в качестве наднациональной использовать родственную, семейную систему, как это сделали Ротшильды на рубеже XVIII–XIX вв. и таким образом решить проблему организации наднационального уровня. Отсюда отмеченная многими исследователями начиная с Карла Маркса и Вернера Зомбарта тесная связь еврейства и капитализма, синхронность их подъёма с начала XVI в., резко ускорившаяся в XIX в. Поэтому, естественно, буржуазия и капиталистически ориентированная аристократия использовала, прежде всего, те организации, которые были в наличии, например масонские. Последние начинали выполнять новые функции, в том числе для выяснения династических отношений в новых условиях — миро-

вой борьбы за рынки, а также служа средством борьбы с государством (уже антифеодальным, но ещё не буржуазным, а «старопорядковым»), причём не только для буржуазии, но и для других групп.

Вот это «для других групп» заслуживает повышенного внимания, особенно с точки зрения анализа генезиса КС, — вместе с капитализмом, ведь это две стороны одной медали. Выше говорилось о том, что КС снимают базовое противоречие капитализма, и в этом их функция. Но сказано и о том, что у капиталистического класса готовых структур для выполнения этой функции не было и они приспособляли под это уже существовавшие, в частности, масонские, служившие интересам далеко не только и даже не столько буржуазии, сколько других групп, хотя и связанных с мировым рынком функционально. Старые структуры обрели новое содержание, модифицировавшее их: старые ключи стали отпирать новые замки. Однако в то же время и это содержание испытало на себе мощное воздействие прошлого, тем более что организовавшие эти структуры группы в значительной степени вошли в состав нового

капиталистического класса — речь в основном идёт о британском капиталистическом классе, хотя и не только о нём.

Дело в том, что на месте разрушившегося и разрушенного в XIV–XV вв. феодализма в Западной Европе возник так называемый Старый порядок (Ancien regime — словосочетание, запущенное в оборот во Франции в 1789 г., чтобы оттенить новизну революции и обличить в качестве негатива то, что её вожди стремились уничтожить, и то, что на самом деле было намного гуманнее их режима), просуществовавший более двух веков. Это уже постфеодальный, но ещё не капиталистический строй. По сути, Старый порядок — это антифеодальная машина, заинтересованная в мировой торговле, но вовсе не готовая допускать в первые ряды буржуазию. Короли в Старом порядке превратились в монархов («монархическая революция» XVII в.), а феодалы — в аристократию, главным образом — придворную (этот процесс хорошо описан Норбертом Элиасом).

Жизнь старопорядковой аристократии была, конечно же, более комфортной, чем жизнь феодальной знати, однако их политико-экономи-

ческая «сделочная позиция» по отношению к крепчавшему государству, к монархии ухудшилась¹³. Кроме того, они утратили феодальную организацию и вынуждены были довольствоваться теми оргформами, которые предлагало/навязывало им государство. Поэтому ещё до того, как буржуазия начала активно использовать оставшиеся от прошлого структуры, этим озаботились экс-сеньоры — уже не феодалы, но ещё не буржуазия, а землевладельцы и торговцы, связанные с мировым рынком, но ещё не подчинённые капиталистическим укладам. Напомню: собственник, будь то крупный или мелкий, превращается в буржуа, а его собственность — в буржуазную только тогда, когда капиталистический уклад ставит под контроль совокупный процесс общественного производства в целом, т. е. становится способом производства. Пока этого не произошло, мы имеем дело с операторами рынка — национального, регионального, мирового, с «капиталистами против своей воли», но не с буржуазией. Африканский князёк, регулярно поставляющий рабов на мировой рынок, функционально является капиталистом (как и директор в СССР времён перестройки, получивший в 1988 г. право выхода на мировой рынок), но ни в коем случае не буржуа.

К активному поиску постфеодальных форм, способных противостоять монархии (как конкретной, так и вообще), подталкивали ту же английскую аристократию и обстоятельства. В конце XVII в. в Англии произошла династическая революция, за ней последовала борьба Стюартов и Ганноверской династии, сыгравшая значительную роль в оживлении масонства и в последующем превращении КС в третьего — наряду с капиталом и государством — субъекта капсистемы, построившего её до целостности, а в XIX в. превратившего государство

в функцию капитала на мировом уровне. Сам капитал при этом, однако, регулировался КС и в то же время подталкивал их развитие. Последние выполняли капиталистическую функцию и выступали в качестве балансира капсистемы, но вовсе не являлись стопроцентно капиталистическими или тем более буржуазными по происхождению.

Из сказанного выше ясно, что КС — латентно в XVII в. и открыто в XVIII в. — создавал некий субъект. Сам этот субъект, в свою очередь, отчасти был «собран», отчасти собрался сам в Англии, и активное время сборки, генезиса приходится на вторую половину XVI — первую половину XVII вв. Как известно, генезис определяет функционирование любой сущности, будь то субъект или система (чаще речь должна идти о субъектосистемах и системосубъектах). Поэтому имеет смысл внимательнее взглянуть на эмбриональную фазу развития КС, поскольку субъект этот имеет к ним самое непосредственное отношение: и они, и капитализм — его детища. И это притом что, как верно заметил Энгельс, те, кто создал капитализм, — это кто угодно, но только не буржуазно ограниченные люди.

Новоевропейский, а точнее новоанглийский субъект, историческая «сборка» которого началась в 1530–1540-е годы, сконструирован из пяти элементов. Английская пентаграмма XVI в. была представлена английской знатью, английским капиталом (Сити), английскими пиратами, еврейским капиталом и венецианцами. Причём именно последние — количественно незначительный элемент — сыграли в исторической мутации решающую роль, а именно роль катализатора и закрепителя одновременно. Собственно, венецианцы и дали толчок процессу сборки — вопреки несходству с Англией и англичанами, а быть может, благодаря ему. «Вене-

ция и Англия в XVI в., — писал Дж. Арриги, — были совершенно различными типами организации, которые развивались в совершенно различных направлениях, но иногда пересекались друг с другом при движении к своим собственным целям¹⁴. И действительно, венецианско-английский синтез привёл к фантастическому результату, изменившему ход развития Евразии и мира протянувшегося в будущее. Вплоть до того, что сторонники Ост-Индской компании в британском парламенте в 1780-е годы называли себя «венецианской партией».

Весьма показательна популярность в среде британских верхов конца XVIII в. венецианского художника Антонио Каналетто (1697–1768). Его картины покупали герцог Ричмондский, эрл Карлайл и многие другие, а герцог Бедфорд вообще отвёл под 24 (!) картины Каналетто целый зал. В чём причина такой популярности? Каналетто создал знаменитую серию видов Венеции, на которых город изображён не таким, каким он стал во второй половине XVIII в., а каким он был в XV–XVI вв., преуспевающий, уверенный в себе, в обрамлении памятников. Каналетто застал многое из той эпохи. Для британских представителей верхушки такая Венеция была символом успеха: они считали, что именно внешняя торговля, как у венецианцев XV–XVI вв., у которых они приняли эстафету, — мотор власти и богатства, и именно поэтому упивались живописью венецианского мастера¹⁵.

Полтора века спустя, в 1930 г., Ялмар Шахт, призывая европейских банкиров поддержать Гитлера, обосновывал это тем, что Гитлер, наконец, ломает национальные государства в Европе и банкиры получают «Венецию размером с Европу».

Именно средневековая Венеция, насчитывавшая в XVI в. 200 тыс. на-

¹³ Le Roy Ladurie. L'etat royal de Lui XI à Henry IV (1460–1610). P.: Hachette, 1987. P. 94–95.

¹⁴ Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006. С. 245.

¹⁵ Colly L. Britons. Forging the Nation, 1707–1837. New Haven; L.: Yale University Press, 1992. P. 62.

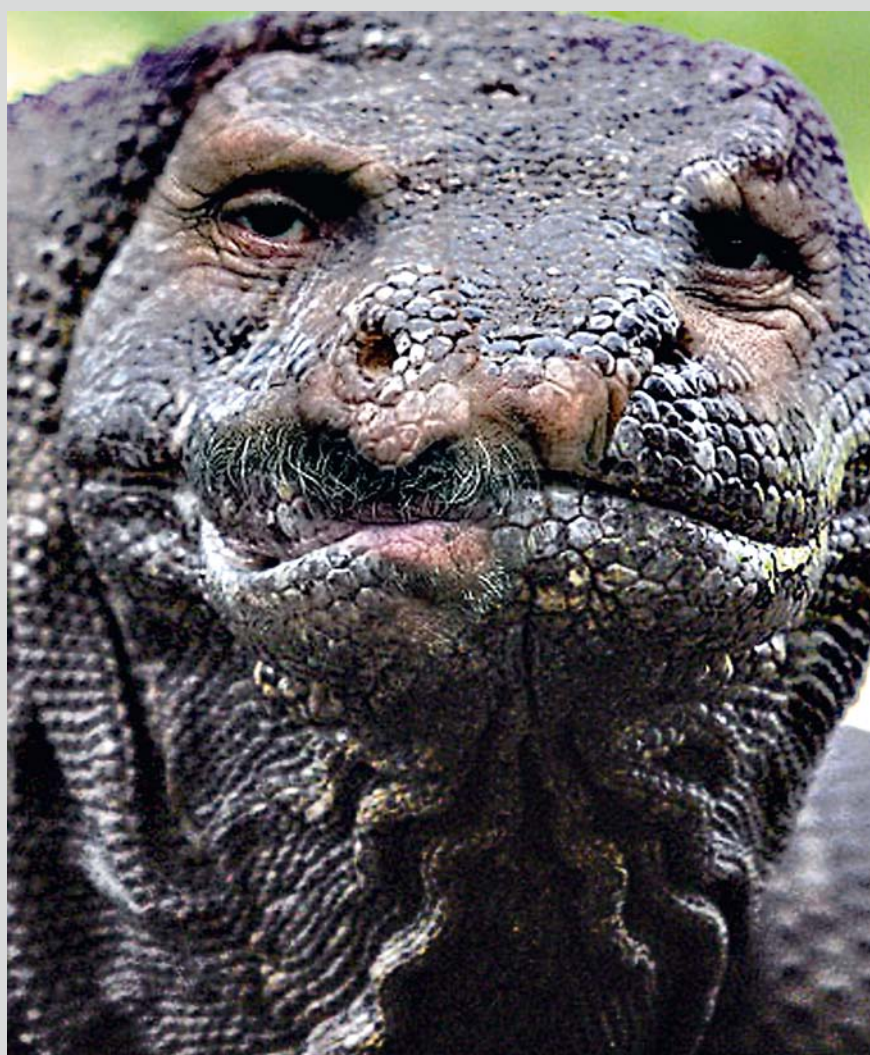

селения, управляемого 40 семьями, а не античные Афины и Рим, во многих отношениях формировала современный Запад. О роли Венеции в истории Европы свидетельствует помимо прочего и её генетическо-генеалогический вклад. Венецианская аристократия дала 17 папских семей, включая Борджа и Орсини; в родстве с ней находились/находятся: Медичи, Сфорца, Бурбоны Франции и Пармы, Савойский дом, баварские Виттельсбахи и ещё шесть-семь герцогских и маркграфских домов; выходцами из Венеции являются еврейские семьи Морпурго (финансировали Наполеона), Варбургов (финансировали Наполеона и Гитлера), американских Кэботов (еврейская семья Каботи из Ломбардии, перебравшаяся в X в. в Венецию) и многие другие. По женской линии с венецианской аристократией связаны финансисты и промышленники неаристократического происхождения, например владельцы «Фиата» Аньелли.

Венеция стала катализатором процесса формирования хищного исторического субъекта новоевропейского Запада, который оказался «чужим» по отношению не только к неевропейским цивилизациям, но и к самой европейской. Но особенно сильным было венецианское влияние на Англию. Однако в Англии лишь заземлился некий процесс, который обусловлен принципиальным отличием капитализма от всех других социальных систем. Именно это отличие и делает наличие закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления как формы организации западных элит исторической необходимостью.

ГЛАВА IV

Пожалуй, главное метафизическое, метаисторическое отличие капитализма от всех предшествовавших ему систем, его главная тайна заключается в том, что история этой системы с определённого, причём довольно раннего момента, примерно с середины XVIII в., приобретает

проектно-конструируемый, если угодно, направляемый, номогенетический характер. Нельзя сказать, что до XVIII в. никто, никакие группы и силы никогда не предпринимали попыток направить ход истории тем или иным образом. Однако эти попытки, за редкими исключениями, во-первых, носили локальный характер; во-вторых, были краткосрочными и, как правило, проваливались; в-третьих, до середины XVIII в., а точнее до хроноотрезка 1750–1850-х годов для такого рода попыток не было серьёзной производственной базы.

В «длинном XVI веке» (1453–1648 гг.) возникает то, что И. Валлерстайн назвал европейской (североатлантической) мир-системой, история приобретает мировой характер. Кроме того, возникают не-

обходимые и достаточные условия для исторического проектирования теми группами, которые, оттолкнувшись от эпохи «длинного XVI века», в течение столетия после его окончания превратились в операторов мирового рынка, а следовательно — в потенции — в операторов мировой истории.

Возможности проектировать и направлять ход истории, конструируя её, зависят от нескольких факторов: — наличия организации, способной ставить и решать задачи подобного рода, т.е. обладающей геоисторическим целеполаганием, способностью к стратегическому планированию в мировом масштабе и волей действовать на этой основе;

— адекватного объекта манипуляции как средства решения за-

- дач проектно-конструкторской (геоинженерной) исторической деятельности;
- наличия финансовой базы, обеспечивающей доступ к власти и собственности и сохранение прочных позиций в обеих этих сферах;
 - контроля над информационными потоками при значительной роли последних в жизни общества или как минимум его верхов;
 - наличия структур рационального знания, анализирующего закономерности истории, массовые процессы и социальные группы в качестве объектов и средств реализации проектно-конструкторской деятельности.

Организацией, способной определённым образом направить ход истории, было английское масонство, опиравшееся на финансовую мощь Сити, мощь операторов мирового рынка (буржуазии), аристократи-

ческих клубов и, конечно же, государства Великобритании. В конце XVIII в. к масонам «присоединились» иллюминаты, «созданные» иезуитами для борьбы с масонством, но вышедшие из-под их контроля, а сами масоны получили сработанную ими оперативную базу — искусственно созданное, полигонно-историческое государство США, куда вскоре устремились и иллюминаты, процветающие там до сих пор (Йейл: «Череп и Кости»), и другие группы и структуры, неуютно чувствовавшие себя в Европе.

В середине XVIII в. удивительным образом одновременно возникли и адекватный объект манипуляции — массы («вещество»), и мощнейшая финансовая база (деньги — «энергия»), и новые информпотоки («информация»).

Объектом манипуляции может быть масса, в меньшей степени — класс, т.е. такой атомизированно-

агрегированный человеческий материал, который состоит из индивидов, а не из коллективов, массовый индивид. Любым традиционным коллективом, укоренённым в «малой традиции», имеющим общие нормы, ценности, предание, будь то община, клан, племя, каста и т.п., трудно манипулировать. А вот «одинокая толпа» (Д. Рисмэн) городов, особенно прединдустриальных и раннеиндустриальных, ещё не превратившаяся в «трудящиеся классы» и только ещё превращающаяся в «опасные классы», столь красочно описанные Эженом Сю, — совсем другое дело, это адекватный объект для широкомасштабных исторических манипуляций. И появляется этот объект, это «вещество» — массы — именно в середине XVIII в., чтобы взорваться, а точнее, быть взорванным в «эпоху революций» (Э. Хобсбаум), в 1789–1848-е гг.

Выход масс на авансцену истории предоставил огромные возможности

широкомасштабным манипуляторам. Он же позволил им ловко прятать свою проектно-конструкторскую активность (Заговор) за массами, за их «объективными» интересами и целями (которые они сами не могли сформулировать), ну а контролирует массы тот, у кого деньги, организация и информация и кто понимает ход истории и массовых процессов, на которые — вместе с массами — в случае чего можно свалить всю вину за эксцессы. Именно с появлением массовых совокупностей индивидов, «человека толпы» (Э. По), массовых процессов законы истории приобретают видимый и вполне рационализируемый характер, а следовательно, их можно оседлать, дело лишь за организацией и финансами.

В середине XVIII в. начинается финансовый взрыв; если во второй половине XVII в. «высокие финансы» снимают урожай «длинного XVI века», то в середине XVIII в. формируются основы современной финансовой системы. Разумеется, и в докапиталистическую эпоху, и на заре капитализма в XV–XVI вв. банкиры могли оказывать существенное воздействие на ход истории: венецианцы профинансировали Третий крестовый поход (т. е. разрушение Константинополя) и отчасти — Реформацию; Барди и Перуцци в XIV в. финансировали английских королей, а Фуггеры в XVI в. — Карла V; союз банкиров и ростовщиков Ломбардии, тесно связанный еврейскими религиозно-родственными узами с банками Англии и Чехии (Прага), был настолько силен, что сыграл свою роль в разрушении конкурентов — ордена тамплиеров. Однако ни одна из названных сил не имела тех возможностей, которые возникли в XVII–XVIII вв. с наступлением капиталистической эпохи. Во-первых, в XVII в. произошла финансовая революция, начавшаяся в 1613–1617-х гг. созданием семейством Барухов Standard Chartered Bank и фиксацией гудвила

в 1617 г. и завершившаяся созданием в 1694 г. Центрального банка Англии и изобретением государственного долга — мощнейшего финансового оружия Альбиона в борьбе за господство в Европе и мире.

Взрыв в развитии банковского капитала, о котором идёт речь и который сделал его всесильным, был обусловлен тремя факторами, стимулировавшими развитие «высоких финансов»: британско-французской борьбой за мировое господство; колониальной экспансией европейских держав и начавшейся промышленной революцией. Всё это требовало дешёвых средств и совершенствования финансовой организации. Надо ли говорить, что банкиры были активными участниками КС?

Наконец, последнее по счёту, но не по значению — роль информации. В XVIII в. произошло ещё одно изменение кардинального порядка — резко, качественно выросла роль определённым образом организованной («упакованной»), подаваемой в качестве рациональной, научно обоснованной, принципиально новой и направленной информации и контроль над ней. Эти информпотоки обосновывали претензии новых социальных групп и их союзников из структур Старого порядка на участие во власти и становились мощным психоисторическим оружием КС в переформатировании сознания элиты, социальной вербовке адептов средством тщательно подготавливаемого перехвата власти с помощью массового движения, первым из которых впоследствии станет Французская революция 1789–1799 гг.

«Энциклопедия» со стеклянной ясностью продемонстрировала ту роль, какую играет в обществе претендующая на рациональную новизну и социально ориентированная и идейно упакованная информация (информация специального и политического назначения), каково её воздействие на элиты, ставящее

их под воздействие определённого информпотока и открывающее их таким образом влиянию КС или даже превращающее во внешний круг последних. По сути, «Энциклопедия» — это первый пример успешной информационной войны эпохи Модерна, причём войны двойной: энциклопедистов и тех, кто стоял за ними, против Старого порядка за умы и сознание элиты и войны между основными кланами самих энциклопедистов за то, кто будет влиять на элиту и получит главные дивиденды от этого¹⁶.

Таким образом, в середине — второй половине XVIII в. впервые в истории в невиданных доселе масштабе и форме произошло соединение вышедших на первый план по логике развития капитализма как системы «больших финансов» (денег, золота), информпотоков и больших масс атомизированного населения. Произошло соединение в одной точке Вещества (массы), Энергии (деньги) и Информации (информпотоки идеи) и концентрация их в одних контролирующих руках. Точкой соединения и одновременно субъектом последнего, соединителем, контролёром, стали, прежде всего, закрытые наднациональные структуры согласования и управления, в данном конкретно-историческом случае — масонские КС.

Подчёркиваю: произошло это в соответствии с законами развития капитализма и его логикой. Более того, на эти законы с целью их активного использования в своих интересах в противостоянии монархии и церкви КС обратили самое пристальное внимание, довольно быстро выявив и идеологически зафиксировав противоречия двух указанных институтов с развитием капитализма. В связи с развитием идейно-информационной сферы и задачами анализа социальной реальности возникает потребность в структурах рационального знания и, соответственно, в особых отрас-

¹⁶ Эта тема освещена в: Badinter E. Les passions intellectuelles. P.: Fayard, 1999. Vol. I–II.

лях этого знания, анализирующих массовые процессы, массовое поведение, исторические законы. Чтобы использовать массовые процессы, информационно и энергетически влияя на них в нужном направлении, т.е. чтобы оседлать их, нужно их изучать, но само изучение должно носить закрытый характер — по Платону, который говорил, что даже если мы узнаем имя создателя этого мира, его не следует сообщать всем. Именно КС закрепили модель двухконтурной социальной науки на Западе: внешний — для общего пользования, для профанов, и внутренний, для ограниченного круга — для тех, кто делает историю, для ее субъектов.

Капитализм, несмотря на всю якобы стихийность рынка, значительно преувеличенную и мифологизированную (даже так называемый «mid-Victorian market» 1850–1870-х годов — это не более чем регулируемый социальный институт, просто регулировка неплохо камуфлировалась), — это проект. Проект, далеко не всегда успешно реализуемый относительно небольшим числом связанных друг с другом регулярными отношениями лиц, групп и структур, действующих организованно, в соответствии с долгосрочными планами и вовсе не открыто, а, как правило, тайно. Аналогичным образом в закрытом режиме действуют и организации этого проекта — его «конструкторские бюро». Тайный (закрытый) проект — что это, если не Заговор в самом широком смысле слова? КС, Заговор суть формы нормального функционирования капитализма — реального капитализма, а не той идеологической, далёкой от научности схемы, которую преподносят как его апологеты, так и его многие критики из профанно-профессорской науки. Без понимания того великого эволюционного перелома, который произошёл в середине XVIII в., мы не поймём ни капитализм, ни прошлое, ни сегодняшний день, когда на повестке дня КС стоит демонтаж капитализма. Не поймём и в результате проиграем Большую Историю

чeskую Игру, приз в которой — достойная жизнь и место под солнцем в посткапиталистическом мире.

Начало проектно-конструкторского этапа в истории Европы и мира совпало с подъёмом англосаксов, Великобритании и — шире — наднационального североатлантического субъекта со всей его этнической мозаикой и его КС. Это не случайно: исходно масонские организации как первая форма КС эпохи капитализма были тесно связаны с политическими и финансовыми интересами английского (с 1707 г. — британского) государства. Для финансово-аристократического союза операторов мирового рынка и европейской/мировой политики, сложившегося в столетие между английской революцией и Семилетней войной, т.е. в период, наполненный окончательной победой британской олигархии над Стюартами, т.е. устранением угрозы их восстановления на троне и двумя победами над Францией — над Людовиком XIV и над Людовиком XV, Великобритания была чем-то большим, чем государство и империя. Для них это был кластер торговых домов и масонских организаций, некая Матрица, в которой как в старой форме реализовывались новые интересы и в то же время в которой как в обновлённой форме продолжали развиваться старые интересы. Показательно, что именно в середине XVIII в. войной за австрийское наследство (1740–1748) Великобритания, как заметил Г.У.В. Темперли, открыла счёт войнам, в которых абсолютно преобладали торговые интересы и которые велись исключительно ради баланса торговли, а не баланса сил. Показательно и то, что в середине XVIII в. прекратилось трехсотлетнее противостояние между Австрией (Габсбурги) и Францией, которое было одной из главных геополитических осей 1450–1750-х гг., т.е. эпохи, когда феодализм уже закончился, а капитализм в строгом системном («формационном») смысле ещё не начался, — эпохи Старого порядка. Это ещё одна черта со-

вершившегося в середине XVIII в. исторического перелома.

Иными словами, Великобритания в середине XVII — середине XVIII вв. оформилась как нечто невиданное до тех пор — новая, компромиссная форма взаимодействия старых, коренящихся в английском и венецианском Средневековье, в гностической античности и ближневосточной крылатольвиной вавилонской и иудейской древности, сил, ставших наряду с новыми силами операторами мирового рынка. При этом и рынок, и его операторы в виде буржуазии и новой аристократии словно вдохнули жизнь, произошёл энерго-информационный обмен. В то же время уже к середине XVIII в. намечилось то противоречие, которое со всей остротой проявится два века спустя в США — между США как государством и США как кластером транснациональных компаний. В Великобритании XVIII в. это было противоречие (далёкое от американской остроты) между Великобританией как государством и Великобританией как кластером, паутиной торгово-финансовых структур, аристократических клубов и масонских лож. Зонами несовпадения интересов государства и лож были вопросы дальнейшей судьбы Ост-Индской компании и событий в североамериканских колониях; зоной совпадения — экспансия лож в Европе («на континенте»), уничтожение Франции как конкурента. Процессом и структурой, полем и средством устранения этих несовпадений/противоречий стала Вторая Британская империя (1780–1840-е годы). Однако этому предшествовал период активной работы по трём «конспирологическим направлениям», в котором интересы государства и лож отчасти совпадали, отчасти вступали в противоречие:

- 1) создание сети масонских континентальных лож, управляемых из Лондона;
- 2) создание масонского государства, свободного от традиционных государственных ограничений

и в этом смысле — искусственного, экспериментального, а следовательно, территориально вынесенного за пределы Европы;

- 3) подрыв Франции на международной арене и изнутри путём создания серьёзных внутренних проблем и беспорядков с активным использованием масонства, масонских лож как мощного оружия. Это и составило основное содержание первого этапа развития КС.

В цели и задачи настоящего доклада не входит анализ основных этапов формирования западной элиты и её закрытых наднациональных структур. Отмечу лишь, что эти этапы в целом совпадают с основными этапами развития капиталистической системы, циклами накопления капитала и борьбы за гегемонию. Первый

этап — 1710–1770-е годы; второй этап стартует возникновением иллюминатов и Французской революцией 1789–1794-х гг., открывшей полувековой период масонских революций, и завершается образованием Второго рейха и объединением немецких масонских лож в единую «Тайную Германию» (начало 1870-х годов). С 1880-х годов начинается третий этап развития конспироструктур как имманентной формы организации верхушки западных элит. Он совпадает с началом упадка Великобритании как гегемона мировой капиталистической системы, и неудивительно, что именно британская элита отреагировала на него созданием закрытых элитарных структур нового типа: «Группа» («Мы») Родса, «Общество» Милнера. Позднее мы видим возникновение континенталь-

ных структур — немецких, а также таких, как французские «Круг» («Cercle») и «Век» (Siècle). Венчает эту череду Бильдербергский клуб, созданный в 1954 г. с целью примирить два основных сегмента западной элиты: англо-американский и немецко-североитальянский, связанный с Ватиканом. Кризис, в который капиталистическая система вступила на рубеже 1960–1970-х годов, потребовал новых структур, и они возникли: Римский клуб (1968) и Трёхсторонняя комиссия (1973). Можно предположить, что обострение системного кризиса капитализма, происходящее в наши дни, потребует либо модификации уже существующих закрытых структур западной элиты, либо возникновения новых. Кое-что прочерчивается пунктиром уже сейчас, но это — тема отдельного разговора.

/ Елена ЛАРИНА /

Война элит во времена перемен

Согласно GoogleTrends и Wordstat Yandex, из года в год растёт число поисковых запросов на английском и русском языках с такими словами, как «мировые элиты», «раскол элит», «элитные войны», «правлящий класс», «господствующий один процент» и т. п.

Недавно исследователи установили поразительный факт. Выяснилось, что поисковые запросы по различным темам, связанным с политикой, экономикой и даже, например, с заболеваниями, не следуют за событиями, а подчас опережают их. Оказалось, что поисковые запросы, сообщения в Twitter, посты в социальных медиа позволяют уловить тенденции гораздо раньше, чем они чётко проявляются в реальной жизни и тем более отражаются в статистической отчётности. Хотя до сих пор не вполне понятно, с чем связано это удивительное явление, то ли с «мудростью толпы», то ли с работой коллективного бессознательного, но факт налицо.

Как бы там ни было, по всей вероятности, коллективный разум пользователей Интернета обладает уникальной способностью к прогнозированию, которой не наделено подавляющее большинство пользователей поодиночке. Налицо интегральный эффект, когда целое не равно сумме частей. Сегодня эту способность к прогнозированию, а точнее к предчувствию начинающихся тенденций, тех или иных предстоящих событий, уже используют разведывательные сообщества, финансовые институты и даже медицинские учреждения. Например, статистика запросов Google уже несколько лет позволяет американскому Минздраву резко повысить точность прогнозов эпидемий гриппа и других заболеваний, а также темпов их развития и геолокации.

В этой связи рост запросов «раскол элит», «война элит», «правлящий класс» и т. п. — не просто свидетельствует о нарастающем интересе к теме, но и является индикатором грозных тенденций, ранним сиг-

налом грядущих потрясений. Любопытно, что динамика запросов, связанных элитной темой, примерно одинакова на самых различных языках мира — русском и английском, китайском и французском и т. п. Это свидетельствует о том, что тенденция носит глобальный характер и грядущие перемены не обойдут стороной ни один регион, ни одну страну мира.

Сердцевиной вопросов, связанных с конфликтами элит, нарастающими противоречиями между высшим 1 % и остальными 99 % населения, расколом в правящем классе, является тема власти. Она стара как мир. Исследователи, профессионально занимающиеся так называемым кратоведением (кратос в переводе с латинского — «власть») насчитывают более 200 определений власти и примерно с полсотни толкований термина «правлящие элиты».

Интуитивно понятно, что власть наиболее тесно связана с таким отношением, как господство/подчинение. Как свидетельствуют психологи, именно таким образом понимают слово «власть» дети. Как давно и хорошо известно, их устами в основном и глаголет истина. Правда, для того, чтобы использовать на практике данный подход, его необходимо уточнить. Надо понять, чем же конкретно является подчинение.

Важнейшее свойство любой жизни — это активность, а отличительная черта разума — способность к целесообразному поведению. Или, как написал наш великий соотечественник П. Анохин, «к опережающему реагированию на возможные, но ещё не случившиеся события, подчинённому цели». Любое действие человека, будь он руководителем страны или обездоленным её гражданином, всегда и обязательно имеет цель. Именно цель определяет человеческое поведение, а следовательно, и любые действия человека.

Целей люди достигают, используя те или иные ресурсы. Причём ресурсы можно рассматривать в широком и узком смысле слова. В широком

смысле ресурсы — это всё, что используется для достижения цели. В узком же смысле, ресурс — это то, что используется для достижения цели, за исключением личных навыков, воли, способности распорядиться ресурсами и других имманентных человеку свойств. Для упрощения изложения далее ресурсы будут пониматься в их широком смысле. Наконец, люди всегда достигают своих целей в сотрудничестве или, наоборот, в конфликте с другими людьми.

Человек — это существо общественное, и вне общества существовать не может. Более того, вне общества он не станет даже человеком. Имеется более чем 100 надёжно документированных случаев, когда физически здоровые дети в силу различных обстоятельств оказывались лишёнными человеческого общества и воспитывались животными. В подавляющем большинстве случаев, когда их удавалось вернуть в социум, они не смогли стать его полноценными членами. Во многих же случаях они не смогли даже овладеть разговорным языком и письменностью. В то же время, сначала в СССР, а в XXI веке — в США, Израиле, Китае, слепоглухонемые от рождения или с малых лет дети благодаря специальному обучению смогли развить способности, получить навыки и стать полноценными членами общества.

Два этих факта, взятых вместе, позволяют сделать важнейший вывод. Мышление и психика человека, хотя и являются своего рода продуктом мозга, не представляют собой его результат и не порождены исключительно нейрофизиологией. Чем дальше человек проникает в тайны мозга и природы вообще, тем яснее становится, что идеальное не сводится только к идеальному. Физическими, химическими и биологическими закономерностями нельзя объяснить деятельность психики и понять сознание. Если бы это было так, то ребёнок, обладающий здоровым мозгом, в любом случае стал бы полноценным раз-

умным человеком, вне зависимости от того, воспитывался ли он людьми, или звериной стаей. Психика — это не только отражение материи, но и нечто другое, пока ещё до конца непознанное. Существует множество эмпирических фактов, полученных в ведущих лабораториях мира, которые убедительно свидетельствуют о несводимости психики к материи и не могут быть объяснены в рамках имеющихся знаний.

Данное обстоятельство чрезвычайно важно для понимания природы власти. Человек является и остаётся таковым только в обществе. Общность может быть совершенно различных размеров. Но обязательным для человека является наличие других, взаимодействие с ними, а значит, и организация.

Теперь можно дать наиболее общее определение власти, которое одинаково пригодно для любого типа обществ. Власть — это способность, возможность и практика использования властвующими подвластных для достижения собственных целей как ресурса. Там, где есть власть, там подвластный субъект обязательно превращается в объект или в ресурс господствующего. Собственно, власть в том и состоит, что кто-то тем или иным способом может навязать свою волю и заставить других людей делать то, что ему нужно. Высшей формой власти является принятие подвластными целей властвующего как своих собственных. В этом случае подвластные могут демонстрировать чудеса находчивости, воли, мобилизации всех своих ресурсов на достижение целей, которые они искренне считают собственными, а по факту являющихся чужими, а именно целями властителя.

Таким образом, власть коренится в организации, связана с целями и определяется наличием или отсутствием ресурсов. Существуют три основных подхода к определению источников власти, а соответственно и тех, кто ей обладает.

Первый — это классовый подход, связанный с такими фигура-

ми, как К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин и т. п. Согласно этому подходу, всё определяется собственностью на средства производства. Экономика полностью и безраздельно определяет все иные сферы человеческой жизни и господствует над ней. Данный подход до сих пор имеет много сторонников. Он широко используется и в политической практике. Однако более чем через 150 лет после формирования подхода стала ясна его определённая ограниченность. Общество — это сложное явление и процесс. А любой сложный процесс представляет собой гиперцикл, т. е. процесс, где причины и следствия постоянно меняются местами, где соотношения между различными элементами, контурами и уровнями непостоянны и динамичны и т. п.

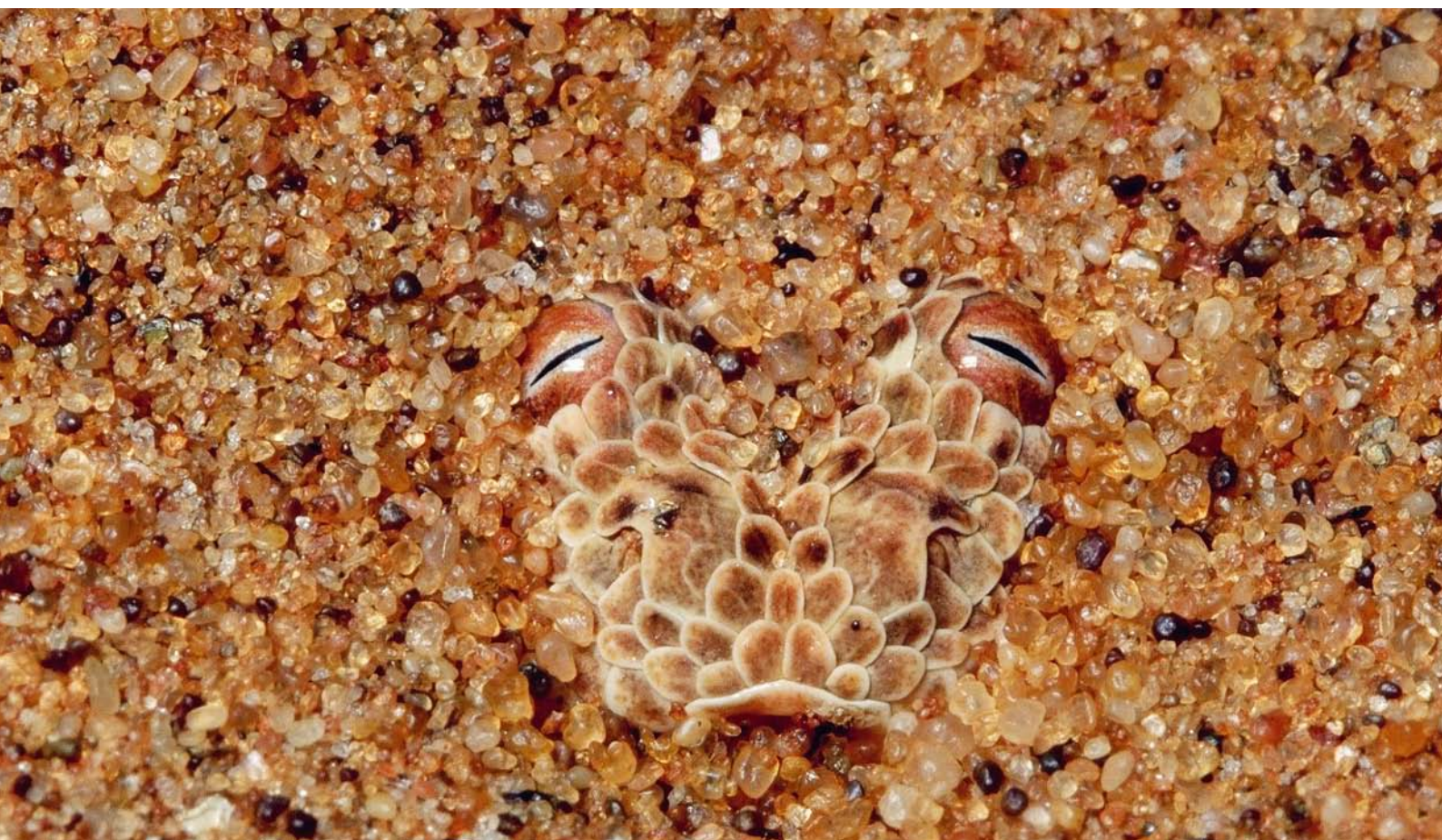
Второй подход был сформулирован отцами теории элит Г. Моска и В. Парето. Кстати, В. Парето известен не только как крупнейший политолог, но и как успешный предприниматель и один из основателей прикладной эконометрии. В ходе исследований он установил, что во многих сферах жизни, прежде всего в экономике и политике, действует закон, который получил его имя — закон Парето, или принцип 80/20. Согласно принципу, 80% работы делают 20% персонала. Или 80% богатств принадлежат 20% населения и т. п. За минувший век закон Парето был многократно подтверждён. Более того, выяснилось, что так называемое негауссово распределение (или распределение Парето) характерно в первую очередь для процессов, в которых принимает участие человек. В мире природы же более распространено гауссово распределение, или принцип 50/50. Парето так же, как и Моска, предполагал, что в мире правят те, кто наиболее эффективен, прежде всего в политике и отчасти в экономике. Основоположники теории элит не придерживались той точки зрения, что всё в мире определяет только экономика, и первенство отдавали политике. В политике же, по их мнению, выигрывали те, кто мог

создавать наиболее эффективные организации и жёстко, хитро, умно и, если надо, безжалостно использовать организационный ресурс для господства над населением.

Во второй половине XX века появился и стал набирать силу третий подход. За рубежом он представлен такими различными мыслителями, как А. Грамши, П. Сорокин, М. Манн. В России с определёнными оговорками в рамках этого подхода работал выдающийся советский мыслитель В. Крылов, а в настоящее время — А. Фурсов. Данный подход предполагает, что власть действительно принадлежит наиболее эффективным, умелым, волевым и т. п. В этом плане они согласны с основоположниками элитного подхода. Также сторонники третьей точки зрения разделяют позиции марксизма о том, что при капитализме решающей сферой или источником власти является господство в экономике. Соответственно, они не отвергают классовый подход.

Однако особенность третьего подхода в том, что он конкретен и гибок. Его сторонники убеждены, что нет единых для всех обществ законов развития и принципов организации. Каждая цивилизация имеет свои отличительные черты и особенности, а соответственно, и главный ресурс власти. Например, А. Фурсов справедливо указывает, что аналогом капитала для России является русская власть. Это связано с тем, что в российской цивилизации власть и собственность были неразделимы на протяжении последних 300 лет, тогда как на Западе дело обстоит по-иному.

Представляется, что подход, базирующийся на разнообразных источниках власти, является наиболее соответствующим реалиям жизни, её разнообразию и сложности. Например, М. Манн — автор наиболее крупного исследования власти за последний 25 лет, считает, что существуют четыре источника власти: экономический, политический, идеологический и военный.

В последние десятилетия достижения самых различных наук позволяют всё увереннее говорить, что наш огромный, сложный, динамичный и разнообразный мир, в котором, казалось бы, ничто не повторяется, построен из ограниченного числа исходных элементов. Это одинаково верно и для физики, и для социальных процессов. Нельзя сказать, что эти мысли являются прерогативой исключительно нашего времени. Ещё в древности известные китайские мудрецы создали знаменитый И-Цзын. В «Книге перемен» всё многообразие процессов и ситуаций сводится к 64 гексаграммам. Вполне вероятно, что подобный принцип лежит в основании феномена власти и элит, которые олицетворяют и реализуют власть.

Существует огромный массив данных, подтверждающих, что знаменитая пирамида А. Маслоу, определяющая человеческие потребности, достаточно хорошо отражает реалии

человеческого общества. Действительно, основные потребности, мотивы, интересы людей могут быть сведены в пять ключевых блоков: витальные потребности, связанные с пищей, кровом, одеждой и т. п.; потребность в безопасности; потребность в коммуникации, связанная с необходимостью нахождения в обществе и принадлежностью к той или иной группе; потребность в самоуважении или в определённом статусе; и, наконец, потребность в самореализации или познании.

Для каждого человека, группы и даже общества эти потребности комбинируются в различные композиции и по-разному проявляют себя в неодинаковых ситуациях и в различные периоды времени. Внимательно сопоставив структуру пирамиды потребностей Маслоу с источниками власти, можно обнаружить, что они достаточно близки между собой. Это неудивительно, поскольку деятельность любого

человека связана с реализацией способностей для удовлетворения потребностей. Последние выступают как цель деятельности. Соответственно, потребности формируют виды деятельности, а они, в свою очередь, определяют структуры и организации — от племени и рода до государств и надгосударственных организаций.

Соответственно, можно выделить пять основных источников, а точнее ресурсов, обладание которыми обеспечивает власть и принадлежность к элите. Это экономический, политический, военный, культурный и знаниевый. Приведённый выше перечень позволяет быстро ухватить суть дела, но одновременно содержит в себе определённые подводные камни. В неизменном виде он справедлив для капиталистического общества и менее применим для других. В этой связи необходимо иметь в виду, что каждый властный ресурс включает в себя факторы и от-

ношения, свойственные всем человеческим обществам без исключения.

Так, экономический ресурс связан с собственностью на средства производства в широком смысле этого слова, включая владение, пользование, распоряжение не только станками, машинами, оборудованием, зданиям, землёй, но и программами, телекоммуникационными линиями и т. п. Этому властному ресурсу соответствуют витальные потребности.

Политический ресурс в строгом смысле — это организационный ресурс. Любое человеческое общество требует определённой организации. Организация выражается не только в установлении определённых правил, норм, обязательных для исполнения, называемых институтами, но и тех людей, которые обеспечивают соблюдение этих норм, их совершенствование и умелое использование. Любое организованное сообщество — это, прежде всего, сфера взаимодействия, раз-

деления функций, полномочий и ответственности. Этому ресурсу власти соответствует потребность в статусе.

Человеческий род относится к достаточно ограниченной группе биологических популяций, члены которых осуществляют насилие по отношению друг к другу. С первых дней существования человечества до сегодняшней поры рука об руку с кооперацией и альтруизмом идут конкуренция и насилие. Существуют различные точки зрения на динамику насилия в человеческой истории. Однако даже сторонники позиции возрастания альтруистичности человеческих сообществ не спорят, что насилие остаётся мощным средством разрешения как внутренних, так и внешних конфликтов организованных сообществ различного масштаба — от племени и группы до государств и надгосударственных образований. Понятно, что насильственный ресурс власти является таковым благодаря свойственным человеку, как любому

живому существу вообще, стремлению к безопасности и продолжению дальнейшего существования.

Как отмечалось выше, один из крупнейших социологов нашего времени М. Манн относил к одному из четырёх ключевых ресурсов власти идеологию. Однако есть смысл посмотреть на дело шире. Идеология является всего лишь одной из форм проявления общественного сознания, идеального в человеческом обществе, коллективной психики и т. п. Рядом с идеологией стоят такие хорошо понятные практически каждому, но тем не менее трудно формулируемые феномены, как вера, культурно-языковая общность и т. п. Все они являются своеобразным цементом, скрепляющим человеческие общества в единое целое. Именно они придают целостность социальным организациям самых различных масштабов. В одних случаях, как указывалось, это вера, в других — идеология, в третьих — язык, обычаи

и традиции. В широком смысле всё это можно объединить термином «культура». Этому ресурсу власти соответствует потребность в идентичности, принадлежности к определённой группе, этносу, народу, стране, конфессии.

Наконец, отличительной способностью человека является способность мыслить, осознавать поступки, создавать вторую природу и в перспективе совершенствовать первую. С первых минут после рождения, как установили психологи, у человека, даже вне зависимости от социального окружения, появляются способности ориентироваться. Это первая познавательная способность и первые знания, которые получает ребенок. Затем на протяжении жизни приобретённые, добытые и созданные знания становятся ценнейшим багажом, который позволяет выжить человеку в самых сложных условиях. Поэтому многие проницательные мыслители справедливо видели в знаниях важнейший ресурс власти. Этому ресурсу соответствует человеческая потребность в самореализации.

Для того чтобы подытожить описание пяти базисных ресурсов власти, которые в различных комбинациях и конкретных формах присутствуют во всех человеческих обществах, на всех стадиях их развития, приведём несколько афористичных высказываний. В совокупности они характеризуют каждый из ресурсов: «Власть вырастает из ствола винтовки» (Мао Цзэдун), *Money talks* (любимая поговорка Дж. Ф. Рокфеллера), «Знание — сила» (Фрэнсис Бэкон), «Миф есть мгновенное целостное видение сложного процесса, и он даёт власть» (Маршалл Маклюэн). «Власть — это не только то, что у вас есть, но и то, что враг думает, что у вас есть. Власть исходит из двух основных источников — деньги и люди. «Неимущие» должны выстроить власть из плоти и крови, создать организацию» (Сол Алинский — крупнейший американский политтехнолог, учитель Б. Обамы и Х. Клинтон).

В различных цивилизациях в разные эпохи значимость и конфигурация властных ресурсов различна. Однако всегда имеется главный определяющий ресурс, который задаёт всю структуру элиты. Этот ресурс должен соответствовать трём критериям:

Во-первых, иметь решающее значение для воспроизводства конкретного общества в ту или иную историческую эпоху. Например, для капитализма таковым ресурсом является собственность на средства производства. Именно от динамики технологических платформ в решающей степени и зависит воспроизводство капитализма как общественной системы и капиталистического строя западной цивилизации;

Во-вторых, господствующим является тот ресурс, вокруг которого наращивается вся ткань социальной жизни и человеческого взаимодействия. Этот ресурс определяет своего рода топологию общества и структуру его правящей элиты;

Наконец, в-третьих, ресурс должен в рамках конкретного общества в определённое время быть максимально просто конвертируемым в иные ресурсы господства. Например, при капитализме таковым ресурсом сегодня является капитал в его финансовой, денежно-долговой форме. Для российской же цивилизации аналогичные функции, как справедливо указывал, например, А. Фурсов, выполняет власть или организационный ресурс.

Господствующие группы, обладающие соответствующими властными ресурсами, составляют правящий класс того или иного общества. Однако, как справедливо отмечал В. Парето, не весь правящий класс — это элита. И в правящем классе есть властители и подвластные. Грубо говоря, элита — это властвующая страта правящего класса, верхушка иерархической пирамиды, которая представляет собой в той или иной степени все известные развитые общества более-менее крупного масштаба.

Исторический материал дал большую эмпирическую базу для определения критериев принадлежности к элите в рамках правящего класса. Таких критериев пять. Причём все пять относятся к так называемым периферийным (подчинённым) элитам, а четыре из них — ко всем элитам, включая ядерную, господствующую. Критерии эти таковы:

- Наибольшая эффективность, успешность, конкурентоспособность в рамках определённого вида профессиональной деятельности, связанной с собственностью на тот или иной вид властных ресурсов. Именно на этот аспект обращали внимание основатели элитного подхода В. Парето и Г. Моска;
- Наличие наибольшей собственности на наиболее качественные властные ресурсы определённого вида. Поскольку собственность — это всегда распоряжение, владение и пользование чем-либо, то крайне важны не только аспект отношений, но и характеристики того, чем пользуются. Данный аспект впервые был подробно рассмотрен выдающимися американскими политологами Р. Милсом в его «Правящем классе» и Г. Домхоффом в бестселлере «Кто правит Америкой»;
- Господствующие позиции в пределах своей ресурсной группы. Как уже отмечалось выше, правящий господствующий класс существенно шире властвующей элиты. Властвующая элита господствует не только над обществом, но и над членами самого правящего класса, которые находятся у неё в зависимости;
- К элите относятся члены конкретной ресурсной группы, которые обладают наиболее обширными и устойчивыми связями с представителями правящего класса и в особенности элит из других ресурсных групп. Речь идёт о горизонтальных связях, которые формируют элитные группировки как своеобразные акторы дей-

ствия, участвующие как единое целое в самых разных сторонах жизни общества, в его экономических, политических и культурных процессах;

- Наконец, ещё один критерий, который относится только к периферийным или подчинённым ресурсным группам, а также периферийным элитам по отношению к элите глобального домината. Речь идёт о признании господствующей ядерной элитой отдельных членов или группы представителей других ресурсных групп как своих. Как уже указывалось, для капитализма ядерным, топологически образующим ресурсом являются вещные факторы производства, а ключевым отношением — собственность на них. Соответственно, ядерной элитной группой является экономическая элита, которая и принимает, в конечном счете, в свои ряды членов других ресурсных групп. В этом смысле можно согласиться вслед за Г. Домхоффом с тем, что классовый и элитный подход не противоречат, а дополняют друг друга.

Таким образом, в любом сколько-нибудь масштабном обществе образуются пирамиды властвующих и подвластных. Причём в составе властвующих, которых обычно называют правящим классом, в свою очередь, выделяется правящая элита.

Традиционно в состав правящей элиты включаются лишь отдельные индивидуумы или группы различной размерности. Если посмотреть подавляющую часть работ по элитологии или теории власти, то обнаружится, что речь в них идёт исключительно о великих личностях, известных исторических деятелях, крупнейших финансистах, промышленниках, военачальниках и т.п. Также объектом рассмотрения, особенно в XX веке, стали различного рода элитные группировки тесно взаимодействующих между собой лиц, родов, сообществ и т.п.

Историческая фактура, относящаяся абсолютно ко всем цивили-

зациям и типам обществ, убедительно свидетельствует, что, хотя роль личности в истории велика, а историческую динамику, в конечном счёте, определяют массы, в ключевых точках историю делают именно относительно небольшие сплочённые группы и иные типы организованностей. Сегодня это — уже более-менее господствующая среди аналитиков точка зрения.

Однако буквально в последние десятилетия появилось ещё одно дополнительное измерение природы и динамики власти. В своё время Томас Гоббс написал о государстве как о Левиафане. Позднее, в конце XX века, была впервые обнародована мысль, что институты являются своего рода квазиразумными существами, действующими в собственных интересах. В последние десятилетия наука накопила большой эмпирический материал, свидетельствующий о том, что различного рода организации способны к целенаправленному поведению, опережающему реагированию на события, и обладают собственными интересами, не сводимыми к интересам работающих в них и даже владеющих ими людьми. Некоторые организации или институты, носящие формальный характер — от Римской католической церкви до, например, МИ-6, или недокументированный — от русских бригад до розенкрейцерских лож, — имеют как минимум три интереса или потребности: потребность в существовании, поддержании собственной идентичности и экспансии.

Могут меняться люди, входящие в состав структур, их лидеры, а в некоторых структурах, носящих юридический характер, даже собственники, но интересы этих организованностей будут оставаться неизменными, вне зависимости от персоналий. Они являются полноценными акторами исторического процесса и чем дальше, тем больше занимают господствующие позиции в глобальной элите.

Данный взгляд достаточно непривычен. Традиционно историки и аналитики полагают, что действуют

только люди и их группы. Только они обладают потребностями, волей и целями. Однако, вероятно, это не так. Определённые, хотя и не все организации также обладают интересами, способны к активности, демонстрируют целенаправленное поведение и потому являются полноценными участниками глобальной динамики. Метафорически можно сказать, что наряду с вычислительным интеллектом уже давно и успешно действует своего рода организационный интеллект. У этого интеллекта, так же как у искусственного, есть собственные алгоритмы, программы, матрицы репликации и т.п. Это огромная отдельная тема, которая заслуживает внимательного изучения. Характерно, что в последние три-четыре лет в Соединённых Штатах IARPA и корпорация MITRE, работающие на американское разведывательное сообщество, щедро выделяют ассигнования на так называемый social software. Social software — это методы, инструменты и среда создания максимально эффективных квазиразумных структур, своего рода новых големов.

Все акторы, входящие в состав правящей элиты, подчиняются законам власти. Наибольшее признание не только среди аналитиков, а главное, среди практиков получили три закона власти. Каждый из них имеет под собой огромные массивы исторической фактуры, подтверждающие их справедливость.

Один из основоположников дискретной математики и кибернетики У. Эшби выдвинул так называемый общий принцип управления, можно добавить — и власти. Он гласит: «Разнообразие управляющей системы должно быть больше разнообразия управляемого объекта». Эта интерпретация близка к ранее полученным выводам К. Шеннона о том, что «пропускная способность канала связи должна быть не меньше разнообразия сигнала». Применительно к теории элит и проблематике власти можно назвать этот принцип — принципом власти

Эшби или принципом элитного превосходства: власть должна обладать ресурсами, обеспечивающими господство над обществом.

Ещё до Эшби свой принцип управления и господства сформулировал британский мыслитель, предтеча одновременно фабианства и традиции аристократического тайного управления Д. Рёскин. В изложении крупнейшего историка и конспиролога, любимого профессора Б. Клинтона К. Куигли, этот принцип выглядит следующим образом. «Рёскин обращался к оксфордским студентам как к членам привилегированного, правящего класса. Он говорил им, что они владеют величественной традицией образования, красоты, власти закона, свободы, добропорядочности и самодисциплины; но эту традицию невозможно сохранить, и она не заслуживает сохранения, если её не удастся распространить на низшие классы в самой Великобритании и на неанглийское население всего мира. Если эта благородная традиция не охватит эти два громадных большинства, меньшинство высшего класса англичан в конечном счёте будет затоплено невежественными массами, и традиция погибнет». Этот закон господства можно назвать «принципом Рёскина» — однонаправленности социодинамики властвующих и подвластных, или принципом элитной адекватности.

В 80–90-е годы прошлого века интересный и, к сожалению, недооцененный математик, системщик, социолог В. Седов выдвинул принцип, который он назвал принципом контура управления. В работе А. Назаретяна дана такая формулировка этого принципа: «В сложной иерархически организованной системе рост разнообразия на верхнем уровне обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях, и наоборот, рост разнообразия на нижнем уровне разрушает верхний уровень организации (то есть система как таковая гибнет)».

Иными словами, господствующая элита должна постоянно держать

включёнными «социальные лифты» и рекрутировать в свой состав наиболее талантливых, волевых, пассионарных и профессиональных членов не только периферийных элит, но и подвластного общества. В этом и только в этом случае господствующая элита будет не только располагать большими ресурсами, но и иметь волю, пассионарность и достаточную квалификацию, чтобы максимально эффективно этими ресурсами воспользоваться, с одной стороны, для развития общества в целом, а с другой, конечно же, для сохранения своего элитного положения. В ситуации, когда социальные лифты отключаются, вход в правящий класс закрывается, а элита становится слишком узкой и недоступной не только для других, лучших членов правящего класса, но и представителей общества, страну ждёт неизбежный кризис всегда с негативными, а зачастую с крайне печальными последствиями. Существуют и иные законы власти. Однако они требуют дополнительной эмпирической проверки.

Три закона власти, несмотря на кажущуюся простоту, позволяют не только проводить достаточно глубокий анализ положения в обществе, но и прогнозировать перспективы его динамики, устанавливать вектор на развитие или деструкцию.

Элиты, так же как любые организации высокого порядка, не вечны. Они приходят и уходят. В. Парето даже назвал историю «кладбищем элит». Циклы жизни элит связаны с двумя достаточно различными группами факторов. Одна группа носит внутриэлитный характер и впервые была обнаружена мусульманским мыслителем Средневековья Ибн Халдуном. В работе «Мукаддима: введение в историю» он ввёл ключевое для понимания власти и элит понятие — «асабия». Асабия означает способность элиты к коллективным действиям в общих интересах с принесением в жертву индивидуальных преимуществ ради общего блага. С теми или иными вариациями этот важнейший признак принадлежности к элите, обеспечивающей собственное господство

и существование подвластной страны, был переоткрыт П. Кропоткиным как «самопожертвование» и позднее Л. Гумилевым как «пассионарность». Ибн Халдун первым установил, что элиты не могут сохранять постоянным уровень асабии, и по мере того, как он ослабевает, они сходят с исторической арены. Анализируя динамику асабии, важно учитывать открытый Р. Михельсом железный закон олигархии. Он гласит: «Любая форма социальной организации, вне зависимости от её первоначальной демократичности, неизбежно вырождается во власть немногих избранных» — олигархию или номенклатуру. Самое тяжёлое положение и печальные перспективы для элиты и общества складываются тогда, когда, с одной стороны, снижается уровень асабии, а с другой — в полной мере проявляется железный закон олигархии.

Анализируя по критерию асабии исторический процесс, несложно заметить, что уровень асабии является важнейшим фактором смены

господствующих групп в рамках общего элитного цикла.

Возникает вопрос а чем же порождён элитный цикл, т.е. смена ядерных элит, а также группировок внутри ядерной элиты? Вполне очевидно, что дело здесь не в пассионарности, самопожертвовании либо каких-то иных личностных качествах или организационных параметрах, а в чём-то ином.

Наиболее точный ответ содержится в той традиции, которую принято называть марксистской. Это не только и не столько «Капитал» К. Маркса, а его ранние рукописи, а также работы марксистски ориентированных исследователей в XX веке, и прежде всего — А. Грамши и В. Крылова. Ключевым фактором, определяющим элитный цикл, являются производительные силы, или, как их называют на Западе — технологические платформы. Строго говоря, производительные силы не сводятся только к вещным факторам: машинам, оборудованию и т.п. Они включают в себя и при-

родный компонент, и человеческий фактор в разных его ипостасях. Например, А. Грамши различал вещные, социальные и ментальные элементы производительных сил. А В. Крылов выделял вещные, природные, социальные и духовные. Как бы там ни было, изменения производительных сил и являются тем самым ветром перемен, который порождает борьбу элит и приводит к смене одних элит другими.

В рамках европейской цивилизации изменения в производительных силах получили название производственных революций. Первая революция конца XVIII — начала XIX веков характеризовалась переходом от сельского хозяйства к промышленности как ведущей отрасли экономики. Она была эпохой паровых двигателей, фабрик, первых паровозов и пароходов, массовых изданий газет, сукна и чугуна. В ходе первой производственной революции окончательно сформировался современный тип государства. На смену аристократии пришла буржуазия как господствующий класс. Собственники вещных средств производства стали ядерной группой формирующейся капиталистической элиты.

В конце XIX — начале XX веков произошла вторая производственная революция. На место угля пришла нефть. Паровые двигатели сменились двигателями внутреннего сгорания. Простые, достаточно примитивные станки были заменены механизированным оборудованием. Появились конвейерные линии. Мелкосерийная фабрика уступила место массовому производству на заводах. В конкуренцию с газетами вступили телеграф, телефон и радио. Наступила эпоха всеобщего избирательного права и так называемой буржуазной демократии. Внутри элиты торгово-ростовщическо-мануфактурную буржуазию решительно сместил с пьедестала промышленный капитал. Тогда же начали набирать силу банки современного типа и иные финансовые институты, чьи соб-

ственники позднее, в конце XX века, окончательно подчинили себе промышленников.

На наших глазах происходит третья производственная революция. Правда, недавно, на ежегодном Давосском форуме его организаторы провозгласили пришествие четвёртой революции. Третью они отнесли к 90-м годам прошлого века и к интернет-экономике. Однако представляется, что в данном случае сознательно или бессознательно интеллектуальная обслуга сильных мира сего навела тень на плетень. Интернет действительно изменил жизнь людей и средства коммуникации. Однако за последние 25 лет никаких кардинальных сдвигов в энергетике, новых материалах, технологиях производства, типах организации не произошло.

Например, один из наиболее известных инвесторов и венчурных предпринимателей Питер Тиль в 2015 году написал статью, побившую все рекорды цитирования. Её название — «25 потерянных лет». Суть статьи в том, что начиная с 90-х годов промышленностью и другими сферами экономики и человеческой жизни вообще отторгались любые нововведения, кроме информационно-коммуникационных технологий. В ходе состоявшегося обсуждения статьи многие специалисты в различных странах мира не при помощи оценочных суждений, а исходя из обобщения огромного фактического материала убедительно доказали, что П. Тиль прав и по многим технологическим направлениям последние 25 лет были годами регресса, а не прогресса.

Это неудивительно. Уже в последней четверти XX века стало ясно, что капитализм как строй тяжело и неизлечимо болен. Это дало возможность многим проницательным мыслителям поставить диагноз о близости терминального кризиса капитализма. В силу определённых исторических обстоятельств данный кризис выразился в специфической форме, а именно в крахе

СССР. Казалось бы, поражение СССР в холодной войне и последующее крушение державы является скорее аргументом в пользу всепобеждающего капитализма. Однако это не так. Если избавиться от идеологических клише, пропагандистских лозунгов и оценочных суждений и опираться исключительно на факты, то нельзя не признать, что СССР с первого до последнего дня своего существования входил в глобальную мирохозяйственную систему. Причём по своему характеру эта система была капиталистической. Соответственно, крушение СССР стало не только и не столько итогом холодной войны, сколько ранней начальной стадией терминального кризиса капитализма. В этом плане СССР являлся наиболее неорганичной, а потому и хрупкой частью глобальной мирохозяйственной системы. Её разрушением не закончился, а только начался системный кризис глобальной капиталистической системы.

В силу определённых политических целей сегодня навязывается мнение, что СССР рухнул из-за внешних причин, в результате победы Соединённых Штатов, Великобритании и их союзников в холодной войне. Однако хорошо известно, что любая большая сложная система, а СССР, несомненно, являлся таковой, погибает и разрушается прежде всего из-за внутренних причин. Внешние могут выступать катализаторами, дополнительными факторами, способными ускорить процесс или перевести его из управляемой трансформации в хаотическую деструкцию. Бесспорно, воздействие внешних факторов на СССР было, но главными были внутренние причины. Именно поэтому большой ошибкой является утверждение, что США выиграли холодную войну.

В реальности, как сегодня становится очевидно всем, выигравших в холодной войне вообще не было, за исключением паразитической финансовой элиты, пресловутого одного процента, который буквально

на наших глазах превратился в ядерную группу элиты и подмял под себя традиционную капиталистическую элиту, связанную, прежде всего, с производительным капиталом.

В последние 25 лет произошла конвергенция, о которой говорили ещё в середине XX века. Однако вместо чаемой положительной конвергенции случилась деструктивная. В итоге в мире возобладали худшие черты позднего капитализма и деформированного историческими обстоятельствами советского социализма.

Однако динамика производительных сил лишь отчасти связана с динамикой социума. Соответственно, она имеет собственную логику и динамику. Поэтому, несмотря на деструктивные процессы и отрицательную конвергенцию, в начале десятилетия нынешнего столетия стала разворачиваться третья производственная революция.

Её отличительными чертами стали робототехника и 3D печать, переход к распределённому масштабируемому производству, аддитивной организации, принципиально новым видам материалов и т. п. Эти и другие черты принципиально новой технологической платформы, базирующиеся на информационных технологиях, уже в полной мере проявились в странах — лидерах третьей производственной революции. Например, ежегодные темпы роста производственных роботов составляют от 15 до 20%. Если среди общего числа роботов выделить роботов и робототехнические линии, оснащённые вычислительным, или, как его называют, искусственным интеллектом, то более 90% их производства и около 60% применения приходится на Америку.

Уже сегодня в странах — лидерах третьей производственной революции, а это, прежде всего, США, Япония, Южная Корея, Германия и Великобритания, на 10 тыс. рабочих, занятых в промышленности, приходится от 150 до 500 роботов. Что касается России, то, по данным

Центра робототехники IT-кластера «Сколково», за 2015 г. в стране установлено менее 1 тыс. производственных роботов, из которых более 600 — зарубежного производства. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что по состоянию на сегодняшний день картина просто удручающая. Подобную статистику можно привести и по другим направлениям и кластерам третьей производственной революции.

Производственные революции всегда ведут к тектоническим сдвигам в составе правящего класса и топологии элит. Периоды производственных революций сопровождаются не только сменой элит, но и их ожесточённой борьбой. Зачастую в эту борьбу втягивают и население стран — лидеров производственных революций.

Также исторические наблюдения показывают, что противоречия в стране — лидере производственной революции неизбежно экспортируются, можно сказать, выплескиваются в мир. В результате резко возрастает уровень глобального насилия, количество и интенсивность конфликтов, выражающихся в основном в локальных, а иногда и глобальных войнах, а также гражданских вооружённых конфликтах. Нет оснований полагать, что в этот раз будет иначе.

В последние годы и в мире, и в России нет недостатка в аналитике внутриэлитных конфликтов. Внимательные исследователи и аналитики буквально ежедневно сталкиваются с проявлением в публичной политике «борьбы бульдогов под ковром». Группы элит диагностируют по-разному. Одни видят глобальный конфликт элит в противоборстве «менял» и «процентщиков», другие — «имперцев» и «транснационалов», третьи — «патриотов» и «либералов». Однако если следовать принципам элитного анализа и опираться не на мнения и цитаты, а на факты и данные, то несложно обнаружить, что третья производственная революция — это

даже не конфликт между промышленным и финансовым капиталом, они уже давно слились в единое целое при господстве финансовых олигархов, а конфликт между двумя ресурсными группами. Финансистам противостоят обладатели знания ресурса, как особая элитная группа.

Поскольку совокупность данных и сведений убедительно свидетельствует, что на сегодняшний день лидером третьей производственной революции являются США, то, соответственно, конфликт между элитами наиболее чётко проявляет себя именно в этой стране. Не будет преувеличением назвать его «холодной гражданской войной». Холодная гражданская война идёт между тремя Америками.

Прежде всего, это хорошо известная, многократно описанная и привычная миру финансиализированная Америка Уолл-стрит, Вашингтона, Чикаго и Лос-Анджелеса. Это страна, где не просто господствуют финансисты, или как их ещё называют «банкстеры», но и экономика, где наиболее высокодоходен финансовый сектор, где монетарно-кредитная сфера диктует и определяет все производственные, экономические и даже социальные процессы. Об этой Америке написаны тома и тома. Это Америка даже не чистого капитализма, а финансиализма. Это США одного процента.

На сегодняшний день это, безусловно, господствующий внутри Америки и всего мира контур. Однако в ходе кризиса 2008–2009 годов ему был нанесён сильнейший удар, от которого он так и не смог оправиться. Чтобы проиллюстрировать, что такое финансиализированная Америка, достаточно привести несколько цифр. За последние 34 года ВВП в США рос в среднем на 5,2 процента и увеличился примерно с 2,5 до 17 триллионов долларов, а рыночная оценка корпоративных акций росла на 10,4 процента в год и увеличилась соответственно с 1 до 35 триллионов долларов. Иными словами, если в 1981 году

рыночная капитализация составляла 44 процента от ВВП, то в 2014-м — 205 процентов. Ещё более ошеломительны данные по соотношению всё того же ВВП с общим объёмом рыночной капитализации и глобальной задолженности, включая все виды долгов — государственных, корпоративных и домохозяйств. В период с 1981 по 2014 год этот показатель рос на 8,4 процента ежегодно. В итоге если в 1981 году капитализация и объём долгов превышали объём ВВП всего в 2 раза, то сейчас — более чем в 5 раз. Причём разрыв увеличивается по экспоненте. Статистические данные можно приводить и далее. Но и уже приведённых вполне достаточно, чтобы понять, что кредитно-долговая финансиализированная экономика, а точнее её американский контур, находится в прямом смысле слова в безвыходном положении.

Если раньше вопрос о перспективах экономики относился сначала к области гаданий, потом полемики и, наконец, суждений, то с недавних пор он перешёл в плоскость расчётов и математических доказательств. На рубеже XX–XXI веков начали появляться и множиться математические модели, позволяющие описывать и прогнозировать реальную, неравновесную экономику, а не псевдоматематические абстракции, выдаваемые за формальные описания идеального несуществующего рынка А. Смита-мл., Фридмана и неолибералов. Наилучшее описание этих моделей дано в недавно переведённой на русский язык книге ведущего британского научного и экономического, физика и экономиста по образованию М. Бьюкенена «Прогноз».

Согласно самым различным моделям нелинейной динамики, финансовых и реальных рынков, американская и глобальная финансиализированные экономики обречены в ближайшее время на сильнейший кризис, превосходящий по своим масштабам потрясения 2008–2009 годов. Это отлично знают

и понимают финансисты, а также другие подчинённые и союзные им силы и круги в американской и глобальной доминате.

Второй — позднеиндустриальный — контур Америки живёт трудно, чередуя незначительные успехи с длительными периодами стагнации и тяжёлыми кризисами. Уже долгие годы рост производительности труда в традиционных индустриальных отраслях, в сельском хозяйстве, в сфере услуг не превышает 1–2 процента в год. Американская позднеиндустриальная экономика по уровню своего технического оснащения и квалификации кадров заметно уступает германской, скандинавской, японской, южнокорейской, а в некоторых секторах и китайской. Символом если не сегодняшнего, то завтрашнего дня позднеиндустриальной Америки стал признанный банкротом Детройт, в лучшие свои

времена — центр мирового автомобилестроения, а ныне в значительной степени город-призрак.

Отмеченные выше обстоятельства побуждают некоторых пропагандистов и публицистов ставить на Америке крест. Более того, многие даже весьма квалифицированные аналитики искренне убеждены, что «американский век» закончился и впереди у Америки упадок, деструкция, разрушение и даже распад. Однако они не знают или не хотят знать и о третьем контуре США — Америке третьей технологической революции.

Чтобы коротко охарактеризовать этот контур, приведу короткую выдержку из большого исследования Брукингского института, славящегося скрупулёзным отношением к фактам и статистике. «В настоящее время корпорации, компании, университеты и правительство США

являются собственниками почти 2/3 патентов на ключевые технологии и разработки в отраслях, связанных с третьей промышленной революцией, включая продвинутую ИТ-индустрию, большие данные, искусственный интеллект, робототехнику, 3D печать, синтетическую биологию, новые виды материалов и т. п. Ещё более 20 процентов подобных патентов приходится на компании стран, которые являются ближайшими союзниками США и, прежде всего, Канаду, Японию, Великобританию и Южную Корею. К концу 2013 года на предприятиях и в компаниях, работающих в продвинутых отраслях и производствах, относимых к третьей промышленной революции, занято 12,3 миллиона работников, или примерно 9 процентов всей американской рабочей силы. Они производят продукции на 2,7 триллиона долларов, или 17 процен-

тов американского ВВП. Это больше, чем такие сектора, как здравоохранение, финансы и недвижимость... При этом ежегодный рост объёма продвинутых отраслей составляет в среднем 7% ежегодно в течение 2011–2014 годов, и в будущем будет, видимо, ускоряться. Уже сегодня продвинутые отрасли третьей промышленной революции стали крупнейшим и наиболее динамичным сектором американской экономики».

Три технико-экономических контура, без сомнения, усилили центростремительные процессы в американском социуме. Они отражаются на растущем неравенстве, размывании среднего класса и формировании, как это ни удивительно в XXI веке, резервных армий труда.

Свою лепту вносят и обостряющиеся этнокультурные проблемы. Начиная с 1960-х годов прошлого века в Соединённых Штатах, несомненно, было приложено много усилий по формированию мультикультуризма и сглаживанию признаков расовой, культурной и иных видов дискриминации. Однако кризис позднеиндустриальной Америки конца XX — начала XXI веков привёл к скачкообразному увеличению спроса на малоквалифицированную, сезонную и низкооплачиваемую рабочую силу. Соответственно, имел место взрывной рост легальной, и особенно нелегальной, миграции в основном испаноговорящего населения из Мексики и других стран западного полушария, а также выходцев из мусульманских стран Южной Азии и в гораздо меньшей степени из Западной и Центральной Африки. Так или иначе, и без того хрупкое равновесие было нарушено, и центростремительные тенденции в этой сфере сменились центробежными. Причём всё это происходит на фоне уменьшения доли белого населения, которое, по оценкам многих демографов, уже в середине нынешнего столетия может оказаться меньшинством в Америке.

В условиях тектонических технологическо-производственных

сдвигов, изменений в расовом, культурном и языковом составе населения страны, ситуации ценностного кризиса и истощенности модели финансиализированной экономики доминант не смог осуществить радикальной политической реформы. В итоге федеральная власть вот уже не первый год находится в состоянии, характеризуемом параличом, несогласованностью и ситуативными, а не стратегическими действиями. Не случайно едва ли не самой популярной за последние годы книгой о политической системе Америки стала работа Н. Лофгрена, проработавшего почти 30 лет в палате представителей и Сенате США: «Игра окончена: как республиканцы сошли с ума, демократы стали бесполезными, а средний класс был обманут». Возможно, наиболее ярким свидетельством холодной американской гражданской войны являются текущие президентские выборы.

Если внимательно наблюдать за ходом избирательной кампании 2016 года и анализировать не только результаты выборов, но и структуру спонсоров каждого из кандидатов, а также поддерживающие их средства массовой информации, то можно сделать однозначный вывод. Высокотехнологичная Америка — Америка третьей производственной революции — сознательно устранилась. На этих президентских выборах среди кандидатов нет её представителей. Борьбу ведут прямо-таки олицетворение глобальной финансовой элиты Хиллари Клинтон и группа кандидатов от Демократической и Республиканской партий, которые отражают подчинённую финансистам позднеиндустриальную Америку. За ними стоит в основном капитал, задействованный в промышленности, в сфере услуг и строительства и вступившее с ними в союз подавляющее большинство американцев преимущественно с европейскими предками (так называемая «Америка реднеков»). Если внимательно посмотреть на структуру избирателей, диаметрально

но противоположных друг другу по жизненной истории и взглядам, Д. Трампа — миллиардера-девелопера, и Б. Сандерса — ученого, а в последующем профессионального политика, можно обнаружить, что за ними стоит один и тот же протестный электорат преимущественно «белой Америки» и молодёжи.

Позволю себе высказать прогноз, а заодно объяснить, почему Америка третьей производственной революции сознательно пропускает эти выборы. Если предположить невероятное и представить себе президентские выборы, где Х. Клинтон с её вице-президентом противостояла бы пара Трамп и Сандерс, вполне вероятно была бы победа последних. Однако сила властвующей элиты и глобальные резервы господствующего одного процента финансистов в Америке столь велики, что если Клинтон будут противостоять Трамп или Круз, они проиграют. Впрочем, Америка — удивительная страна, в которой случается всякое — от импичмента до убийства президента, поэтому в последний момент в избирательную кампанию 2016 года может прилететь неожиданный чёрный лебедь или выскочить какой-нибудь «чёрт из табакерки».

Гораздо важнее причина, по которой высокотехнологичная знаниевая элита и её союзники в других ресурсных группах не выдвинули собственного кандидата на выборах-2016. Внимательный анализ высказываний лидеров, владельцев и советников компаний, связанных с третьей производственной революцией, показывает, что в ближайшие годы они не просто ожидают, а уверены в начале крупнейшего экономического кризиса, по своим последствиям большего, чем кризис 2009 года. Соответственно, по их мнению, в кризис лучше не нести бремя нахождения у власти с неизбежной ответственностью и неприятием населением. Лучше использовать кризис, который, несомненно, сильнее всего ослабит глобальную и американскую финансовые элиты

для перехвата управления и смены домината в правящем американском глобальном классе.

Война идёт не на жизнь, а на смерть. И не только в Америке, а по всему миру. Её внешним проявлением, например, является дело Э. Сноудена, которого втёмную использовали финансовые элиты и связанная с ними часть разведывательного сообщества США против высокотехнологичных элит и другой части разведывательного сообщества. В том же ряду стоят не только не прекращающиеся, но всё более нарастающие скандалы с офшорами по всему миру — от Кипра, Виргинских остро-

вов и до Панамы. Причём можно быть уверенным, что Центрально-американской страной дело не закончится. Офшоры — это не просто безналоговая юрисдикция, а несущая конструкция глобальной, в основном теневой, финансовой системы. Эта система очень далека от классического капитализма и представляет собой его болезненную мутацию, которыми, как правило, сопровождаются терминальные периоды существования того или иного строя.

У нас в стране к месту и не к месту любят цитировать известный афоризм Александра Третьего о том, что у России нет других друзей, кроме

её армии и флота. В каком-то смысле этот тезис справедлив. Однако в хищном, жестоком и турбулентном мире важно иметь если не друзей, то партнёров. А ещё важнее использовать противоречия и расколы, обращая чью-то слабость в собственную силу. Главное же — надо использовать имеющиеся у России шансы и задел для скорейшего развёртывания третьей производственной революции в нашей стране. Если ты сильный, то у тебя будет всегда много друзей и союзников. К тому же технологическая сила как никакая другая подпитывает военную, экономическую, политическую и медийную.

XXI век и военные элиты

Леонид ИВАШОВ отвечает на вопросы «Изборского клуба»

— Леонид Григорьевич, хорошо известно, что существуют — и уже не один век — транснациональные финансово-промышленные корпорации, тесно связанные между собой. Точно так же говорят о существовании мирового научного сообщества, мирового разведывательного сообщества. Налицо «созвездие» открытого информационно-культурного пространства: от классической музыки и балета до спорта и журналистики. Мы предполагаем наличие глобальной политической элиты, «мирового правительства», пронизывающего едва ли не все традиционные государства. Есть ли в современном мире глобальная военная элита или хотя бы предпосылки для её возникновения: экономические, политические, идейные?

— Если считать справедливой классическую формулу Карла фон Клаузевица о том, что война есть продолжение политики иными средствами, то понятно, что военные элиты должны быть продолжением соответствующих политических элит. Пусть осо-

бым, специфическим, но всё-таки — продолжением. И все армии современного мира продолжают быть армиями суверенных национальных государств. Да, крупные ТНК могут оказывать мощное воздействие на политику этих государств и, соответственно, на их вооружённые силы, могут в той или иной форме использовать национальные армии для обеспечения своих интересов, но всегда и везде в современном мире это происходит не напрямую, а через государственные политические механизмы.

— Даже в случае частных военных компаний или структур «исламских террористов»?

— Давайте согласимся с тем, что само название «Исламское государство» возникло только потому, что данная террористическая организация, запрещённая в России, ставила своей целью достижение статуса государства, претендовала на него и стремилась к нему. То же самое и с ЧВК — все они зарегистрированы в юрисдикции того или иного государства, являются его юридическими лицами,

а их сотрудники — либо гражданами соответствующих государств, либо лицами без гражданства. Никто и нигде не признает вас гражданином Facebook, Apple, JPMorgan Chase или даже Бильдербергского клуба... Этот момент, казалось бы, очевиден и понятен сам собой, но его необходимо зафиксировать, чтобы иметь точку опоры для дальнейших рассуждений.

— **Касается ли это в том числе непризнанных или частично признанных государств — например, таких, какими являются сегодня на территории бывшего Советского Союза Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье или народные республики Донбасса?**

— Конечно, касается. В мире существуют государства без армий, но армия без государства — это не армия по определению. Поэтому глобальной военной элиты в современном мире просто нет, поскольку нет единого глобального государства. И её не может быть, поскольку у такого единого глобального государства не будет внешнего врага — разве что появятся какие-нибудь «инопланетяне»...

— **Не формируется ли подобная элита сегодня в рамках НАТО, других политических структур «коллективного Запада»?**

— В той мере, в которой совпадают политические приоритеты США и других стран мира, такое формирование, конечно, происходит, но это весьма сложный и неоднозначный процесс — тем более что главный фактор единства «коллективного Запада»: противостояние военному потенциалу СССР и его союзников, вот уже четверть века отсутствует.

— **Сегодня его пытаются возродить, всячески муссируя тему «российской агрессии».**

— Это делают как раз политики, а не профессиональные военные, которые прекрасно знают реальную ситуацию.

— **Разве главнокомандующий силами НАТО в Европе, четырёхзвёздный генерал Филип Бридлав, который за последнее время отметился громкими заявлениями относительно «российской агрессии», не является профессиональным военным?**

— Филип Бридлав пришёл в военную авиацию весьма окольным путём, и высокий пост в НАТО, который он сейчас уступает Кёртису Скапаротти, был для него всего лишь трамплином в большую политику... Кстати, в США военная карьера — удел прежде всего представителей среднего класса. В отличие, скажем, от Великобритании и Японии, где армией командуют, как правило, наследственные аристократы. В политической жизни Соединённых Штатов военная элита стоит особняком. Там не принято открыто выражать

свои политические пристрастия во время службы. Причём это касается и внутренней политики, и внешней.

Во всяком случае, активно контактируя с американскими военными в Европе, я достаточно быстро находил с ними контакт и понимание по всем военным вопросам. Более того, как профессионалы, они достаточно критично относятся к своим политикам. Вот, например, тот же балканский кризис 90-х годов — и с четырёхзвёздным генералом Уильямом Кроучем, и с тогда трёхзвёздным генералом Джорджем Кейси удавалось находить точки соприкосновения, вырабатывать общие решения. Когда я им объяснял, что албанцы — это мафиозные неуправляемые структуры, которые всё равно будут стрелять и по русским, и по американцам, а если вы начнёте их поддерживать — по вам будут стрелять ещё и сербы, а ответственность за гибель военнослужащих возложат на вас, — это оказывало своё действие. Но когда мы подписываем документ, в котором обозначены зоны присутствия, а потом из Пентагона им приходит приказ присутствовать и в других секторах конфликта, Черномырдин с Тэлботтом о чём-то ещё договариваются — и видно, что ситуация, когда ими управляют из Госдепа и ЦРУ, воспринималась военными как унижение. Объединённый комитет начальников штабов в США постоянно находится в скрытой оппозиции к министру обороны — гражданскому, как правило, лицу. И его председатель, наряду с министром обороны, является постоянным членом Совета национальной безопасности США — военные на этом настояли, поскольку более ответственно относятся к этим вопросам, чем политики. И в афганской кампании, и в иракской кампании, и в югославской кампании американские военные демонстрировали, на мой взгляд, чёткое понимание того, в чём состоят национальные интересы их страны и какова должна быть роль вооружённых сил в обеспечении этих интересов. Но очень часто интересы крупного капитала, транслированные через политическую машину государства, оказываются доминирующими, и генералы оказываются вынужденными делать то, что сами не считают верным.

— **Понятно, что в такой ситуации их действия вряд ли будут эффективными — или же они начинают сотрудничать уже напрямую с «заказчиками», как это было с наркотиками в Афганистане или с нефтью и антиквариатом в Ираке? Это и выгоднее, и способствует карьерному росту. Точно так же львиная доля гигантского военного бюджета США достаётся крупным компаниям, и генералы, отвечающие за эти проблемы, тоже «коммерциализируются».**

— Именно поэтому, при всей внешней политической нейтральности, военный истеблишмент США всё-таки

ближе к республиканцам, представляющим интересы военно-промышленного комплекса. И единственный в XX веке генерал, ставший президентом США, знаменитый Дуайт Эйзенхауэр, тоже баллотировался от Республиканской партии. Любой республиканский президент стремится предельно увеличить оборонный заказ, развязать побольше военных конфликтов, и всё это открывает военным дорогу к новым званиям, новым ресурсам и так далее. Впрочем, с этим военно-промышленным лобби вынужден считаться любой президент США: хоть республиканец, хоть демократ.

Есть ещё один момент — американцы слабы «на земле», масштабных сухопутных операций они, по сути, никогда не проводили и стремятся своё пребывание на поле боя минимизировать. При помощи авиации, флота, ракет, денег, политики — чего угодно и как угодно.

— **Во время иракской кампании весной 2003 года, помнится, американские войска несколько дней просто стояли перед Багдадом, не предпринимая никаких действий, пока не договорились с генералами Саддама Хусейна о том, что серьёзного сопротивления не будет.**

— Да, там был подкуп, и суммы оказались чуть ли не девятизначными. Но всё это приводит к тому, что сухопутные силы считаются в армии США второстепенными и чуть ли не второсортными. Морская пехота и флот в целом, авиация, части спецназа — это «белая кость» американских вооружённых сил. То есть ставка делается на подавляющее превосходство, в том числе — технологическое, с равным или близким по силе противником американцы воевать не любят, не умеют, да и не рискуют, как правило. У них же контрактная армия, по сути своей — наёмная, а это хорошо известные плюсы и минусы по сравнению с армией призывной.

— **Национальной гвардии США это тоже касается?**

— Да, это лишь «второй рабочий контракт» для большинства её участников, причём — контракт с правительством.

— **А как строится взаимодействие между военными элитами США и их европейскими союзниками?**

— Опыт реальных военных кампаний показывает, что тесного взаимодействия даже на уровне штабных структур между американцами и их союзниками — например, в Ираке — нет. Англичане, надо сказать, даже смотрят на американских генералов немного свысока.

— **А чем такое отношение вызвано?**

— Ну, они внутренне по-прежнему считают Америку чем-то вроде большой Австралии — своей колонией,

куда ссылали каторжников и прочих маргиналов, продавали в рабство ирландцев и т.д. Без Великобритании, по их мнению, никаких США на карте мира сегодня бы не было. А на практике это проявляется, например, так. Американец Уэсли Кларк — командующий Объединёнными силами НАТО в Европе в 1999 году, а британец Майкл Джексон — командующий KFOR. И когда наш батальон занял аэродром в Приштине, Кларк требовал атаковать «этих русских», а Джексон его истерику просто проигнорировал.

У французских военных отношение к американцам тоже не лучшее — они их терпят, вынуждены их терпеть, но, например, любой мой демарш против американского диктата в ходе переговоров понимался ими, что называется, «на ура». Франция — вообще очень милитарная страна, «француз номер один» — это, несомненно, Наполеон, а Жанна д'Арк с Шарлем де Голлем у них точно в первой пятёрке национальных героев...

— **Кстати, генералы ГДР были инкорпорированы военной элитой Германии и НАТО?**

— Нет, их полностью выдавили — за редким исключением тех специалистов, которые были необходимы для обслуживания советской техники. Но ни одного случая, чтобы кто-то из наших восточно-немецких коллег стал генералом ФРГ, не было.

— **Но ведь в других странах Варшавского договора такого «запрета на профессию» со стороны США и НАТО, кажется, не было?**

— Да, там смена высшего военного руководства на проамериканские кадры прошла относительно спокойно, и в течение длительного времени. Венгрия, Польша и Чехия были приняты в Североатлантический альянс только в 1999 году, «вторая волна» расширения прошла в 2004 году. А в Германии такого «переходного периода» не было совсем, Национальная народная армия не была включена в состав бундесвера — её расформировали, а всех генералов просто уволили. Вот ещё одна иллюстрация на тему соотношения военной и политической элит.

Кстати, многие генералы Третьего рейха продолжили служить и в бундесвере, а начальник оперативного отдела генерального штаба вермахта Адольф Хойзингер благополучно стал председателем военного комитета НАТО.

Но Германия — по-прежнему оккупированная американцами страна, и отношения там такие, я сам был невольным свидетелем. После 1991 года немцы активно с нами сотрудничали, в том числе — в военной сфере по линии «Россия — НАТО». И во время одного из открытых мероприятий я попросил немецкого генерала, могу ли я немного погонять по полигону танк «Леопард-2». Я же оканчивал Ташкентское общевой-

сковое училище, танки знал и любил, поэтому 10–15 минут инструктажа — больше не надо. Мне сказали: «Нет проблем, господин генерал!» Но проблемы возникли. Потому что на таких мероприятиях всегда присутствовал американский смотрящий. Полковник или даже подполковник, который, как правило, жевал жвачку и ни во что не вмешивался. Но тут, когда пошла команда, что российский генерал сядет в «Леопард», он тут же позвал к себе моего коллегу и тот, двухзвёздный генерал, побежал к этому американскому

и с американцами, настаивая на своём. И все всё понимают: они вчера уже получили соответствующий инструктаж в американском секторе, но, по правилам, для принятия решения нужен консенсус, и так «старой Европе» потихоньку выкручивают руки...

Подчеркну: европейцы сегодня воевать не хотят, и они понимают, что США втаскивают их в авантюры, которые могут кончиться превращением территории их стран в театр военных действий, за которым те же янки с удовольствием будут наблюдать из-за океана.

полковнику... А когда вернулся, то сказал, что выполнить мою просьбу сегодня нет никакой возможности. Я ему, конечно, сказал, что ничего страшного, всё хорошо, он радоваться должен — тобой ведь целый полковник великой американской армии командует, а не сержант какой-нибудь...

Да, есть ещё один момент: американцы активно используют «демократические» методы манипуляций внутри альянса. Когда им невыгодно себя в какой-то ситуации — например, по вопросу о создании системы коллективной безопасности в Европе — позиционировать, они пользуются услугами поляков или прибалтов, которые «внезапно» проявляют «независимость» и выдвигают выгодные американцам требования от своего имени — под предлогом «российской угрозы». Сами американцы вроде бы и ни при чём: говорят правильные слова, соглашаются с рациональными доводами... Они же здесь только для того, чтобы обеспечить безопасность каждого европейца... Но вот эти «строптивцы» демократично спорят и с немцами, и с французами, и с англичанами,

Так что говорить о какой-то общей военной элите НАТО, на мой взгляд, нельзя. Там есть жёсткая градация: американское превосходство над всеми остальными, только британцы в сторонке.

— Если с Запада перенестись на Восток, то мы увидим три заметно превосходящие всех остальных в военном отношении державы: Китай, Индию и Японию. Уступают им и обладающий ядерным оружием Пакистан, и Иран, и Вьетнам, и Северная Корея. Но здесь нет даже такого формального военно-политического единства, которое существует в рамках НАТО.

— Роль военных в каждой из этих, казалось бы, очень разных и соперничающих между собой стран, на мой взгляд, является доминирующей даже в собственно политической сфере, где выступает не только в качестве гаранта их государственной стабильности, но и сдерживает аппетиты крупного бизнеса.

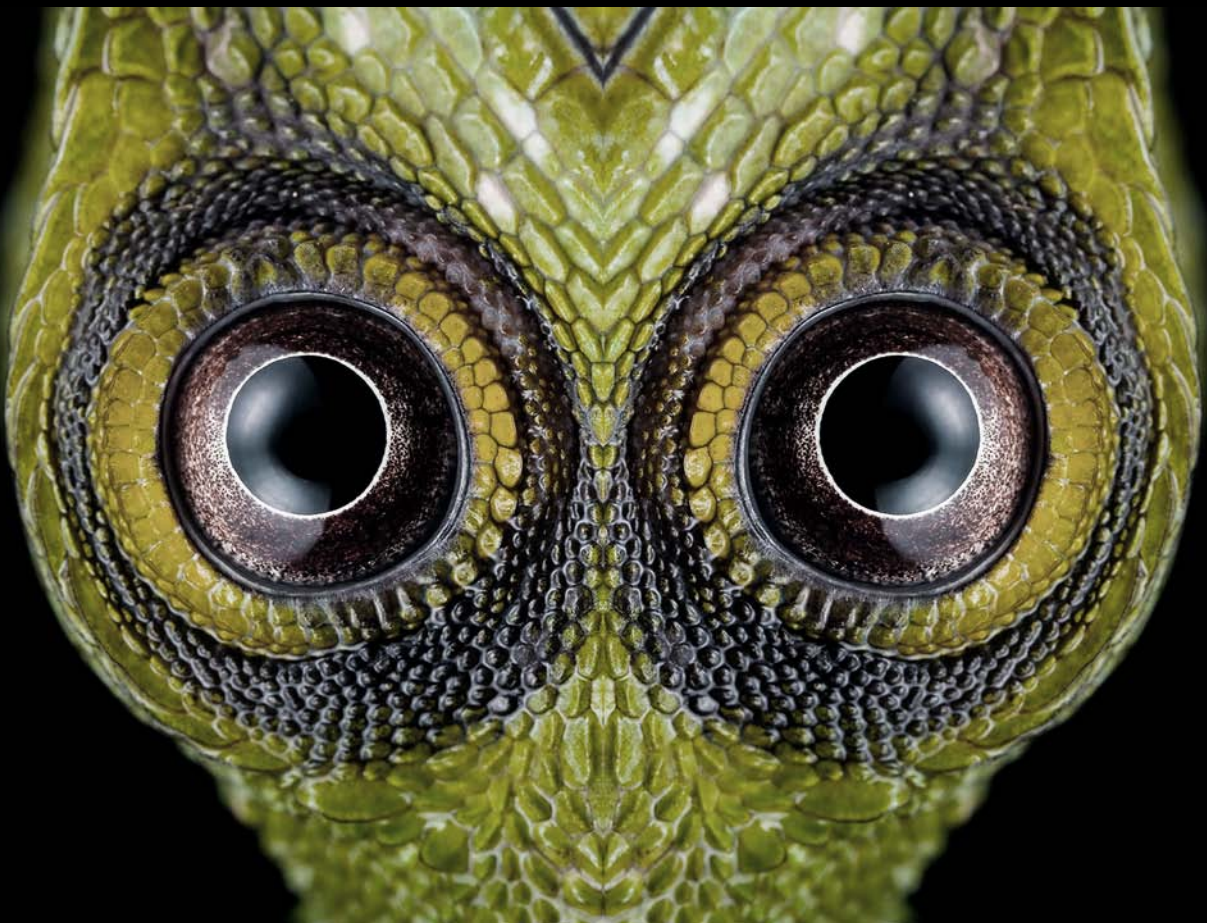
Если взять Китай, который сейчас вышел на второе место в мире после США по объёму оборонных

расходов, то Военный совет КНР является, по сути, высшим органом государственного управления, который, в случае необходимости, наделён и полномочиями, и возможностями для смены и руководства КПК, и правительства КНР. Народно-освободительная армия Китая, НОАК, по сути, создала Китайскую Народную Республику и является фундаментом её единства. Неслучайно в действующей политической системе КНР предусмотрено сохранение за лидером, уходящим в отставку с постов председателя КНР и генерального секретаря ЦК КПК, должности председателя Военного совета, с которой он продолжает контролировать деятельность своего преемника.

В Японии после 1945 года американцы применили примерно ту же модель политического устройства, которая была установлена в Германии после 1918 года. С одним только, но важнейшим отличием — своего императора японцы спасли и как номинального главу государства, и как символического лидера нации. Почти два десятка лет после капитуляции на борту линкора «Миссури» американцы держали японских военных, что называется, в чёрном теле: была принята демилитаризованная конституция, армия распущена, а силам самообороны запрещено проводить любые силовые акции за пределами Страны восходящего солнца. Но японцы, как только оправились от шока

поражения, потихоньку, даже не меняя конституции, начали возвращать себе военный потенциал. Сегодня они, оставаясь, как и Германия, оккупированной страной (правда, выдавили все американские базы на Окинаву), имеют собственное министерство обороны, мощные вооружённые силы, и мне кажется, что уже скромно поговаривают о собственном ядерном оружии, то есть полностью готовы к его созданию или даже более того. Так что от Японии в ближайшее время вполне можно ждать военно-политических сюрпризов — хотя бы на волне противостояния с Китаем или спора с Россией вокруг Южных Курил.

Что касается Индии, то если бы не военные, вряд ли это государство сегодня могло бы существовать как одна из крупнейших мировых держав. Причём важную роль в силовых структурах Индии, которые держат линию политического нейтралитета, традиционно играет сикхский элемент. И я хочу сказать, что как раз с сикхами, которых просто нельзя обманывать, отношения у России серьёзно испорчены — по вине нашей стороны. Очень долго индийских коллег наши правительственные чины — от Ильи Клебанова до Анатолия Сердюкова — банально обманывали, не выполняли своих обещаний, демонстрировали своё полное пренебрежение. Сейчас, при Сергее Шойгу, ситуация вроде бы выправляется, но ведь

что было — то было. Ведь, например, на заседание межгосударственной военно-технической комиссии тот же Сердюков мог прилететь чуть ли не на спортивном самолёте, сесть на другой аэродром — не на тот, где его ждали, почётный караул выстроили... Потом, пока доехал, — оказывается, уже надо ему улетать, вся программа пошла прахом, то есть неуважение полное. Или мог отменить совместные с индийцами учения Тихоокеанского флота по причине необходимости срочно оказать гуманитарную помощь Японии, хотя индийские корабли для этого проплыли больше двух тысяч морских миль, а флот для Индии — это святыня. Знаете, с какой обидой это решение было воспринято индийскими моряками?! «Я раньше не слышал, чтобы на эсминцах рис возили», — сказал по этому поводу один из индийских адмиралов и был, конечно, прав.

— Леонид Григорьевич, из-за ограниченности временных и пространственных рамок нашей беседы мы оставим в стороне тему ближневосточных военных элит, включая израильскую, а также латиноамериканских и африканских, поскольку, при всём нашем к ним уважении, лицо вооружённых сил современного мира определяют не они. Но в завершение обсуждения такой вопрос: есть ли у современных военных элит некие общие представления о войнах будущего, некая концепция войн будущего, столь же общепризнанная, как доктрина упомянутого вами фон Клаузевица, — или все генералы, как всегда, «готовятся к прошлой войне», а реальные конфликты будут протекать совсем иначе? Реальны ли «информационные», «организационные» и «гибридные» войны?

— Что касается «гибридных войн», то в США уже три года назад было создано главное управление по киберугрозам. А это значит, что информационное пространство становится, наряду с космическим, приоритетным пространством для ведения боевых действий, говоря языком Второй мировой — направлением главного удара. В ОКНШ США долго не соглашались на это, стремясь оставить киберподразделения в составе традиционных вооружённых сил, но демократам, которые сейчас у власти, удалось протолкнуть соответствующее решение. И что мы видим? Мы видим полное отсутствие какого-либо результата, жалобы то на китайских хакеров, то на российских «троллей» и RussiaToday... Одно дело — технологии «цветных революций», и совсем другое — Крым и Донбасс, не говоря уже о Сирии. Но разве это отменяет серию «точечных ударов» по дестабилизации, например, финансовой системы или ядерных объектов на территории «страны-мишени»? Последствия таких актов агрессии могут оказаться не менее тяжёлыми, чем прилёт

нескольких ядерных ракет с разделяющимися боеголовками. Так что сегодня какой-то отработанной, чётко прописанной стратегии и технологии ведения войн нового поколения нет ни у нас, ни на Западе, ни в Китае — их нет нигде. Хотя обобщение военного опыта, полученного в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и на Украине, идёт непрерывно. Думаю, формирование такой технологии займёт ещё не один десяток лет — тем более что сама структура обеспечения информационного пространства сейчас очень быстро изменяется, и формат военных возможностей на данном направлении непрерывно изменяется: что-то появляется, а что-то, напротив, исчезает.

— Из истории хорошо известно, что идейно мотивированная армия, при прочих равных условиях, всегда имеет дополнительные преимущества перед армией немотивированной, а военное образование для иностранцев всегда было эффективным каналом «проекции силы» за пределы национальных границ. Как вы оцениваете ситуацию в этой сфере сегодня в России?

— Согласно действующей Конституции 1993 года, государственной идеологии у Российской Федерации нет, а потому нет и никакой официальной идейной мотивации, кроме денежной. Совсем недавно хотели нашу армию превратить в «профессиональную» контрактную, но очень быстро убедились в том, что риски здесь оказываются сопоставимы и даже намного больше, чем возможные выгоды. Есть идея патриотизма, есть идея справедливости: и социальной справедливости внутри страны, и справедливости в международных отношениях — сейчас они активно используются политическим руководством страны, но пока чересчур «избирательно», что ли? При этом социально-политический курс правительства по-прежнему является либеральным, по сути, отрицающим идеи и патриотизма, и справедливости. В этом я вижу одну из самых больших проблем для наших Вооружённых сил в целом и для нашей военной элиты в частности. Это вопрос не только внутреннего единства и боеспособности нашей армии — это ещё и вопрос союзников. Привлекать их на свою сторону без понятной всем идеологической компоненты — весьма затруднительно. Это касается и обучения иностранных военных специалистов. Здесь не всё так просто и однозначно, но, думаю, если бы тот же Уго Чавес обучался военному делу не в родной стране, а в военных заведениях США, то его социально-политические взгляды могли бы оказаться несколько иными, и в истории Латинской Америки отсутствовала бы страница «боливарианской Венесуэлы».

Беседу вёл Владимир ВИННИКОВ

/ Валентин КАТАСОНОВ /

«Мировые ростовщики»: вчера и сегодня

ИСТОРИЯ МИРОВЫХ РОСТОВЩИКОВ

История мирового ростовщичества представляет собой последовательную смену одних людей и семейных кланов другими. К сожалению, имена далеко не всех мировых ростовщиков до нас дошли.

Хорошо документирована история ростовщиков итальянских городов-государств. В XIII веке это семьи флорентийских банкиров Барди (Bardi) и Перуцци (Peruzzi), в XIV — начале XV вв. — семьи флорентийских банкиров Медичи (Medici) и Пацци (Pazzi). В конце XV века и на протяжении XVI века в Европе доминировал банкирский дом немецкого семейства Фуггеров (Fugger). В XVII веке и на протяжении большей части XVIII века в Европе существовало много семейных банкирских домов, но о доминировании какого-либо из них говорить нельзя.

Имеющиеся документы позволяют говорить, что до начала XIX века срок «жизни» отдельных банков и срок нахождения на вершине финансовой власти отдельных банковских кланов не превышал одного столетия

Наконец, в XVIII веке на арену выходит семейство Бауэров (Bauer), более известных как Ротшильды (Rothschild). На протяжении XIX века и в XX веке вплоть до Второй мировой войны клан Ротшильдов был вне конкуренции, другие банкирские дома играли подчинённую по отношению к нему роль. Около столетия назад в 53-м томе энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона о Ротшильдах сообщалось: «Состояние их оценивается в несколько миллиардов франков, сосредоточенных главным образом в руках 10–12 лиц».

Вторым по мощи после Ротшильдов был банкирский дом, который принадлежал семейству Барингов (Baring).

Об этих банкирских домах писал лорд Джордж Гордон Байрон в 1822 году в «Дон Жуане» (перевод Т. Гнедич):

*О, золото! Кто возбуждает прессу?
Кто властвует на бирже? Кто царит
На всех великих сеймах и конгрессах?
Кто в Англии политику вершит?
Кто создает надежды, интересы?
Кто радости и горести дарит?
Вы думаете — дух Наполеона?
Нет! Ротшильда и Баринга мильёны!
Они и либеральный наш Лафитт —
Владыки настоящие вселенной:
От них зависит нации кредит,
Паденье тронов, курсов перемены;
Республик биржа не щадит,
Забоятся банкиры, несомненно,
Чтобы проценты верные росли
Своей, Перу, серебряной земли...*

Банкирского дома Baring более не существует: созданный ещё в XVIII веке Barings Bank окончил своё существование в 1995 году, когда потерпел банкротство в результате рискованных операций с фьючерсами и был продан за символическую сумму в 1 фунт стерлингов.

А Ротшильды в XIX веке были вне конкуренции не только в Европе, но и в мире.

Совокупные богатства клана в 70-х годах XIX века оценивались почти в 1 млрд долл. — по тем временам это была фантастическая сумма. Ни один крупнейший проект не обходился без их участия. На их деньги велась разведка алмазных копей в Южной Африке, финансировалось строительство железных дорог в Европе, скупалась земля для строительства Суэцкого канала, добывалась нефть в Баку и на Северном Кавказе. Им принадлежал контрольный пакет акций в нефтяной компании «Ройял Датч Шелл», который по объёмам добычи «чёрного золота» превосходил нефтяные компании Рокфеллера. Прусские короли, австрийские императоры, русские цари не раз прибегали к займам Ротшильдов.

В начале XX века стали известными также семейства Рокфеллеров, Морганов, Кунов, Лоебов, Голдманов, Меллонов, Саксов, Дюпонов, Леманов. Многие из этих семейств к этому времени имели уже определённую историю. Почти все они — выходцы

из Европы, но карьеру банкиров сделали в США (исключение составляют основатели финансовых династий Рокфеллеры и Морганы, которые родились в Америке). Начинали, как правило, не с банковского дела, но затем создавали свои банкирские дома. Многие разбогатели на поставках армии оружия, продовольствия, снаряжения в годы Гражданской войны.

В 1867 году Авраам Кун и Соломон Лоеб учредили банк Kuhn, Loeb & Co., который очень быстро стал крупнейшим в стране кредитным учреждением. С этим банком связаны имена других видных ростовщиков. Это управляющие банка Якоб Шифф, Отто Кан, Феликс Варбург, Бенджамин Буттенвайзер.

В начале XX века на равных с банком Kuhn, Loeb & Co. стал выступать банкирский дом JPMorgan (основан в 1893 году), принадлежащий Джону Пьерпонту Моргану. Начиная с поставок оружия армии в годы Гражданской войны. Затем стал инвестировать в промышленность и железные дороги. Согласно многим источникам, Дж. П. Морган был негласным агентом по продвижению интересов Ротшильдов в США. И сегодня, по мнению экспертов, банк JP Morgan контролируется Ротшильдами (конкретно — лондонским банком N.M. Rothschild & Sons).

Американский бизнес вот уже более столетия ассоциируется с семейством Рокфеллеров. Считается, что Джон Рокфеллер — основатель банкирской династии — стал первым в Америке долларовым миллиардером.

Это произошло, по оценкам, где-то накануне Первой мировой войны. А начинал основатель династии с того, что во время Гражданской войны 1861–1865 гг. снабжал армию мукой, свининой и солью. После войны занялся нефтью, в 1870 году основал компанию Standard Oil (сегодня эта компания называется ExxonMobil). Затем создал банк Chase, преобразованный позднее в Chase Manhattan.

Братья Леманы (Генрих, Эммануэль, Майер) приехали в Америку в первой половине XIX века и на-

чали свою карьеру с торговли хлопком. Позднее Леманы основали банк Lehman Brothers.

Семьи Фарго и Баттерфилд создали финансовую компанию American Express.

В 1977 году банк Kuhn, Loeb & Co. слился с банком Lehman Brothers, при этом был образован банк Lehman Brothers, Inc. Еще через 7 лет произошло его слияние с American Express.

Другой пример. В 2000 году контролируемый Ротшильдами банк JPMorgan поглотил банк Chase Manhattan — детище Рокфеллера. После этого был образован гибрид под названием JPMorgan Chase. На примере этих слияний видно, что происходит всё большее сращивание и переплетение банковских бизнесов отдельных семейств. Возможно, при таких слияниях на финансовом Олимпе меняется соотношение сил участвующих в сделках ростовщиков.

«СЕМЕЙНЫЙ» ХАРАКТЕР БИЗНЕСА

Как известно, в XIX веке (особенно во второй половине) начался бум создания акционерных обществ и/или преобразования существовавших частных компаний в акционерные общества открытого типа. Окончательно семейный частный бизнес был подорван в XX веке в ходе войн, национализаций, вследствие принятия антимонопольных законов и т. п. В учебниках пишется, что акционерная форма организации бизнеса более прогрессивна по сравнению с частными компаниями семейного типа. Тезис весьма сомнительный. Мировой опыт показывает, что семейные фирмы (это хорошо известно специалистам по управлению) обладают гораздо большей устойчивостью и живучестью. Они имеют мотивацию для того, чтобы «жить вечно», а не следовать самоубийственной логике максимизации сиюминутных прибылей. Такие бизнесы, как правило, имеют устойчивые принципы деятельности, жёсткую управленческую субординацию, минимизируют привлечение в штат

«посторонних» людей, разрабатывают долгосрочные программы развития.

Мировые ростовщики поощряли процесс перехода других компаний на акционерную форму, что облегчало им установление контроля над такими бизнесами. Однако сами при этом стремились всячески сохранять свой бизнес как семейный. Яркий пример — Ротшильды, которые и сегодня, в XXI веке, проявляют консерватизм и сохраняют свои банки и компании в виде частного бизнеса на основе семейного капитала. Более того, в своих семейных компаниях и банках они стремились на всех ключевых должностях использовать людей, которые имели бы какие-то родственные связи с Ротшильдами. Говорят, что основатель династии Майер Амшель Ротшильд в своём завещании записал, что руководящие посты в банковских и других бизнесах должны занимать только члены семьи (кстати, женщинам из семьи Ротшильдов заниматься бизнесом запрещалось).

В XIX веке банкирский дом Лазаров также представлял собой частный семейный бизнес. Создан он был тремя братьями-французами — Александром, Семёном и Ильёй Лазарами в Америке на волне «золотой лихорадки» в Калифорнии. Позднее банк Лазаров поменял свою прописку на Францию. Его называли доверенным лицом Морганов в Европе. Сегодня это американско-французский банк с другими хозяевами, после Второй мировой войны в течение 40 лет он управлялся известным американским финансистом Феликсом Рохатиным.

Во многих других банках и компаниях происходит размывание семейного капитала и семейного бизнеса, ключевые посты постепенно замещались людьми, которые изначально не принадлежали к династии основателей бизнеса.

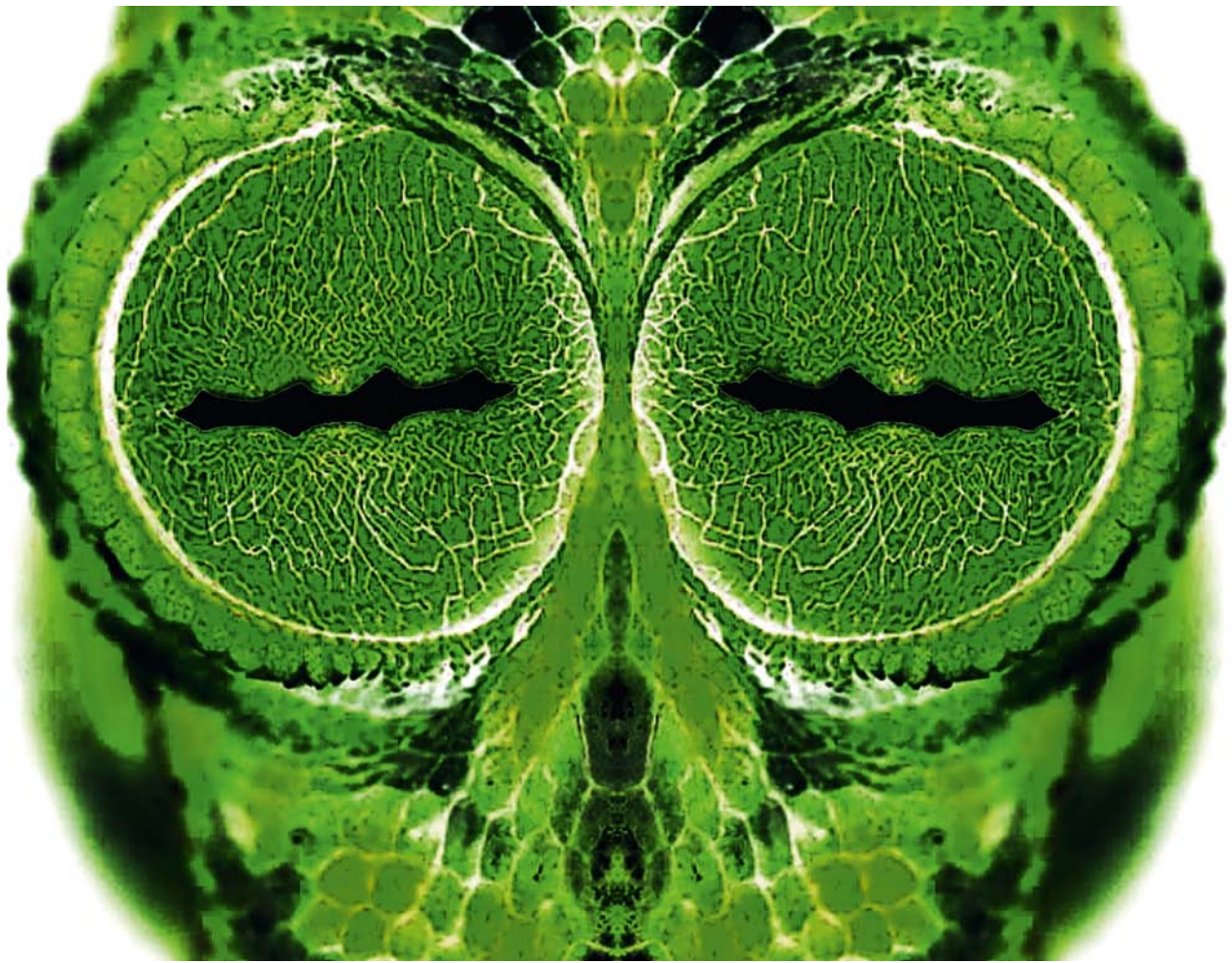
Например, в 1969 году, после смерти Роберта Лемана, к руководству банка Lehman Brothers, Inc. пришли «чужие» люди. Постепенно устойчивость банка стала ослабевать, а в сентябре 2008 года в условиях кризиса произошёл его окончательный крах.

Некоторые так называемые «односемейные» банки постепенно становятся «многосемейными». Сегодня, например, семейства Рокфеллеров, Морганов, Кунов и Лоебов на паритетных началах контролируют финансовый конгломерат Citigroup, банк JPMorgan Chase, нефтяной концерн ExxonMobil. При этом они пристально следят за тем, чтобы «внешние» или «случайные» люди не попадали ни в состав акционеров, ни в круг высшего руководства компаний и банков.

Нарушение этого принципа грозит не только ослаблением позиций банковского дома, но даже его гибелью. Сегодня в большинстве банков штат сотрудников — это не «семья», а «команда». «Команда» может формироваться из людей, которые, во-первых, не очень известны руководству; во-вторых, не очень поддаются контролю. Различие между «семейным» и «корпоративным» духом хорошо понимают настоящие ростовщики и не допускают в свой бизнес людей со стороны.

Мы уже упоминали, что старейший банк Бэрингов в 1995 году был разорён. Это произошло в результате того, что в руководстве банка не осталось никого из Бэрингов. Фактически банком «рулили» уже совсем другие люди, а о Бэрингах напоминала лишь вывеска. В банке оказалось много «случайных» людей, в том числе — и некто Ник Лисон, который был биржевым трейдером. Он торговал фьючерсами на сингапурской бирже и за короткий период времени создал убытки в размере 1,4 млрд фунтов стерлингов, которые оказались смертельными для банка.

Подобного рода скандальные истории регулярно происходят и с другими банками, особенно теми, которые утратили даже подобие «семейных». Управляющие таких банков относятся к вверенному им капиталу как к чужому имуществу: либо занимаются откровенным разворовыванием этого имущества, либо в интересах акционеров и своих собственных (ожидание бонусов) идут на очень рискованные операции.

ДИНАСТИЧЕСКИЕ БРАКИ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ «СЕКРЕТЫ» РОСТОВЩИКОВ

Династические браки предотвращают «распыление» семейного капитала. О многочисленных кровных браках внутри клана Ротшильдов немало написано в биографиях этого семейства. Как подсчитали биографы Ротшильдов, в XIX веке половина браков, заключённых членами клана, были внутрисемейными. За два столетия число таких внутрисемейных браков исчисляется сотнями.

Нормой стали также браки между представителями отдельных банкирских семейств.

Взять, к примеру, банк Kuhn, Loeb & Co. Владельцы этого банка и управляющие постепенно превратились в одну большую семью, поскольку происходило постепенное кровное соединение их семей посредством

браков. Так, дочь Соломона Лоеба вышла замуж за Якоба Шиффа, а Феликс Варбург женился на внучке Соломона Лоеба Нине. А вот управляющий банка Kuhn, Loeb & Co. Бенджамин Буттенвайзер был женат на внучке одного из братьев Леманов. Количество таких брачных альянсов не поддается учёту.

Правда, при династических браках между близкими родственниками значительно чаще могут возникать «генетические» сюрпризы в виде детей с определёнными умственными, психическими и физическими отклонениями, но подобные риски отходят на второй план, когда при решении матримониальных вопросов на первом месте находятся материально-финансовые интересы.

Закрытость — важный принцип существования ростовщиков, при этом речь идёт о закрытости как в личной жизни, так и в бизнесе. Иногда закрытость перерастает в конспирацию.

С этой целью широко используются подставные лица, подставные фирмы, различные трастовые фонды (ТФ), система многоступенчатого участия в капитале других компаний, офшоры и т.п. ТФ управляют пакетами акций ростовщиков в различных компаниях и банках, но при этом сами фонды находятся под контролем ростовщиков. Оценить состояния ростовщиков практически невозможно, трудно даже составить точное представление, какие отрасли и сферы бизнеса находятся под контролем тех или иных семейств. Ротшильды, по мнению ряда аналитиков, действуют через такого агента, как Джордж Сорос, который считается одним из главных финансовых спекулянтов в мире. Он, если так можно выразиться, — «публичный» финансист и всегда занимает достаточно высокие строчки в рейтингах самых богатых людей журнала «Форбс». Свои идеологические установки Ротшильды

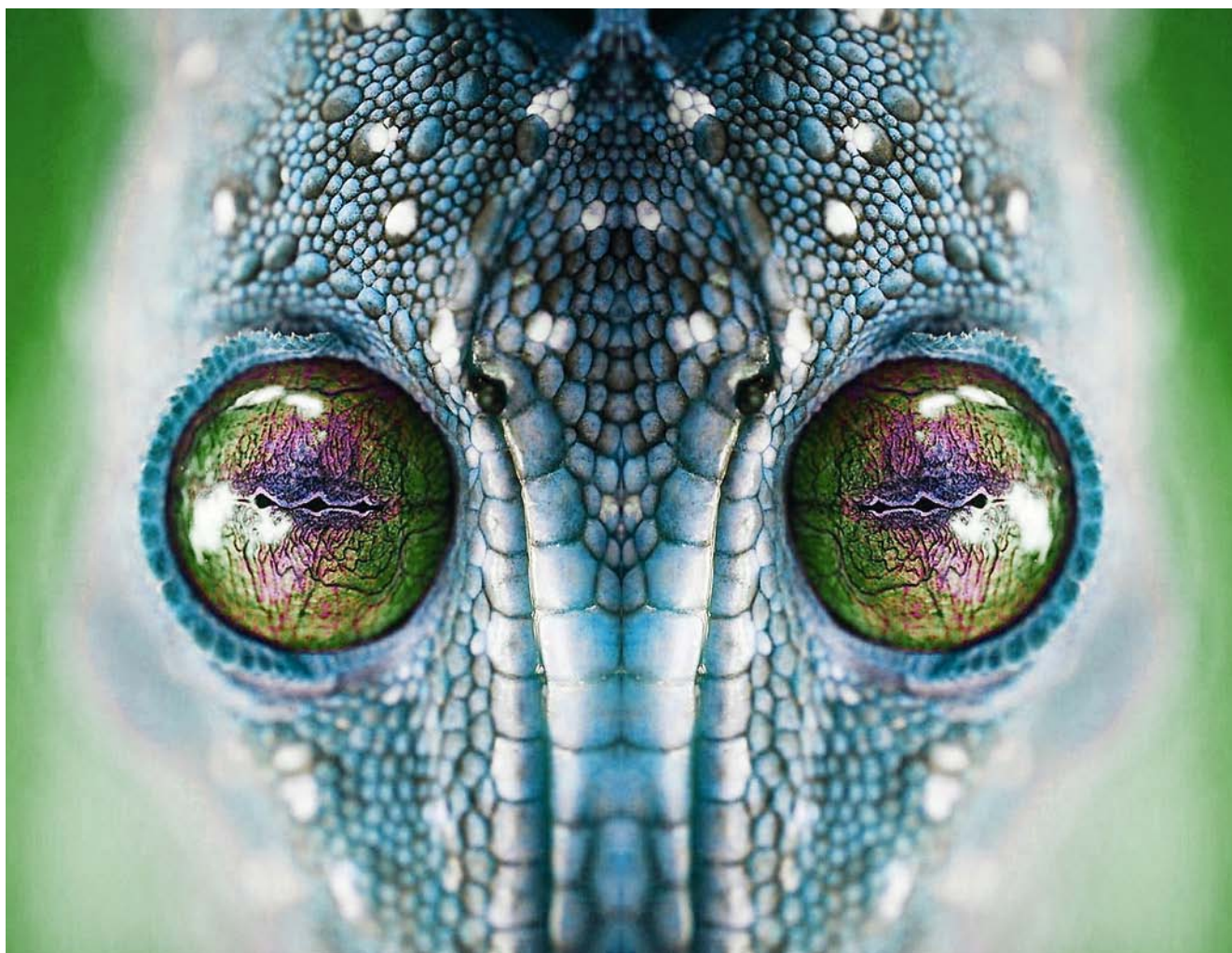
озвучивают через «публичных» политиков и подконтрольных им журналистов. Например, через Жака Аттали, бывшего в своё время президентом Европейского банка развития и реконструкции (ЕБРР), а в настоящее время являющегося советником президента Франции Н. Саркози.

Ориентация на выстраивание связей с политической властью. Ростовщички занимаются бизнесом, опираясь

марксизма: «Д — Т — Д». В современных условиях более актуальной становится формула: «Д — В — Д». То есть капитал прирастает посредством его инвестирования не в товары (или производство товаров), а в политическую власть (в формуле она обозначена буквой «В»). Механизмы приращения капитала через покупку власти многообразны, но, прежде всего, ростовщички получают доступ к денежному

Ротшильды, в отличие от Рокфеллеров или, скажем, Фордов, никогда не занимались политикой. Но они свергали королей и предотвращали войны, закрывали газеты и снимали министров, если это требовалось для их интересов».

Использование любых средств, которые ведут к достижению цели. В силу информационной закрытости жизни и бизнеса мировых ростовщи-

на те возможности, которые дают связи с правительством, законодательной властью, монархами, президентами и т. п. Появилось даже выражение «банковско-политический комплекс» (БПК). Однако роль банков и политической власти в БПК не одинакова: ростовщички давно уже превратили государственную власть в послушного им слугу. Классическая формула движения капитала, созданная классиком

фонду государства — бюджету. Кроме того, через покупку власти они пишут нужные им законы, дают конкурентов, добиваются лояльности судей и т. п.

Ротшильды демонстративно заявляют, что они не вмешиваются в политику. Но на самом деле это не так. Просто они делают это тоньше, чем другие ростовщички. Французский историк банковского дела Жан-Мари Шмит по этому поводу говорит: «Формально

ков об этой стороне их деятельности мало что известно. Но из различных источников (например, из известной книги Джона Колемана «Комитет 300») известно, что ростовщички делали и продолжают делать большие деньги на наркотиках, незаконных поставках оружия, не брезгают заказными убийствами, дискредитацией неугодных им политических деятелей и конкурентов по бизнесу и т. п. В реализации

многих своих операций, как мы выше уже отмечали, они опираются на военно-силовую поддержку государства, развязывают войны и организуют революции, активно используют государственные спецслужбы.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ХАРАКТЕР БИЗНЕСА

В Европе международная финансовая сеть сложилась ещё при тамплиерах, которые имели свои «опорные точки» на пространстве от Скандинавии до Средиземного моря и даже в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Однако после ликвидации ордена в начале XIV века финансовая деятельность ростовщиков осуществлялась в более ограниченном пространстве (даже ростовщики Флоренции, Венеции, Генуи, Ломбардии не имели такого международного охвата, какой был у ордена тамплиеров).

Воистину международный размах ростовщическая деятельность приобрела при Ротшильдах. Основателю династии Майеру Амшелю Ротшильд стало тесно в пределах Германии, где он сделал свой капитал. Поэтому он определил своих пятерых сыновей в основные страны Европы: Натана — в Лондон, Джеймса — в Париж, Амшеля — во Франкфурт, Соломона — в Вену, Карла — в Неаполь. Там они создали свои банкирские конторы. Наличие международной финансовой сети дало Ротшильдам преимущества перед другими банкирами (быстрые расчёты и оперативное маневрирование финансовыми ресурсами, обмен информацией, координация по оказанию нужного влияния на первых лиц государств и т. п.), позволило активно влиять на ход политических событий в Европе и мире.

Освоившись быстро в Европе, Ротшильды стали распространять своё влияние на Новый Свет. Это влияние проявлялось в том, что они создавали там свою агентуру.

Например, уже в конце XVIII века агентом Майера Амшеля Ротшильда в США был Александр Гамильтон. Он стал министром финансов Северо-

американских Штатов, и благодаря его усилиям в этой стране в 1791 году был учреждён первый центральный банк. А в 1824 году Ротшильды стали личными финансистами бразильского императора.

Особое внимание уделялось вопросам оперативной секретной связи между центрами финансовой сети. Была создана собственная почтовая служба, а также голубиная почта. Применялись шифры. Для почтовых отправок использовался особый язык, который представлял собой диалект немецкого, на котором говорили в гетто Франкфурта, при этом буквы были позаимствованы из иврита.

На сегодняшний день Ротшильды имеют свои банки и предприятия в 40 странах мира. Члены семейства живут в десятках стран мира. Вместе с тем достаточно чётко просматриваются основные страны их пребывания — Великобритания и Франция. Далее следуют США и Швейцария.

Нынешний глава клана Давид Ротшильд имеет троих детей — одного сына и двух дочерей. По примеру своего предка он планирует послать своих детей в разные части света — в США, Европу и Азию (сегодня уже даже женщины в клане Ротшильдов имеют право заниматься бизнесом).

Мировые ростовщики используют такую форму интернационализации своего банковского бизнеса, как транснациональные банки (ТНБ).

Например, банк JPMorgan Chase — типичный ТНБ, штаб-квартира которого находится в Нью-Йорке (Уолл-стрит), а свои операции он осуществляет в 60 странах мира, в том числе в России.

РОТШИЛЬДЫ: ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ ВЛАСТИ И СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА

Принцип централизации семейной власти и семейного бизнеса наиболее наглядно проявляется на примере династии Ротшильдов. В своём завещании Майер Амшель Ротшильд указал, что его наследники и последующие потомки должны из своей среды выби-

рать главу семейства, которому другие члены семейства должны беспрекословно подчиняться. Это, безусловно, очень важный принцип управления, который позволил сохранять устойчивость и выживаемость международного семейного бизнеса. Наиболее важные вопросы Ротшильды решают на семейных советах, где глава каждой ветви имеет право высказаться. Это напоминает принцип *демократического централизма*, который был зафиксирован в Уставе КПСС (но который зачастую нарушался). Хорошо известно, что после смерти *Майера Амшеля Ротшильда* в 1812 году главой клана стал *Натан Ротшильд*, который базировался в Лондоне. В каждой стране, где пребывали Ротшильды, также имела своя субординация. Этого принципа единоначалия Ротшильды более или менее последовательно придерживались и в последующее время.

После Второй мировой войны наиболее сильными и влиятельными из всех ветвей международного клана Ротшильдов являются британская и французская ветви. Имеются также другие ветви — американская, швейцарская. Эти ветви сложились в годы Второй мировой войны, когда имущество Ротшильдов во Франции было конфисковано фашистами, а члены семьи эмигрировали за океан или переехали в нейтральную Швейцарию. В качестве главы всего клана выбирается представитель лондонской или парижской ветви.

Сегодня бразды правления в клане Ротшильдов перешли к Давиду Ротшильду (род. в 1942 г.) — главе французской ветви семейства. Управление французской ветвью Давид принял после недавней смерти главы этой ветви барона Ги де Ротшильда. До этого главой всего клана был Эвелин Ротшильд, принадлежащий к британской ветви семейства. В связи с преклонным возрастом Эвелин передал власть Давиду.

Централизация в клане Ротшильдов проявляется не только в чёткой субординации отдельных членов семьи, но также в том, что создаются многоуровневые структуры управления активами, причём управляю-

щие организации и активы разбросаны по всему миру. Во главе каждой управляющей структуры стоит человек, имеющий какие-то кровные связи с кланом Ротшильдов.

В настоящее время все нити управления активами клана Ротшильдов сходятся в холдинговой компании Family Company, возглавляемой Давидом Ротшильдом. Другая важная холдинговая компания клана Ротшильдов — Concordia B.V. Она находится во владении лондонского и парижского банков Ротшильдов, и под его контролем находится холдинговая компания Continuation Holdings of Switzerland, которая, в свою очередь, контролирует активы швейцарских Ротшильдов; она также владеет всеми акциями американских и канадских Ротшильдов. Среди холдинговых компаний клана Ротшильдов следует еще упомянуть Societe d'Investissement du Nord, эта компания управляет активами французских Ротшильдов.

Сегодня в условиях кризиса наблюдается явная финансовая консолидация всех ветвей международного клана Ротшильдов, что даёт им хорошую возможность укрепить свои позиции в международных финансах. Некоторые аналитики говорят о «ренессансе» клана Ротшильдов в XXI веке.

Главный актив Ротшильдов — лондонский банк NM Rothschild & Sons, который был создан ещё Натаном Ротшильдом в начале XIX века. Другие значимые банки, входящие в империю Ротшильдов: Rothschild & Cie Banque (Франция), Rothschild AG (Швейцария).

Среди небанковских финансовых структур клана Ротшильдов следует выделить американскую инвестиционную компанию Atticus Capital, в которой сопредседателем совета директоров является Натаниэль Ротшильд. Накануне кризиса капитализация компании оценивалась в 14 млрд долл., в ходе кризиса она потеряла 5 млрд долл. Также важной финансовой структурой является британский инвестиционный банк JNR Ltd. (J. Aron & Natan Rothschild Energy International Limited), осуществляющий инве-

стиции в российские и украинские компании энергетического сектора (также находится под управлением Натаниэля Ротшильда).

Интересы Ротшильдов не ограничиваются финансовой сферой. Они владеют компаниями в добывающей промышленности: Anglo-American corporation of South Africa (добыча золота, алмазов, урана, других полезных ископаемых), Rio Tinto (уголь, железо, медь, уран, золото, алмазы, алюминий), De Biers (добыча и обработка алмазов).

В энергетическом секторе наиболее крупной собственностью Ротшильдов является компания Vanco International Limited, осуществляющая инвестиции в разведку и добычу углеводородных ресурсов.

В девелоперском бизнесе выделяется венгерская компания Trigranit, в которой Натаниэль Ротшильд имеет 12% акций (только в российскую недвижимость компания сделала инвестиции на 5 млрд долл.).

Клан Ротшильдов имеет бесчисленное количество компаний в торговле, ресторанном и отельном бизнесе, производстве вина, издательском бизнесе. В частности, под контролем Ротшильдов находится парижское издательство Presses de la Site, французская газета Liberation, английские

издания Economist и Daily Telegraph, радиовещательная компания Би-би-си.

По отмеченным выше причинам оценить достояние клана Ротшильдов в денежном эквиваленте крайне сложно. Встречаются оценки от 1,4 млрд долл. (израильские источники) до 15 млрд долл. (французские источники). По французским источникам, доходы семейства в 2003 году равнялись 828 млн долл. А вот оценка активов, находящихся под контролем Ротшильдов, вообще невозможна. Тем не менее, судя по этим цифрам, в последние бурные десятилетия капиталисты новой волны потеснили Ротшильдов. Они смотрятся достаточно скромно на фоне того же Билла Гейтса или Уоррена Баффета, спекулянтов Уолл-стрит или некоторых российских олигархов. Но для оценки позиций клана Ротшильдов важны не только количественные, но и качественные характеристики. У Ротшильдов есть неоспоримое преимущество перед другими олигархами: они очень живучи, в состоянии противостоять любым катаклизмам истории (войнам, кризисам), имеют великолепную способность восстанавливать утраченные позиции. Например, в 50–60-е годы прошлого столетия они сумели восстановить свои позиции в континен-

тальной Европе, которые были утрачены во время Второй мировой войны. А в 1981 году при левом президенте Франсуа Миттеране был национализирован банк Ротшильдов во Франции. Однако Ротшильды активно способствовали смене правительства и президента. В 1986 году к власти пришёл правый президент Жак Ширак, который вернул Ротшильдам банк. Причём, согласно некоторым источникам, Ротшильды в порядке реституции получили компенсацию, которая существенно превышала капитал банка до его национализации.

ДИАЛЕКТИКА ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ

После начала нынешнего глобального кризиса резко усилилась централизация банковского капитала, что выразилось в сокращении числа банков мирового калибра, многие банки обанкротились и прекратили своё существование или были приобретены более могущественными. Выжившие банки стали ещё крупнее.

В конце 2009 года Совет по финансовой устойчивости составил список мировых финансовых учреждений (МФУ), в который включено 6 страховых компаний и 24 транснацио-

нальных банка. На Уолл-стрит американскую банковскую систему сегодня контролируют четыре–шесть банковских гигантов. Это: Goldman Sachs, JP Morgan Chase, Morgan Stanley, Bank of America, Citybank, Wells Fargo. Лидером по показателю капитализации в этой группе выступал JPMorgan Chase, находящийся под контролем кланов Рокфеллеров и Ротшильдов (180 млрд долл. на 01.10.2009). А вот банк Goldman Sachs, считающийся вотчиной Ротшильдов, на Уолл-стрит называют «генератором прибылей» из-за рекордных показателей чистой прибыли: за первую половину 2009 года они составили 5,25 млрд долл. (это тем более впечатляет на фоне убытков многих других банков в условиях кризиса).

В контексте рассматриваемых нами проблем важно отметить, что мировая финансовая верхушка контролирует «генеральные штабы» ростовщиков — центральные банки. Эти институты являются важнейшим инструментом управления всеми более низкими этажами «долговой пирамиды» ростовщиков. Центробанки отдельных стран образуют своеобразную сеть с чётко выраженной иерархией. На верхнем этаже иерархии центральных банков находится Федеральная резервная система США. «Контрольный пакет»

в ФРС США с самого начала принадлежал Ротшильдам, Рокфеллерам, Морганам, Кунам, Лоебам и ещё несколькими «небожителям». Но если учесть, что многие члены этого узкого круга «небожителей» были изначально под контролем Ротшильдов, то можно предположить, что самыми главными акционерами ФРС были Ротшильды и Рокфеллеры. Последние сумели с самого начала своей предпринимательской карьеры сохранить определённую независимость от Ротшильдов. Такой точки зрения придерживается, в частности, американский исследователь Николас Хаггер.

Впрочем, имеются и другие версии того, кто находится на вершине финансового и политического олимпа. Иногда называется семейство Барухов. Наиболее известный из них — Бернард Барух, который «опекал» многих американских президентов, начиная с Вудро Вильсона и кончая Джеральдом Фордом. Речь идёт о том самом Барухе, который дал «отмашку» Федеральному резервному банку Нью-Йорка в октябре 1929 г. «перекрыть» «денежный кислород» рынку и тем самым спровоцировал обвал на фондовом рынке США.

Известен такой факт, приведённый в книге Энтони Саттона «Власть доллара»: «В США были напечатаны купюры достоинством больше обычного (одна тысяча, пять тысяч, десять тысяч долларов). Однако они не обращаются (пока), а лежат в сейфах. Характерно, что на них нет портретов президентов США. Кто же изображен на купюрах? Шифф, Лоеб, Кун, Барух... Тогдашний министр финансов Джеки Рубин в 1990-е годы в приватной беседе сказал, комментируя изображения на купюрах: «Это (президенты США, изображенные на купюрах мелкого достоинства. — В. К.) — рабы, а вот это (финансисты, изображенные на купюрах большого достоинства. — В. К.) — рабовладельцы». Так, на купюрах, которые не имеют хождения среди народа, напечатаны портреты тех, кто реально правит миром.

В течение двадцатого века, судя по оценкам экспертов, круг основных

хозяев Федрезерва остался примерно тем же, что и был при его создании; разве что несколько изменились их доли в капитале главного эмитсионного центра США и всего мира.

Но, судя по всему, отношения в клубе «небожителей» не столь уж безоблачны, между ними идет постоянная «подковёрная» борьба, о которой мы знаем крайне мало.

Так, М. Ротбард провёл скрупулезное исследование истории банковского дела в США в первой половине XX века и пришёл к выводу, что в годы правления президента Ф. Рузвельта (так называемый «новый курс») произошла серьёзная подкачка сил на финансовом олимпе Америки. Доминировавшие до кризиса 1929–1933-х гг. Морганы, представлявшие в США интересы Ротшильдов, в 1930-е годы уступили в финансово-банковской системе США пальму первенства клану Рокфеллеров.

В другом интересном исследовании, принадлежащем Николасу Хаггеру, делается вывод об ослаблении позиций Ротшильдов среди главных акционеров ФРС. Согласно приводимым им цифрам (со ссылкой на данные рейтингового агентства Standard and Poor), в начале 1990-х гг. банковской группе Рокфеллеров принадлежало 53% акций Федерального резерва, еще 8% принадлежало якобы Банку Японии. На банки, подконтрольные Ротшильдам, пришлось не более 10%. Означает ли это, что «эра Ротшильдов» уходит в прошлое? Автор считает, что нет. По его мнению, Ротшильды имеют прочные позиции за пределами Америки, особенно в Западной Европе, где под их контролем находятся такие центральные банки, как Банк Англии, Банк Франции, Бундесбанк. Доминируют они и на ряде рынков. В частности, на рынке золота. Не исключено, что мир может вернуться к тому или иному варианту золотого стандарта, если Ротшильды грамотно проведут шахматную игру под названием «реформа мировой финансовой системы».

О противостоянии кланов Ротшильдов и Рокфеллеров свидетель-

ствует также история с ЮКОСом и М. Ходорковским. На активы этой гигантской нефтяной компании претендовали кланы Ротшильдов и Рокфеллеров. Изначально ЮКОС предназначался Ротшильдам, которые имели сложные, многоступенчатые отношения с этой компанией. Но Рокфеллеры разрушили планы по передаче нефтедобывающих активов Ротшильдам. Так что, по большому счёту, инициатива ареста и тюремного заключения Ходорковского исходила не от президента РФ, а из Вашингтона. Мы приводим этот пример, чтобы было понятно, насколько всё непросто на мировом финансовом олимпе.

На Уолл-стрит также наблюдается разделение её обитателей на тех, кто тяготеет к клану Ротшильдов, и тех, кто ближе к клану Рокфеллеров. В частности, нет особого секрета, что банк Goldman Sachs находится под контролем Ротшильдов, а банк Merrill Lynch — Рокфеллеров. Сегодня в администрации президента Барака Обамы, по оценкам аналитиков, больше людей, связанных с Goldman Sachs, чем с Merrill Lynch. Прежде всего, это министр финансов Тим Гейтнер, который в своё время занимал высокий пост в Goldman Sachs.

Ещё одна интересная «информация для размышления». 17 сентября 2009 г. (в день 222-й годовщины подписания конституции Соединённых Штатов) 290 из 435 членов палаты представителей США поддержали проект закона «О прозрачности Федерального резервной системы США». Такое количество голосов «за» означает, что президент США уже не может наложить вето на законопроект. Это было беспрецедентным событием в истории Америки: впервые почти за сто лет своего существования ФРС подвергалась проверке со стороны государственной власти.

Но долгожданный аудит на поверку оказался профанацией. Было установлено, например, что с 1 декабря 2007 года по 21 июля 2010 года ФРС перевела различным банковским структурам как транзакции с неопределённым сроком возврата (в том числе — нахо-

дящимся вне юрисдикции США) сумму в 16,115 трлн долл., что превышало размер федерального бюджета США за 2011 год. В первую десятку получателей, на чью долю пришлось свыше 9 трлн долл., вошли Citigroup, Morgan Stanley, Merrill Lynch, Bank of America, Barclays PLC, Bear Stearns, Goldman Sachs, Royal Bank of Scotland, Deutsche Bank и Union Bank of Switzerland.

Данная скандальная информация стала достоянием гласности, но никаких видимых последствий для ФРС за собой не повлекла — по крайней мере, объяснения его руководства, что все деньги «возвращены обратно», были приняты без всякой проверки.

Ещё показательнее выглядит история с аудитом золотого запаса США, переданного на хранение в ФРС. Аудит якобы был проведён 30 сентября 2012 года, а отчёт по нему (Audit Report. Audit of the Department of the Treasury's Schedule of United States Gold Reserves Held by Federal Reserve Banks as of September 30, 2012. Office of Inspector General. Department of the Treasury. — Wash., D. C., January 4, 2013) появился только в январе 2013 года. Этот документ объёмом... 14 страниц, 13 из которых представляют собой информацию, не имеющую отношения к проведённому аудиту. Это титульная страница с картинкой, страница с оглавлением, страницы с выдержками из американских законов, объясняющих правила проведения аудита, а также разъясняющих читателям, что такое министерство финансов. Например, читателям рассказывается, что министерство финансов отвечает «за содействие экономическому процветанию» и далее в том же духе.

Результаты собственно аудита уместились на одной-единственной странице и сводятся к тому, что в хранилище Федерального резервного банка Нью-Йорка на Манхэттене находится 99,98% всего «прочего казначейского золота», что подтверждается цифрой объёмов, выраженной в тройских унциях (метрический эквивалент — 466,57 тонн), а также в ценах 1973 года и в текущих ценах (соответственно — 568 млн долл. и 23 892 млн долл.).

В данной связи даже не стоит акцентировать внимание на том, что проверялся не весь запас, а лишь его часть (во многих американских СМИ со знанием или по недоразумению эта проверка называлась: «аудит золотого запаса США» без каких-либо оговорок) — достаточно сказать, что аудитом подобную акцию назвать нельзя.

Прежде всего потому, что министерство финансов США, по сути, проверяло самого себя, параллельной документарной проверки проведено не было, то есть наличное золото могло быть, например, заложено или перезаложено. Кроме того, чтобы утверждать, будто в подвалах ФРБ Нью-Йорка находится 99,98% «прочего казначейского золота», надо было проверить все хранилища, содержащие «прочее казначейское золото», чего также сделано не было.

Отсюда можно сделать предположение, что так называемый «аудит»

ограничился экскурсией чиновников американского минфина в подвалы хранилища ФРБ Нью-Йорка на Манхэттене, где им были продемонстрированы блестящие предметы под названием «золотые слитки» (на самом деле эти предметы могли оказаться всего лишь позолоченным вольфрамом) и передан пакет документов от ФРС, подтверждающий, что «с золотом всё в порядке». Возможно, чиновники минфина США в конце своего визита на калькуляторе пересчитали стоимость названного им объёма золота по текущим рыночным ценам, и цифры действительно сошлись... Правда, журналисты утверждали, что «золотые слитки» в подвалах ФРБ подвергались некоему «сверлению», в результате которого было установлено, что это действительно чистое золото, в некоторых случаях оказавшееся даже «чище чистого», то есть

в нескольких из них содержание драгоценного металла оказалось даже выше заявленного, что в итоге должно прибавить к и без того гигантскому золотому запасу США еще несколько унций. Но в официальном отчёте нет даже намёка на то, что проводилась физическая проверка золота, а «бумажные» и «электронные» публикации масс-медиа по определению «в случае чего к делу не подошьёшь».

В целом же экспертное сообщество склонно считать, что группа Ротшильдов сейчас находится в наступлении на позиции группы Рокфеллеров, делая ставку на дефолт по доллару, обнуление всех записей, отражающих долги и виртуальные активы, учёт и переоценку всех активов и пассивов в унциях золота, а также на введение денежной системы, которая бы прямо или косвенно была привязана к золоту.

/ Константин ЧЕРЕМНЫХ /

Бенефициары **«НОВОГО Средневековья»**

СТОЛКНОВЕНИЕ АНТИЦИВИЛИЗАЦИЙ

Что происходит с государственной властью в западной цивилизации? Почему с карты Европы исчезают яркие, самостоятельные, волевые политики? Почему в Вашингтоне внешнеполити-

ческие и даже важнейшие кадровые решения столь «дёрганы» и хаотичны?

Как может получиться, что глава государства, упорно считающего себя единственной и исключительной сверхдержавой, утверждает, что подлинное лидерство состоит в борьбе с глобальным потеплением, а в это

время в центральной европейской стране-союзнице, в столице — символе Европы на сцену выходит невесть кем управляемая антигосударственная сила и хладнокровно сеет смерть налево и направо, в том числе и там, где находится президент республики с главой МИДа другой, ещё более

влиятельной европейской нации? Напомним, это Франция — страна, где работал один из отцов-основателей США Бенджамин Франклин; республика, сохранившая имперский военный атрибут — Иностраннный легион; страна, отличающаяся от соседей дееспособностью спецслужб и полиции.

Аутизм Белого дома и воля негосударственного террористического игрока — не единственный бьющий в глаза контраст. Медиа-мэйнстрим хором голосит о покушении на европейскую цивилизацию. Но первый теракт произошёл на концерте рок-группы «Орлы металла смерти». Это европейская цивилизация? А легализованное Олландом (а затем Верховным судом США) мужеложество — это та ценность, которую призваны и мотивированы охранять правоохранители западных стран? А близлежащая редакция «Шарли Эбдо» — носитель цивилизационных начал или всё-таки разрушитель?

Антигосударственная сила, выйдя на сцену, назвала свой акт французским вариантом 11 сентября 2001 года. Вот ещё один парадокс: в США на сегодня 17 спецслужб, но ни одна доселе не дала внятного объяснения атаке на Всемирный торговый центр. По сей день не объяснена цепочка предшествующих событий — расстрел афганского политика Ахмада Шах Масуда 9 сентября, визит в США главы пакистанской разведки 10 сентября... Эти детали замалчиваются 15 лет. Обстоятельства теракта в Ливии в годовщину тех событий в 2012 году также замолчены — для спасения репутации «безальтернативной» Хиллари Клинтон, а заодно — тогдашнего главы ЦРУ Дэвида Петреуса.

Вопросы о том, «откуда есть пошла» запрещённая в России организация ИГИЛ¹, уместно задать именно двум вышеназванным лицам. И это должно больше всего волновать как раз американскую политическую элиту, поскольку события последнего года свели на нет главный элемент «мягкой власти», по определению

автора этого термина Дж. С. Ная — авторитет США, основанный на притягательности американской модели.

По официальной версии Арабской весны, освобождение ближневосточных стран от «диктатур» должно было привести к созданию там инклюзивных и толерантных обществ с «прогрессивным» (то есть владеющим IT, гендерно и климатически просвещённым) средним классом. Получилась в итоге кажущаяся противоположность. Кажущаяся — поскольку и «прогрессизм», и террористическая практика искусственной секты несут в себе один и тот же мальтузианский эффект. Кажущаяся — поскольку и «ультралевизна», и «ультраправизна» постиндустриальной эры систематически (кто духовно, а кто физически) уничтожает наследие авраамических религий.

Кто выигрывает? Негосударственная «третья сила», извлекающая влияние (теперь уже и военное) из столкновения «беленьких и чёрненьких» антигосударственных и антирелигиозных начал, псевдопрогрессистов и псевдофундаменталистов. Она получила путёвку в жизнь не в 2011-м и не в 2001 году, а раньше — ровно тогда же, когда парадигма модерна была замещена постиндустриальным мальтузианским концептом. А именно — при президенте США Джимми Картере, когда в Афганистане был дан «зелёный свет» джихадистам, а над Белым домом была торжественно установлена «зелёная» солнечная панель.

К саммиту G20 группа НПО подготовила очередной пропагандистский продукт — «план Маршалла» для Сирии. Догадаться о том, что это не проект развития, а очередной симулякр послевоенного начинания периода модерна, можно даже по личностям ораторов — это организация Avaaz, финансируемая Джорджем Соросом и в 2011 году ходатайствовавшая перед ООН о полной декриминализации хранения и личного потребления наркотиков.

Все четыре года сирийской и ливийской гражданской войны вырас-

тающий из нее сектантский продукт кормился от контрабанды. Всё это время «информационная власть» США — раскрытый Сноуденом конкордат АНБ с Цукербергом и Дорси — не мешала «фундаментализму» агитировать, вербовать, рекрутировать, натаскивать, вооружать мечтателей о халифате. Если это случайность, то компетентность разведчиков и интеллект программистов никуда не годится. Если это сговор за спиной человечества, тогда в нём присутствует ещё один невидимый глобальный участник, и именно он играет первую скрипку.

Этот невидимый участник, эта пресловутая «третья сила» уже получила официальное признание мировых финансовых институтов — с тех пор, как в ВВП государств стали включаться доходы от наркоторговли и проституции. Это признание равнозначно капитуляции институтов: «тьень» вышла на свет, обозначена как акционер всемирной властной корпорации. И ей удобнее всего существовать и действовать в мире, где прогрессивно растёт число несостоятельных государств.

В день теракта в Париже полевой командир «Джабхат ан-Нусры», запрещённой в России (и не только), «младшего брата» ИГИЛ¹, с неотличимым способом присвоения и практикой культурной и физической войны, был случайно задержан в несостоятельном государстве Украина. Эта территория ближе к нашей столице, чем афганский Кандагар, сирийская провинция Ракка и даже Париж; при этом власть там находится не в государственных руках. Нетрудовой украинский средний класс был соблазнен тем же прогрессистским миражом, что и арабский, теми же обещаниями «планов Маршалла» от НПО, на практике пропагандирующих деиндустриализацию; снос административных элит привёл «тьень» на свет ускоренными темпами; население, как признают даже советники власти, держится на «серой» эконо-

¹ Организация запрещена в РФ.

мике; борьба за терминалы торговли, прежде всего порты, ведут уже не «серые», а «чёрные» игроки. Срам этой реальности усиленно прикрывают внешние доброхоты, не разбирающиеся в этой реальности, что только помогает «третьей силе» преобразовывать кризисный субстрат в своё гнездовище и в удобный плацдарм для «халифатского» рекрутирования, ибо здесь, как и в Ливии, в избытке накапливается «топливо» мотивации — чёрная ненависть к России, а затем и к «обманувшему» Западу.

УКРАИНА: ФИГУРЫ УМОЛЧАНИЯ

В мае 2015 года на военно-политической конференции под эгидой Вашингтонского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), где в центре внимания был украинский конфликт и его неблагоприятное влияние на американо-российские отношения, один из участников, доктор Джеймс Макноутон из армейского департамента Пентагона, упомянул о прошлогодних событиях в Одессе, где 43 человека погибли в результате пожара в Доме профсоюзов, бывшем обкоме КПУ. В представлении выступавшего результатом трагедии было «предотвращение отделения Одесской области от Украины — то есть это была в некотором смысле история успеха» (success story).

Военный чиновник, явно искренне принимая на веру официальную интерпретацию одесских событий, рассматривал их как переломный момент «в сопротивлении оккупации», с которой начинается возрождение украинской нации и восстановление утрат оной. Между тем за полгода, прошедшие после конференции CSIS, Украина была потрясена ещё несколькими событиями, которые лишь узко заинтересованными лицами связывались с «кознями России», в то время как официальный Киев вынужденно признавал факт внутреннего раздора. Речь идёт о рейде отряда «Правого сектора» в Закарпатье, а также о взрыве боевой гранаты у здания Верховной рады. Участники обоих

эксцессов придавали им сугубо политический смысл — соответственно, «борьба со ставленниками Медведчука» и «навязывание Украине предательской децентрализации». Между тем и в отчётах силовиков, и в СМИ вскоре всплыли имена центральных участников обоих конфликтов. В закарпатской истории это был некий Михаил Ланьо, у которого милиция нашла кустарный цех по производству синтетических наркотиков, а в киевском сюжете — Игорь Кривецкий, неофициальный хозяин партии «Свобода», известный в Львовской области как «контролёр» местной таможни под кличкой Пупс.

Оба эксцесса рушили «success story». Закарпатский эпизод пришёлся на переговоры премьера Украины с кредиторами в Нью-Йорке, а взрыв гранаты на митинге 31 августа — на принятие пакета евроинтеграционных законов. В Одессе «консолидации сил Майдана» также не наступило. Новый глава региона, импортированный из Грузии, вступил в конфликт с президентским ставленником Алексеем Гончаренко, а в итоге был уличён в подготовке с украинской территории переворота на своей родине, которая лишила его гражданства. Скандал развёл по разные стороны баррикад самые «продвинутые на пути в НАТО» постсоветские страны.

Так поверхностная оценка событий в стране-мишени («российская агентура» обезоружена — значит, «нация возрождается») не позволила профессиональным военным аналитикам предвидеть отклонение от благообразного сценария демократической трансформации. Так было не только с Украиной. Прогнозы в остальных странах — прежних объектах «цветных» трансформаций (Молдова и Киргизия) и будущих (Бирма, Таиланд, Тайвань) также оказались дефектными ввиду неучёта неких факторов, вынесенных за скобки. Мало того, октябрьские события в Афганистане также пошли вразрез с благообразным сценарием и создали Белому дому новую головную боль в разгар бюджетной дискуссии.

Между тем реалии событий в Одессе 2 мая 2014 года фактически по сей день остаются под спудом, несмотря на требования международных институтов к Украине. О чём свидетельствует как крайняя необузданность выводов общественного «Комитета 2 мая», согласно которой смерть большинства пострадавших наступила от «разгорячения олифы на стенах лестницы до температуры 600 градусов», так и взаимоисключающие версии, высказанные в годовщину событий.

Так, ни один из чиновников-свидетелей не смог толком объяснить появления в центре Одессы отряда псевдопроороссийских активистов, который инициировал серию провокаций с перемещением столкновений к Дому профсоюзов. В свою очередь, «Комитет 2 мая» на схеме этого здания вообще не обозначил просторного подвального помещения, будто оно вовсе отсутствовало. Между тем, как рассказал год спустя отстранённый и.о. губернатора Владимир Немировский, чиновники силовых структур, в том числе тогдашний генпрокурор Виталий Ярёма, особо интересовались именно этой частью здания, а также некими бутылками, находившимися там. Ярёма, как и глава управления ГСЧС Владимир Боделан, считал, что мгновенная смерть активистов внутри здания была результатом вдыхания ядовитого газа, а не перегрева. Есть и третья фигура умолчания — крупнооптовый рынок «Седьмой километр» близ Одессы, который за день до событий подвергся то ли проверке, то ли рэкетирскому налёту.

Версия, связывающая воедино все белые пятна, существует: она была озвучена со слов анонимных одесских источников профессионалом-химиком Александром Башкуевым. И она объясняет пожелание следующего одесского губернатора, экс-топ-менеджера группы «Приват» Игоря Палицы передать здание одному хозяину, чтобы избежать неких новых «непорядков». По версии Башкуева, «непорядок» состоял

в том, что в просторном цокольном этаже, соединённом с вентиляционной системой Дома профсоюзов, располагалась крупная лаборатория по изготовлению из героинового сырья, поставляемого в Одессу морем, таблетированных синтетических наркотиков (гидрокодона), при распространении выдаваемых за «экстази», а в качестве реагента в этом химическом процессе использовался дихлорэтан. Целью организаторов столкновений, по этой версии, был захват наркоцеха конкурентами его владельцев. Источники туманно поясняют, что конфликт вовлекал «старых» владельцев и по меньшей мере две противостоящие группы претендентов. Объект в итоге не достался никому, а просто был разгромлен; следы исчезли вместе с рядом лиц, вскоре скончавшихся друг за другом.

«Седьмой километр», о чём неоднократно упоминалось на разоблачительных ресурсах экс-советника главы СБУ Станислава Речинского, служил узлом оптового распространения наркотиков не только по Украине, но и в Восточную Европу. Нельзя сказать, что тема контрабанды не звучала в ходе баталий в Раде и вокруг неё. Нельзя сказать, что имена воротил не всплывали в Интернете: на форуме портала ОРД С. Речинского можно было найти, в частности, имя того конкретного «профильного менеджера», который в конгломерате Коломойского отвечал за данное теневое направление. Тем не менее такие персонажи не фигурируют в многочисленных досье на украинских олигархов, которые ломаются от информации о связях, недвижимости и офшорах; даже когда действующий глава СБУ 3 ноября этого года перечислил состав «ОПГ Коломойского», имя его «главы наркодепартамента» названо не было.

Если умолчание украинских чиновников и политиков можно понять, учитывая вышеназванный шлейф смертей после событий, то почему набрали воды в рот аналитики из множества трансатлантических НПО — хотя эксцессы батальонов портят имидж проекта демократизации

не меньше, чем смущающие Европу знамёна со свастикой?

Ответ подсказывает ещё один эпизод из постмайданной истории. Спустя несколько недель после одесской трагедии портал «Киберберкут» обнародовал переписку Игоря Коломойского с прокурором Львовщины, где выражалось беспокойство по поводу некоего плана госпереворота, готовящегося партией «Свобода». Коломойский ссылался на собственных хакеров, вскрывших переписку группы генералов, в числе которых было двое руководителей разведывательных ведомств. План состоял в срыве выборов в Раду путём организации беспорядков и их переноса на декабрь 2014 года с продвижением в президенты Олега Тягнибока. Генералы утверждали, что тогдашний глава СБУ Валентин Наливайченко на их стороне и что их действия непосредственно согласованы с директором ЦРУ Джоном Бреннаном. Самой пикантной — и, возможно, самой актуальной для Коломойского — деталью было упоминание в одном ряду с этими именами также спонсора с инициа-

лами ИИК, за которыми угадывался Игорь Игоревич Кривецкий.

Скандал был замолчан, однако судьба соперничающих сторон предполагает, что в кругу кураторов не обошлось без «оргвыводов». Партия «Свобода» была вытеснена на политическую обочину, потеряв административные завоевания — посты генпрокурора, министра сельского хозяйства, главы «Укрспирта». Имидж Коломойского также поплек: от Днепропетровска в Раду прошли соперники; Минэнерго потребовало возврата долгов нефтяных компаний; в Израиле, где глава «Привата» числился привилегированным спонсором реставрации Старого города Иерусалима и чуть ли не пионером реконструкции третьего Храма, его имя теперь звучало редко и в нейтрально-брезгливой коннотации; этой осенью, когда прокуратура Украины обрушилась на его клан, правозащитные СМИ не возопили об антисемитизме. И, само собой, экс-партнёры Виктора Януковича после этого откровения «Киберберкута» были полностью лишены права на реабилитацию,

а самые информированные из них скончались «сами по себе».

«Лебединой песней» Валентина Наливайченко, пытавшегося выстроить новую партийную структуру, но потерявшего должность, стала публикация сведений об офшорных компаниях, связанных с окружением президента Петра Порошенко, — за пять дней до эксцесса с бомбой у Верховной рады. После годичного перерыва старая заокеанская «верёвочка» задёргалась снова — что характерно, как раз в период, когда услуги Джона Бреннана, в первую очередь его связи в монархиях Персидского залива, вновь оказались остро востребованы в Белом доме.

ЕВРОПА: А ПОЧЕМУ ИМЕННО СЕЙЧАС?

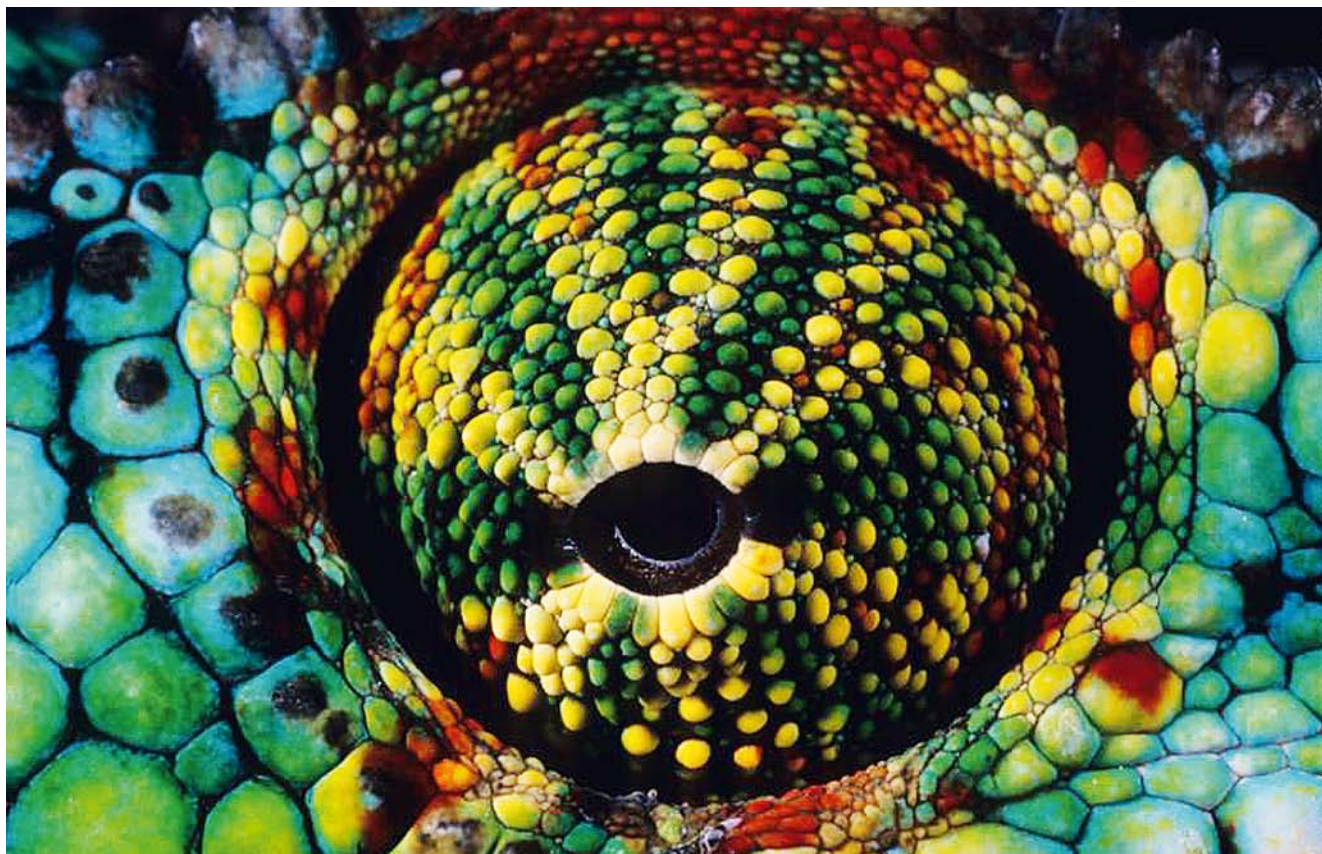
То, что украинские кланы получают поддержку из конкурирующих кабинетов в Вашингтоне, не является секретом как минимум с того момента, когда в YouTube была распространена запись беседы помощника госсе-

кретаря Виктории Нуланд с послом Джефри Пайеттом, коему назидательно разъяснялось, что опорная фигура в Киеве — это «Яц», а вовсе не «Клич». Подобные диалоги, отражающие американские «тёрки» и «разборки», происходят по поводу разных стран-мишеней. Причём разногласия характерны особенно для тех случаев, когда страна-мишень располагается на важном перекрёстке теневых потоков.

Один из отпрысков саудовского семейства в конце октября 2015 года был задержан в аэропорту Бейрута с грузом наркотиков. Ливан также был объектом «цветных» сценариев, последний стартовал в августе этого года, однако «затух», а вашингтонское недовольство местным правительством вдруг сменилось необыкновенным фавором: вопреки жёсткой экономии военных расходов (повлекшей даже преждевременный вывод авианосца «Гарри Трумэн» из Персидского залива) Ливан получил срочную финансовую оружейную поддержку. Внешним поводом была война

в Сирии, но что в действительности больше интересует американских опекунов — судьба их «умеренных» протеже или контроль, например, над долиной Бекаа, остаётся предметом умолчания. Франция, в сферу контроля которой входил Ливан после распада Османской империи, время от времени вбрасывает собственные сценарии в регионе, к которым в Вашингтоне разные группы — или, употребляя, наконец, более адекватный термин «кланы» — относятся неодинаково.

Так было с инициативой наземной операции в 2013 году, которую усердно «вентилировал» глава МИДа Лоран Фабиус. Предметом его особой опеки был опальный бригадный генерал Манаф Тласс, сын тихо скрывшегося во Франции весной 2011 года экс-министра обороны Сирии Мустафы Тласса. Тогда сценарий был снят с повестки дня после вмешательства России, но отказ Вашингтона от наземной операции созрел раньше — после того, как большинство парламента Великобритании отклонило операцию.

Во французской прессе писалось, что семейство Тласс, член которого торгует сахаром и «сопутствующими товарами», слишком тесно связано интересами с корпорацией Dassault, что и занервировало британскую сторону. Затем поступило уточнение: прежде чем лоббисты в Палате общин определились с позицией, своё возмущённое слово сказал гражданин Саудовской Аравии туркменского происхождения Аднан Хашогги, посредник в сделках с конкурирующей BAE Systems.

В свою очередь, британские официальные лица периодически засвечиваются в конфликтных эпизодах в регионе Балкан. Весной того же 2013 года вспыхнули и скоропостижно угасти волнения в Боснии. На поверхности были застарелые межконфессиональные распри. Местная пресса называла спонсора бунта: министра безопасности БиГ, строительного магната Фахрудина Радончича. В Боснии он имеет репутацию младшего партнёра одного из крупнейших наркоторговцев в бывшей Югославии — косовара Насера Кельменди. А на уровне европейского чиновничества симпатии к данной стороне конфликта проявила тогдашняя глава внешней политики ЕС леди Кэтрин Эштон.

Весной этого года через британское посольство подстёгивалась попытка смены власти в Македонии, где триггером протеста стала «зачистка» полицейскими албанской вооружённой группировки в городе Куманово. Накануне этого инцидента слухи о перевороте бродили и в Косово, где был раскрыт план нападения бывшего отряда ветеранов КОА на местную тюрьму. Действительно, план ротации элит распространялся и на мусульман: одновременно распространялся имущественный компромат на муфтия Македонии; ему напоминали, что он не прошёл люстрацию в 1990-х (эта процедура в регионе распространялась и на духовенство). Поверхностная версия о связи волнений с российским проектом «Турецкого потока» никак не объясняла ни «наезд» на муфтия, ни косовский сюжет. Зато репутация

города Куманово в бывшей Югославии — примерно такая же, как репутация Одессы на Украине: здесь пересекаются потоки как героинового, так и кокаинового импорта и дистрибуции.

Сегодняшний миграционный вал в Европе у ряда зарубежных авторов вызывает впечатление реализации загодя продуманного сценария. «А почему именно сейчас? — спрашивает израильский публицист Владимир Бейдер. — Гражданская война в Сирии идёт четыре года. В Ливии — столько же. ИГИЛ своё наступление начало два года назад. Ничем положение населения охваченных войной регионов не ухудшилось в последнее время. Всё самое страшное: вроде химического оружия и ковровых бомбежек городов, — шокировало раньше. Почему они побежали именно сейчас? И знали, куда бежать. И знали, как бежать, — маршрут, перевалочные пункты, транспортную структуру, тарифы. И как себя вести, когда на пути встают кордоны полиции. Сами пришли. Одновременно встали по наитию, побежали и добежали: «Здравствуй, незнакомая страна!»?» Если вы верите, что так бывает, вспомните, как последний раз собирали на загородный пикник разношёрстную компанию. И многие беженцы не скрывают, что оплатили свой вояж, называют суммы... Если это бизнес, то, получается, существует некий преступный синдикат. Он продаёт то, что ему не принадлежит и что оплачивать будут европейские налогоплательщики. Я верю в возможности европейских разведок. Им наверняка известно, кто стоит у истоков беженского потока и заводит его механизм. Кадры с трупиком курдского ребенка увидел весь мир. А если бы в то же утро показали фото того упыря, который погнал волну беглецов через море? Почему нельзя? Мне объясняли профессиональные разведчики, в каких случаях они обнародуют сведения. Всего в трёх: 1) когда это нужно им самим в оперативных целях; 2) в целях дезинформации; 3) когда этого требует политическое руководство для своих целей. Так что информации

об истинных организаторах великого переселения нам не дожидаться. По крайней мере, от замечательной германской разведки.

Имена «упырей» — контрабандистов действительно являются фигурой умолчания. Впрочем, некоторые энтузиасты открытия настёжь европейских границ обозначились до появления в сетях фото мальчика Айлана Курди. Одним из таких энтузиастов был французский гуманитарий Бернар-Анри Леви, которому его соотечественники уместно напомнили о его собственном вкладе в ливийский кризис. В самом деле руководство Франции решило поддержать военное свержение Муаммара Каддафи только после того, как господин Леви привез в Париж группу перспективных «демократов». Леви почтительно именовал их «ливийскими Масудами» — в честь Ахмада Шаха Масуда, которому в своё время патетически симпатизировал. Как и предводителю «боснийской весны» Алие Изетбеговичу в 1992 году. Ближайший коллега господина Леви по парижскому клубу «новых философов», Андре Глюксман, получил из рук Аслана Масхадова орден «Героя Ичкерии» одновременно с Сергеем Ковалевым. Его невестка Эка Згуладзе-Глюксман руководит ныне реформой украинской полиции рука об руку с Давидом Сакварелидзе, соответственно курирующим реформу прокуратуры. Предлогом для старта ротации в этом ведомстве стал донос на двух заместителей генпрокурора Украины, написанный «специалистом» по драгоценным камням Вячеславом Константиновским. Этот персонаж давал показания в американском ФБР по делу Семёна Могилевича, а на его украинской биографии «штампа негде ставить».

После скандала с попыткой организации переворота в Грузии к тёмным связям Михаила Саакашвили, позиционировавшегося как «гроза воров в законе», явно возникнут вопросы. И, возможно, также к деятелям Атлантического совета, прибывшим в Киев за день до «судьбоносного» назначения главы Одесской ОГА. Не по-

тому, что Саакашвили планировал заговор, а потому, что он «засветился». Американская пресса уже задавалась вопросом о происхождении средств, которые Саакашвили неумеренно тратил, проживая в Нью-Йорке. Доселе, впрочем, мейнстримной прессе не приходило в голову поинтересоваться происхождением состояния философа Леви (отец которого разорился), равно как и отчаянно кутящего по американским казино сына Лорана Фабиуса (куда больше «музузили» Николя Саркози за введение в заблуждение старушки Бетанкур).

Нельзя сказать, что западные олигархи не попадают под суд, а чиновники не подвергаются скандальным разоблачениям. Предметом интереса американских следователей в конце апреля этого года стал один из самых состоятельных людей в США — игорный магнат Шелдон Адельсон. Ранее этот олигарх, ведущий спонсор как американских неоконсерваторов (Ньют Гингрич в 2012-м, Марко Рубио в текущей кампании), равно как и израильского «Ликуда», слыл столь статусной фигурой, что утверждалось даже, что «праймериз Адельсона» в его лас-вегасском офисе важнее, чем официальные первичные выборы республиканского номинанта. Но когда магнат бросил вызов иранской сделке, калифорнийские НПО, при медиаподдержке лондонской Guardian, инициировали серию публикаций о связях топ-менеджмента его казино в Макао одновременно с китайскими «триадами» и мексиканскими наркокартелями — после чего рейтинг Рубио, также не чуждого мексиканским теневикам, «автоматически» рухнул.

Этим не закончилось. 11 сентября (какая дата!), в день голосования в Конгрессе по иранской сделке, на сайте Foreign Policy было вывешено беспрецедентное разоблачение Американо-израильского комитета по общественным связям (AIPAC) с упоминанием элитных клубов и подставных НПО, через которые осуществляется давление на депутатов Конгресса, и ссылкой на Закон об иностранных агентах (FARA).

Как и в случае с потоком беженцев по наитию и «вирусном» использовании фото с мальчиком, здесь уместен вопрос: а что, неужели раньше лоббистская деятельность AIPAC не была видна без очков? Была, разумеется, — но не было крупного конкурентного интереса. Автор текста на Foreign Policy — политдиректор Центра общественной честности (CPI), финансируемого Джорджем Соросом. Его Open Society Foundations по некоей причине встал горой за иранскую сделку, что не может не вызывать вопросы о мотивах заинтересованности. В том числе — и в контексте теневой экономики, учитывая достаточно известную принадлежность «благотворителя» и «могильщика валют» к легализационному лобби. И не обязательно отслеживать редко афишируемый плавный переход американо-иранского дипломатического формата в американо-ирано-афганский, чтобы догадаться по географической карте, насколько привлекательным для теневых воротил может показаться наркотранзит не по хлопотным южным и северным маршрутам, а напрямую через иранскую территорию. Любопытно, что предметом предыдущего «наезда» CPI были элиты Азербайджана.

Почему удар пришелся по Парижу? Мы вряд ли ответим на этот вопрос, оперируя только статистикой мусульманской диаспоры. Считать ли случайностью тот факт, что ровно накануне евробюрократия напрямую договаривалась с Африканским союзом о мерах против поставщиков «живого товара»? Считать ли случайностью преддверие встречи по Сирии и формирующегося консенсуса дееспособных держав перед саммитом G20?

БРАТ ПОДСИЖИВАЕТ БРАТА

Подход официального Вашингтона к наркобизнесу впечатляет не только непоследовательностью, но и откровенной выборочностью. В исполнительном акте Барака Обамы от ноября 2011 года, которым вводились санкции в отношении любых лиц,

замеченных в контактах с оргпреступностью, из четырех общеизвестных итальянских преступных сообществ фигурировали только два; из мексиканских наркокартелей также были отобраны только два. Еще любопытнее была облава на нью-йоркские итальянские семейные кланы в январе 2011 года, за неделю до старта Арабской весны: под ударом оказались все крупные семьи, кроме семьи Бонанно, представитель которой и давал показания на конкурентов. Между тем именно семейство Бонанно специализировалось на транзите через Тунис, оказавшимся первым в календаре Арабской весны. Избирательная тактика весной этого года была применена в Израиле, где с подачи калифорнийских прокуроров стартовало расследование серии покушений, совершенных членами и партнерами семейства Абарджиль — крупного поставщика «экстази» в США. Жертвами вмененных преступлений было не менее известное у местных криминалогов (см., например, книгу Петра Люкимсона «Однажды в Израиле») семейство Абутбуль. Одни «короли» удаляются с теневой доски в интересах других.

Неустанная озабоченность Вашингтона адресуется также Африке. Несколько лет подряд ведомства упорно и безуспешно боролись то с сомалийскими пиратами, то с «Армией Господа» в Кении, то с «Аш-Шабаб», то с теневиками Республики Конго по доносам правительства Руанды. С тем различием, что в Африке выборочный подход касался не только наркобизнеса, но и отдельных видов добычи минералов. И не столько пресловутых «кровавых алмазов», сколько колумбита-танталита (колтана) — незаменимого сырья в производстве мобильных телефонов. Одним из главных условий успеха суррогатных революций является дешевизна средств общения. Эта дешевизна и оплачивается трудом на копиях в восточных районах ДРК (бывший Заир) и Эфиопии. Непосредственной поддержкой эфиопской диктатуры, обеспечивающей эту дешевизну, была

искромётная Саманта Пауэр, ныне посол США в ООН. Поэтому, когда Бернар-Анри Леви изобличал российскую пропаганду во «лжи» о том, что проблема беженцев создаётся США: мол, бегут-то не только из Сирии, но и из Эфиопии, где революции американцы не делали! — он уличил самого себя. Ему ли не знать, что условия для рабского труда эффективнее всего создаются свирепыми колониальными диктатурами?!

Вплоть до лета прошлого года популярные в западной левой публицистике теории о связи «цветных революций» с углеводородными интересами расходились с реальностью: ни в Ираке, ни в Ливии, ни ранее в регионах поддержки сепаратизма (от Ичкерии до Южного Судана) нефтяные корпорации не торопились самоутвердиться в хаосе, благо эта отрасль, особенно трубопроводные проекты и нефтехимия, от хаоса не выигрывала. В Ливии центрами «гражданских» конфликтов были не нефтяные, а контейнерные порты. Мохтар Бенмохтар, подготовивший налёт на объект ВР в Алжире, имел репутацию не нефтяного, а кокаинового транзитёра. Появление ИГИЛ внесло новизну в эту конъюнктуру: рабский труд на нефтяных полях Ирака и Сирии позволяет играть на этом рынке теми же точно методами, что и на рынках героина и колтана, то есть минимизировать затраты на производство за счёт рабского труда. Но при этом доля доходов, извлекаемых ИГИЛ из продажи нефти, по оценке Middle East Forum, не достигает 28%.

Популист Дональд Трамп в начале октября разразился ностальгией по Саддаму и Муаммару, а также оправдал российскую поддержку Башара Асада. Он говорил устами того сектора в США, который представляют братья-нефтехимики Чарльз и Дэвид Кох; у них Трамп позаимствовал и свою команду политтехнологов во главе с мастером эпатажа Кори Левандовским. Но при самых талантливых лоббистских стараниях своей цели — повышения цен на нефть

до уровня, оправдывающего затраты на сланцевое бурение, — эта элитная группа не достигает, поскольку не она правит бал в мире, где неумолчным идеологическим припевом является миф о глобальном потеплении и, «соответственно», о вреде традиционных углеводородов.

Лейтмотив идеи экологической катастрофы состоит в императиве ограничения прироста населения. Самое эффективное средство для этой цели — не идеологические средства (запугивание), а физические. Поскольку самые эффективные средства ухода от реальности сиречь самые эффективные средства деградации личности и прекращения рода. И в плане закономерно, что постиндустриальному мироустройству идеологически, и геостратегически, и практически больше соответствует та модель, в которой на одном конце экономической пирамиды создаются условия для минимально возможных затрат производства средств ухода от реальности, а на другом извлекается максимальная прибыль от их реализации.

Распад «вашингтонского консенсуса», который констатировал в 2011 году опальный глава МВФ Доминик Стросс-Кан, наступил по той причине, что воплощение в жизнь постиндустриальной парадигмы делало его неизбежным. «Вашингтонский консенсус» вводил неравенство стран и производителей, помещая зависимые страны в крепостническую зависимость от МВФ. Логика обратного развития от феодальных отношений ведёт к рабовладельческому. Это уже не клановая, а классовая логика, поскольку «возвращение в тёмное Средневековье», о котором не зря предупреждали редкие и вытесняемые из мейнстримной политики последователи классических гуманистов, — это смена общественно-экономической формации.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТЕНЕВОГО ТРУДА

Пресловутая сусловская «лакировка», баюкавшая умы не только рядовых граждан СССР или членов КПСС, но и высшей номенклатуры, препятствовала осознанию совет-

ским обществом подспудной классовой трансформации как в мире, так и в своей стране. Демагогия на тему о превращении науки в самостоятельную производительную силу, о конвергенции социализма и государственно-монополистического капитализма служила ширмой колониального мышления будущих «прорабов перестройки», вовлечённых в Римский клуб и многочисленные дочерние образования. Смысловое содержание мизантропического постиндустриального консенсуса в сухом остатке сводилось к сокращению народонаселения ради бегства от вымышленного истощения ресурсов; лучшим средством для подобной задачи, помимо напалма, являются средства ухода от действительности, и в одном флаконе — средства выживания.

Бенефициары — теневые классы были фигурой умолчания по обе стороны океана. Об их ресурсной базе успел сказать только Чингиз Айтматов в романе «Плаха», но его трагическая

нота вместе с образом комсомольца, ставшего православным, заглохла в эйфории разоблачений номенклатуры. Под сурдинку Гдьяна и Иванова, чернобыльских плакальщиков и ликвидаторов проекта поворота рек теневые классы воспользовались кооперативной реформой и всплыли на поверхность. При Гайдаре «тьма» вышла на свет, явочным порядком присвоив и приумножив статусные, материальные и инструментальные атрибуты административных элит.

Классовый аспект «открытия общества» западными криминологами расценивался по-разному: одни авторы 1990-х годов писали о наступлении западной «тени» на Восток, другие — наоборот, о вторжении русской мафии на Запад. Хотя вторая позиция стала мейнстримной, некоторые её апологеты впоследствии опровергли сами себя: так, Юрген Рот, начав с «Красной мафии», стал затем ставить неудобные вопросы перед евробюрократией об экспансии косовских кланов в Гамбург и странной прозрачности

германо-швейцарской границы. Призывы криминолога Рота не торопиться с расширением ЕС так же канули в пустоту, как айтматовский роман в СССР, — даже сейчас, на фоне миграционного шока, о них не вспоминают.

Сегодняшняя европейская лакировка тоталитарнее советской, и это имеет классовое объяснение: владельцы европейских медиахолдингов, имеющие второй бизнес в гемблинге (как семейство Яр) либо в табачной индустрии (как семейство Реетсма), не мыслят в терминах европейской идентичности; они ничего не потеряют от заключения Трансатлантического партнёрства; их не подвергают конфискационному прессингу, как Volkswagen или Deutsche Bank. Пространство зачищено настолько, что даже осмысление этих последних конфискаций табуировано; менеджмент евробизнеса мечется в том же концептуальном вакууме, что и искусственно прореженный политический класс; хотя сам этот класс пребывает в тихом ужасе от мысли о евроинте-

грации Украины, прослойка наёмных агитаторов, кормясь из резервов НПО, от имени Европы продолжает обучать киевлян реформаторской псевдонауке, закрепляя рабскую психологию местных «гдлянчиков» примитивной социальной завистью через программу «Схемы» («Радио Свобода») и «Наши Гроши» (Open Society Foundations) — так же, как это делала Арабская весна в Магрибе, а ранее — война племени хуту против племени тутси в Руанде.

Американский политический класс, вроде бы «командующий парадом», в итоге «судьбоносных» решений Верховного суда 2010 года отдан на откуп мегадонорам политкампаний. Кто ужинает клиента, тот его и танцует. Внешнеполитические решения Вашингтона, Брюсселя и НАТО навязчиво упираются в Афганистан. Даже формирование состава Еврокомиссии было приторможено до того момента, как на Уэльском саммите НАТО были распределены зоны ответственности в опиумном центре Евразии. Ни с кем из национальных лидеров президент США не проводит больше времени, чем с первыми лицами Афганистана. Но при этом даже для профессионалов из военных ведомств захват Кундуза «Талибаном» становится таким же сюрпризом, как «племенная» стычка в Закарпатье. А может ли быть иначе, если самые престижные интеллектуальные центры производят на свет мифологию о самовоспроизводимой новой стоимости в IT-секторе, о революционной роли вооружения (empowerment) гендерных меньшинств компьютерными навыками, о связи волнений в арабском мире с изменениями климата? Может ли быть иначе, если под эту сурдинку даже голосование в парламентах диктуется не Дэвидом Кэмероном или Франсуа Олландом, а Аднаном Хашогги и Манафом Тласом? А что являет собой пресловутая «непоследовательность» Белого дома последних лет: от внешнеполитических решений до кадровых перемещений, — как не метания между неформальными конгломератами, включающими публичных глав ве-

домств и их теневое охвостье? В криминологии к таким конгломератам иногда применяют определение «метакоррупция», которое не является общепринятым, но хотя бы заполняет вакуум понятийного аппарата.

Заполнение лакун понятийного аппарата политических наук не обязательно начинать с классовой теории, однако в этой области точки над «i», как представляется, должны быть расставлены. Причём российской общественной науке это сделать проще — если, не «выплескивая ребенка вместе с водой», применить базовые достижения политэкономии русского коммунизма. Хотя бы определение классов В.И. Ленина, включающее имущественный, статусный и инструментальный (способ присвоения) критерии класса: оно применимо к описанию и постсоветской, и мировой «тени».

Можно ли говорить о существовании системы знаковой самоидентификации профессионального криминалитета в нашей стране и в мире? Несомненно, и именно в постиндустриальную эру он совершенствуется и приумножается, от графического языка татуировок до вербальных формул эпитафий на внушительных надгробьях. Можно ли говорить о наличии системы стимулов социального лифта в рамках криминальных иерархий, о разделении труда в одном слое иерархии (воровского ремесла, рэкета, теневого производства и сбыта)? Несомненно. Можно ли говорить о классовой литературе и классовом кинематографе, о классовой юриспруденции, классовой заказной (рекламной и антирекламной) публицистике и аппарате обслуживания всех уровней иерархии? Несомненно. То, что приглушено в России, пыльным цветом цветёт в Восточной Европе, а в США — сохраняется как образцы для подражания. Если американский президент выбирает музыку из «Крёстного отца» в качестве рингтона своего мобильного телефона, то месседжи его официальных речей столь же уместно рассматривать через эту призму, как и его исполнительные

акты, равнозначные по стилю паханскому произволу: сегодня подарю привилегии «Ндрангете», а завтра отниму (как случилось в 2010 году, когда австрийское расследование дошло до Италии, а из Италии — до Киргизии с революционными последствиями) и отдам, предположим, каморре...

Если этот слой элиты наживает-ся как класс, тратит как класс, украшает себя как класс, поёт и танцует как класс, создаёт пропагандистские лакировочные ширмы как класс, — почему же не назвать это классом? Точнее, как уже было сказано, — классами, поскольку различаются воровское присвоение, бандитское (шантажное) присвоение и производственный менеджмент в теневых отраслях — а как ещё назвать управление нарколабораторией или отмывочным игорным заведением в десять этажей, градообразующим предприятием на тайландском курорте или в бывшем индустриальном центре, от Детройта до Балтимора?

Способы карьерного продвижения в этой сфере также сопоставимы с таковыми в «легальных» классах. А.В. Метелев в своём информативном историко-прикладном пособии «Криминальная субкультура» воскресил как вышедшие из употребления самоназвания статусных слоёв воровской иерархии (иваны-храпыжиганы-шпанка), так и криминальных ремёсел, в которых в XIX веке смешались славянские и еврейские словообразования (забирохи, марвихеры, оказистые, стряпчие, малинщики, базманщики, хипесники и др.). В каждом из ремёсел возможно самоутверждение за счёт профессионализма — не каждый базманщик изготовит доллар или вексель Bank of New York, неотличимый от подлинного, не любая хавра изобретёт биткойн; не любой марвихер высосет миллиард из госбанка даже в такой марвихерной псевдонации, как Молдова. В свою очередь, чтобы доказать в суде легитимность существования биткойна или его аналога, требуются «стряпчие» высокой квалификации. Как и для проталкивания через палату

представителей штата законы о легализации марихуаны — в чём американские стряпчие неуклонно преуспевают. В языке XIX века был подходящий термин и для Бернара Анри Леви — вполне благообразное слово «фаворит».

«Стряпчие» постиндустриальной эры не только обслуживают клиентов в судебных инстанциях. Они формируют надстройку общественно-экономической формации, в которой доминирует «чёрная экономика». Теорию хаоса, выращенную из математической концепции сложных систем, внесла в политический язык прослойка, в нынешнем воровском сообществе презрительно именуемая «официантами». По существу, в идеологическую «обслужу» криминальных классов входят — вольно или невольно — все теоретики постиндустриализма, все провозвестники «информационной эры», апологеты «общества потребления», энтузиасты «гендерного равенства», алармисты «пределов роста» и «озоновой катастрофы» и производной от неё фобии «климатической миграции». Ибо все эти разномастные философские направления имеют в основе одни и те же пункты «гуманистических манифестов», подменяющих заповеди Священного Писания ровно противоположностью. Философия, в которой право на жизнь заменено правом на суицид и эвтаназию, по духу и букве предназначена для оправдания самоуничтожения.

«Глобальная комиссия по наркотической политике» (GCDP), предъявившая ООН свои легализационные манифесты в год Арабской весны, представляет уже не точку зрения «абстрактных гуманистов», а классовую позицию; один из стряпчих-подписантов лично консультировал в 1992 году госсекретаря РФ Бурбулиса по части легализации теневых состояний; пересечения членства в GCDP с другими элитными клубами и институтами посредничества и «миротворчества» в конфликтных зонах выдают точки пересечения интересов «базиса» и «надстройки». Какой класс

является правящим в несостоятельных государствах, каковыми, по строгим критериям, сегодня являются более сотни стран мира? Как сорная трава заполняет запущенное поле, так и дикая социальная среда прорастает сквозь рукотворные дыры в мировой этике. Если идея земного рая, достигаемая отделением зёрен от плевел, замещается апологетикой природной дикости, то практическое воплощение постиндустриализма, манифестируя утрированной свободой (анархией), при ближайшем рассмотрении представляет собой агрессию сорного племени с вытеснением всего остального. Рэкетир Мустафа Джемилев — прямой ученик «гуманиста-конвергента» Андрея Сахарова; дружественный ему телеканал ATR воспевал анархо-гомосексуальный бунт в Стамбуле.

КТО ВЫМЕТЕТ СОРНУЮ ТРАВУ?

Каждая из стран-мишеней, заражённая сорным семенем, следует единой модели деградации. Марвихеры начинают шествие во власть с гевалта на Майдане, затем осёдлывают структуры и наводят там гармидер. В итоге псевдонация идёт в тухес. Так называемое возрождение украинской нации скрупулёзно следует постиндустриальным правилам игры: публично, в виде украшения, сначала Радой, а теперь и правительством руководит Владимир Гройсман, фактически — «решальщик» Михаил Бейлин. Публично патриотической Радикальной партией руководит бузотёр Ляшко, фактически — внеидеологичный Сергей Левочкин. Самая авторитетная газета «Зеркало недели» славословит одессита Аркадия Пресмана (партнёра братьев Константиновских) и пропагандирует «дерегуляцию» таможен с искоренением ненужных проверок; чем выше статус антикоррупциониста, тем круче у него иномарка; чем дальше продвигается децентрализация, тем детройтнее становится Днепропетровск.

Российская «мягкая власть», чтобы быть эффективной, не должна сво-

диться к простым идеологическим обличениям. Представляется более важным простое информирование угнетённого большинства украинского народа о той судьбе, которая грозит в равной степени ему и прочим народам несостоятельных государств (от пустынного Сомали до курортной Черногории). А также, через головы колониального чиновничества, — сохранение связей с вменяемыми людьми в сфере безопасности.

Эмоциональные дискуссии вокруг Украины в отечественных СМИ уместно было бы заменить спокойной иронической хроникой, не требующей домыслов и гипербол. Разве что для корректности картины почаще называть имена реальных предводителей «марша в тухес» и воспроизводить цитаты из продукции Рады и кабмина с выделением избранных мест. Во всяком случае, критическая масса аудитории, ужасающейся происходящим, так сформируется там скорее, что нам небезразлично — как-никак соседняя страна, и не за забором, ибо марвихеры уже «освоили» средства на забор. Не надо ни лакировок, ни антилакировок: реальность страшнее.

Но эта пропагандистская задача второстепенна, поскольку забирокси, марвихеры и стряпчие высшего масштаба обитают не в Киеве. И пресловутое «сращивание власти и бизнеса», в котором Вашингтон стереотипно обвиняет все «страны-мишени», характернее всего как раз для Соединённых Штатов, а главный из двойных стандартов и состоит в сваливании своего порока на чужие головы — особенно на те, которые проще стричь. Сегодня от вашингтонских забирок — в том числе от экологического отдела конфискационного аппарата, сиречь Агентства по охране окружающей среды (EPA), трещат уже не украинские чубы, а британские и германские. При этом чем меньше Белый дом контролирует американские кланы, тем больше аппетитов у «конфискаторов». Что отнюдь не идёт впрок ни производителям, ни потребителям Америки. И наши пропагандист-

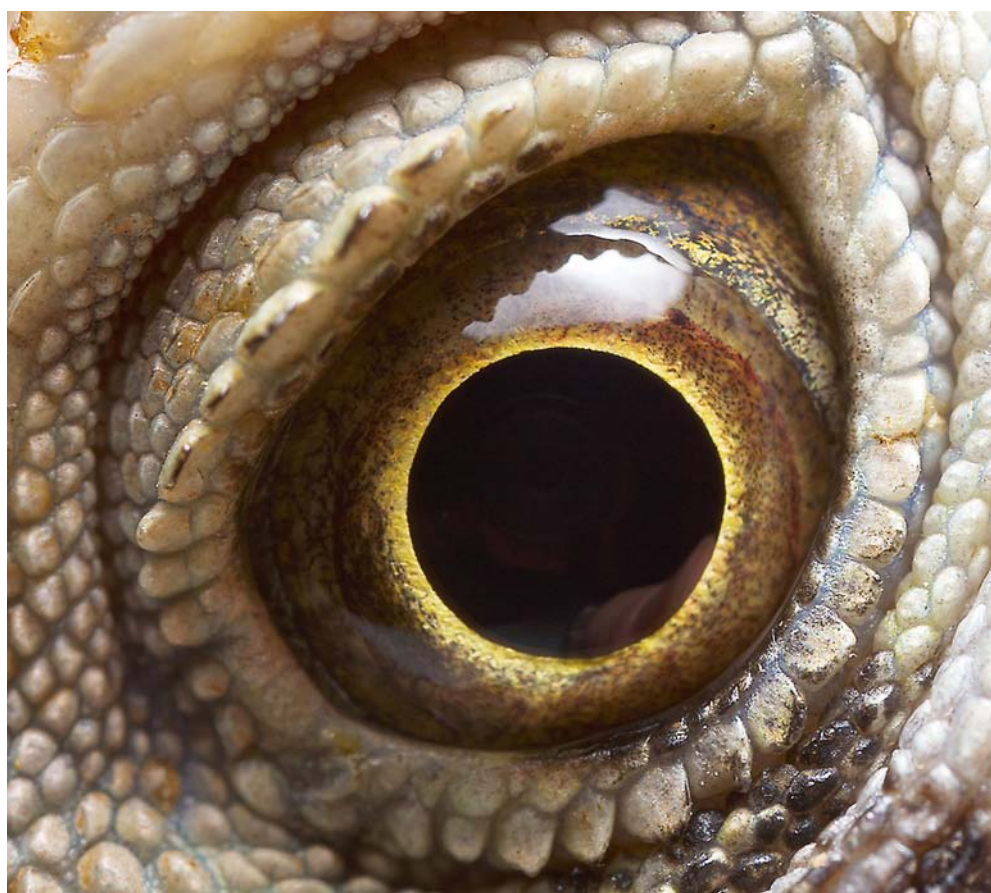

ские меседжи нам впору адресовать не только собратям по санкционному произволу, но и куда более широкому кругу, в том числе и американскому. Помнится, в перестройку была закрыта, ввиду ставшего двусмысленным названия, газета «Советский цирк». Для пропагандистского цикла «Американский цирк» есть множество сюжетов: начиная от споров между американскими ведомствами о том, сколько всё-таки в Сирии «правильных» умеренных оппозиционеров, до истории с оживлением и скоропостижным обратным умерщвлением афганского муллы Омара.

Впрочем, и это не главное. В предельной форме вопрос, стоящий перед нами, заключается в другом: может ли наша страна, избежавшая судьбы Украины, стать исключением из общемирового постиндустриального тренда? Со свойственным русской натуре самобичеванием мы говорили недавно, что у нас произошла криминальная революция. Она не у нас произошла, а во всём мире. Нас так же, как и все остальные нации, пытались затащить в эту парадигму самопоедания. Мы её отвергаем, коль скоро хотим быть самостоятельным полюсом силы. И у нас — редкий случай в сегодняшнем мире — есть не только запас политической прочности, позволяющий наводить порядок у себя дома, но и некоторые другие основания для оптимизма.

Во-первых, мы живём в большой стране, и, в отличие от малых стран (Италия, Япония), семейный характер криминального классообразования у нас не принят; удачливые бизнесмены, начинавшие с рэкета, чаще предпочитают, чтобы дети не повторяли их путь.

Во-вторых, мы живём в холодной стране с богатствами под землей, и сама необходимость усилия не позволяет умереть трудовой этике: если иные популяции могут допостиндустриализироваться до ходьбы на четвереньках, то мы на таком пути выйдем раньше, чем обростём шерстью. Сама природа приговаривает нас остаться прямоходящими, а родовая

память — походить на воинов и строителей, а не на жевателей жвачки.

Наконец, отечественное криминальное сословие не кажется неисправимым. В жизни каждой империи были свои сэры Фрэнсисы Дрейки и первопроходцы Ермаки. Только для этого нужно быть империей.

Предметом непримиримого спора Ленина и Бакунина было определение революционного класса: пролетариат (по Ленину) или криминалитет (по Бакунину). История расставила точки над «i» в Великую Отечественную войну, когда силой, определившей миропорядок на десятилетия, стало воинское сословие. Оно было унижено, дискредитировано, разхищено, раздроблено в 1990-е годы — но память и честь сохранило и вернулось на сцену в наши дни не только с физическим, но и с ценностным оружием. Ценностный критерий класса, не учтённый философами-атеистами, заговорил во весь голос, когда от Крыма до Алеппо имперская миссия, точно по Достоевскому,

стала очищать воздух от лжи и трусости. Сила, оснащённая историческими смыслами и родовой честью, противопоставлена не только злу, непосредственно составляющему мишень нашего оружия, но всему нагромождению подмен понятий и двойных стандартов.

«Добро с кулаками» — двигатель антиэнтропии. Если (наконец) открыть ему снова дорогу в среднюю школу, если преподаватель НВП станет магнитом для формирующейся детской души, то остальное: спорт, информатика, история, иная, русская и мировая литература, точные науки, да и духовное обучение, — выстроится в стройную систему, связанную взаимно перетекающими и мобилизующими смыслами. Тогда среда воспитания личности, соединив ценности силы, веры, знания и мастерства, изменит качество, расправится, как крона молодого дерева, которое гнули и не согнули, и будет производить цвет нации, на корню избавляя её от сорных ростков.

/ Михаил ДЕЛЯГИН /

Почему либералы убивают свои народы

ИДЕОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕДАТЕЛЕЙ

Элитой общества с управленческой точки зрения является его часть, участвующая в принятии и реализации важных для него решений или являющаяся примером для массового подражания.

Подобно тому, как государство является мозгом и руками общества, элита служит его центральной нервной системой, отбирающей побудительные импульсы, заглушающей при этом одни и усиливающей другие, концентрирующей их и передающей соответствующим группам социальных мышц.

В долгосрочном плане главным фактором конкурентоспособности общества становятся его мотивация и воля, воплощаемые элитой.

Предательство ею национальных интересов фатально: в глобальной конкуренции его можно сравнить лишь с изменой, совершаемой командованием воюющей армии в полном составе.

Строго говоря, этот феномен не нов. Один из ярчайших (и при этом относительно недавних) его примеров дала царская охранка, поддерживавшая организованное революционное движение в России ради расширения своего влияния и финансирования. Она ничуть не в меньшей степени, чем японская армия, немецкий генштаб и американские банкиры, раздувала революционный костёр, вышедший из-под её контроля и спаливший всё тогдашнее общество.

Ближе к нашим дням пример действия национальной элиты против своей страны даёт опыт Японии конца 80-х — начала 90-х годов. Тогда в мире было два «финансовых пузыря»: в Японии и США, — один из них надо было «прокалывать», и именно японская элита приняла решения, приведшие к «проколу» японского, а не американского «пузыря», от чего японская экономика толком не оправилась и по сей день.

Причина — не только глубочайшая интеллектуальная зависимость от США, но и глубина проникновения японских капиталов в американскую экономику. Освоив американский рынок, японские корпорации справедливо считали ключевым фактором своего успеха процветание не Японии, а именно США, на рынок которых они работали, получая за это мировую резервную валюту.

Не менее масштабный и шокирующий пример противодействия национальной элиты, находящейся под внешним воздействием, интересам своего общества дала война США и их сателлитов против Югославии.

Её стратегической целью, как и целью всей американской политики на Балканах с 1990 года, представляется подрыв экономики Евросоюза, стратегического конкурента США, превращение руин некогда процветающей Югославии в незаживающую рану на теле Европы. В частности, агрессия 1999 года, насколько можно судить, была направлена на подрыв евро как потенциального конкурента доллару.

Тогда европейские лидеры подержали США, несмотря на резкий протест не только европейской общественности, но и среднего звена их собственных политических структур. Повестка дня для Европы после Второй мировой всегда формировалась под интеллектуальным влиянием США, и привычка к этому превратила тогдашних руководителей Европы в могильщиков её стратегических перспектив. Из-за войны евро рухнул почти на четверть, лишился возможности «бросить вызов» доллару, а европейская экономика окончательно стала простым дополнением американской.

Это же качество европейской элиты проявилось и после 11 сентября 2001 года, когда Европа, спасая доллар, показала, что рассматривает американскую экономику не как конкурента, а как структурообразующего лидера мирового порядка, в котором исчезла сама идея «европейства». Формирование созна-

ния европейской элиты американцами примирило Европу с положением, при котором в то самое время, когда падение евро оказывалось для американцев маленьким конкурентным удовольствием, симметричное падение доллара представлялось перепуганным европейцам концом света.

Еще более яркий пример предательства национальных интересов — «казус Милошевича»: ключевой причиной парадоксального и катастрофического «непротivления злу насилем», за которое он заплатил в том числе и собственной жизнью, представляется вероятное размещение материальных активов его окружения в странах-агрессорах и в их валютах. Ответные удары Югославии, на которые она была вполне способна, попросту обесценили бы их.

Перечень подобных примеров можно приводить бесконечно — и, чем ближе к нынешнему дню, тем чаще с ними приходится сталкиваться.

В своё время Горбачёв дал нестерпимо соблазнительный пример того, что сотрудничество с Западом против своей страны обеспечивает личное благополучие и полную безнаказанность. Однако последние полтора десятилетия показали: ситуация изменилась. Лишившиеся власти лидеры: от Пиночета до Милошевича, — идут под суд или прямо на тот свет, а сдавшим своего руководителя в руки «мирового сообщества» приближённым вместо всех земных благ публично отрывают головы (как это было с окружением Саддама Хусейна).

Но круг представителей элит, убеждаемых этими трагедиями, по-прежнему поразительно узок.

Почему?

Почему элиты незападных стран, как лемминги к краю пропасти, бегут на Запад?

ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК СМЫСЛ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Самый простой ответ, лежащий на поверхности, — перерождение элит в силу торжества рыночных

отношений и, соответственно, рыночных идеалов.

Практический критерий патристичности элиты прост до примитивизма: размещение её активов. Вне зависимости от мотивов отдельных своих членов, как целое элита обречена действовать в интересах именно собственных активов (материальных или символических: влияния, статуса и репутации в значимых для неё системах, информации и так далее). Если критическая часть этих активов (которую члены элиты не могут позволить себе потерять) контролируется конкурентами этого общества, элита поневоле служит их интересам, становясь коллективным предателем.

Отсюда, в частности, следует обречённость исламского вызова, лидеры которого хранят средства в валютах своих стратегических конкурентов и потому не могут последовательно противодействовать последним.

Отсюда вытекает и ограниченная адекватность риторики о «поднятии с колен» в не упоминаемую позу, популярную среди отечественной «офшорной аристократии». Ведь эта часть российского управляющего класса по-прежнему, несмотря на развязанную против нас холодную войну, держит на «проклятом Западе» все свои активы, до семей включительно.

Логика представителей «офшорной аристократии» строга и по-своему безупречна: они служат личному потреблению (не важно, материальному или символическому), ощущая Россию как «трофейное пространство», вместе с населением подлежащее переработке в имущество, расположенное в фешенебельных странах, или же в пусть и временное, но ощутимое уважение со стороны представителей этих стран.

Солнце для них восходит на Западе, и они молятся этому чёрному солнцу наживы, уничтожая ради неё свои народы.

...Однако этот ответ при всей его актуальности даже не претендует на глубину.

Ведь рыночные отношения развиваются на протяжении столетий; почему же именно сейчас, когда деньги теряют значение, уступая ключевую роль в жизни развитых обществ технологиям, а стратегические решения всё более принимают нерыночный характер, — почему вдруг именно сейчас рыночные отношения начинают доминировать в сфере ценностей?

Почему людей, которые вслед за генералом Торрихосом не хотели входить не то что в собственный замок на Лазурном Берегу, но даже в историю, а стремились «всего лишь» в зону Панамского канала, в массовом порядке сменяют совершенно иные лидеры, рассматривающие свои страны как «трофейные пространства», а себя в роли наместников оккупационных армий?

Что ломает ценности элит?

ПРОТИВОСТОЯНИЕ КУЛЬТУР

Глобальная конкуренция ведётся прежде всего между цивилизациями — на основе их ценностей и вытекающего из них образа действия.

После поражения и уничтожения советской цивилизации наиболее предпочтительно положение Запада, чей образ действий — финансово-экономический — наиболее универсален. В отличие от идеологической, религиозной или тем более этнической экспансии финансовая экспансия сама по себе никого не отталкивает а priori, поэтому круг её потенциальных сторонников наиболее широк.

Конечно, ужесточение глобальной конкуренции, лишая многих возможностей успешно участвовать в экономической жизни, решительно сужает этот круг. Именно этим вызваны исламский и, отчасти, китайский вызовы Западу. Но принципиально ситуация пока не меняется: Запад остается носителем наиболее универсальных и общедоступных ценностей.

В силу своего образа действий проводником финансовой экспансии Запада в цивилизационной конку-

ренции объективно служит почти всякий участник рынка. Он может ненавидеть США, быть исламским фундаменталистом и даже финансировать террористов, но сам его образ действий объективно превращает его в проводника интересов и ценностей Запада. **Граница между сторонником и противником той или иной цивилизации пролегает не по убеждениям, а по образу жизни.** Финансист принадлежит незападной цивилизации, не когда он даёт деньги борцам с Западом, а лишь когда он отказывается от использования финансовых рынков и переходит к образу жизни представителя незападной цивилизации, то есть как финансист совершает социальное самоубийство.

Универсальность и комфортность западных ценностей особенно важны при анализе элит погружённых в неё стран.

Поскольку с началом глобализации конкуренция ведётся прежде всего в сфере формирования сознания, важнейшим фактором конкурентоспособности общества становится то, кто формирует сознание его элиты.

Дружба бывает между отдельными людьми и даже народами, а между странами и, тем более, государствами наблюдается только конкуренция. Формирование сознания элиты извне — слегка завуалированная форма колонизации, внешнего управления.

Система, находящаяся под таким внешним управлением, утрачивает адекватность (достаточно посмотреть на историю нашей страны с 1987 года): ценности, идеи, приоритеты элиты отвечают интересам его стратегических конкурентов и разрушают общество. Элита, сознание которой сформировано стратегическими конкурентами её страны, имеет к своей стране то же отношение, что охранник — к заключённым.

Но даже слабость или отсутствие внешнего управления не гарантируют ориентации элиты на национальные интересы. Ведь её члены в силу

своего положения располагают значительно большими возможностями, чем рядовые граждане. Глобализация, обостряя конкуренцию, разделяет относительно слаборазвитые общества, принося благо их элитам и проблемы — рядовым гражданам. С личной точки зрения членам элиты таких обществ естественно стремиться к либерализации, дающей им новые возможности, но подрывающей конкурентоспособность их стран и несущей неисчислимые беды их народам. При этом уровень конкуренции, необходимый представителям элиты просто для того, чтобы держать себя «в тонусе», может быть абсолютно непосилен для основной части их обществ.

В слаборазвитых обществах традиционная культура, усугублённая косностью бюрократии, отторгает инициативных, энергичных людей,

порождая в них обиду. А ведь именно такие люди и образуют элиту! Отправившись «искать по свету, где оскорблённому есть чувству уголок», они воспринимают в качестве образца для подражания развитые страны и пытаются «оздоровить» свою Родину механическим насаждением их реалий и ценностей. Подобное слепое культуртрегерство разрушительно в случае не только незрелости общества, его неготовности к внедряемым в него ценностям, но и их цивилизационной чуждости для него.

Даже войдя в элиту страны, инициативные люди не могут избавиться от чувства чужеродности, от ощущения своего отличия от большинства сограждан. Это также провоцирует враждебность активных членов элиты к своей Родине. «Умный человек не прав уже просто потому, что он

умный и поэтому думает не так, как большинство, и, соответственно, отторгается им». Такое отторжение элиты характерно для многих стран.

По мере распространения западных стандартов образования и переориентации части элиты, и особенно молодёжи незападных стран на западные ценности, это противоречие обостряется.

Прозападная молодёжь и прозападная часть элиты, стремясь к интеграции, к «простым человеческим благам», утрачивают собственные цивилизационные (не говоря уже о национальных) ценности и (часто незаметно для себя) начинают служить ценностям своих стратегических конкурентов (в России, например, они служат эффективности фирмы против эффективности общества, то есть конкуренции против справедливости).

В результате значительная часть образованного слоя, который является единственным носителем культуры и развития как такового, оказывается потерянной для страны, так как предъявляет непосильные для неё требования.

Ещё более важно то, что современное образование по самой своей природе включает западные стандарты культуры и представлений о цивилизованности, которые во многом несовместимы с обще-

ственной психологией, а во многом — с объективными потребностями развития незападных обществ.

Воспринимая в качестве идеала и своей цели источник этих стандартов (причём во многом существующих лишь в рекламе либо для богатейшей части соответствующих обществ), образованные слои неразвитых обществ начинают если и не прямо служить ему, то, как правило, соотносить с ним все свои дей-

Именно с этого начинается размытие системы ценностей, затем размывающее и общество. Без этого деликатного аспекта цивилизационной конкуренции нельзя понять широкое распространение активной и сознательной враждебности к собственной стране.

СМЕРТЬ ТРАДИЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Важной и обычно забываемой особенностью глобализации является коренное изменение характера деятельности человечества. Те же самые технологии, которые беспрецедентно упростили коммуникации, превратили в наиболее рентабельный из общедоступных видов бизнеса формирование человеческого сознания: как индивидуального, так и коллективного.

«Наиболее рентабельный из общедоступных» — значит, наиболее массовый: основным видом деятельности бизнеса вот уже скоро поколение является изменение сознания потенциальных потребителей. Забыты времена, когда товар приспособляли к их вкусу: гораздо рентабельней оказалось приспособить еду к пище, а не наоборот.

Между тем для формирования сознания общества нет нужды преобразовывать сознание всего населения — достаточно воздействовать лишь на его элиту. Усилия по формированию сознания, концентрируясь на сознании элиты, меняют его быстрее, чем сознание общества в целом, и оно начинает резко отличаться от сознания большинства.

Отрываясь от общества, элита не просто утрачивает эффективность, но и перестаёт выполнять свои функции, оправдывающие её существование. Подвергающаяся форсированной перестройке сознания элита мыслит по-другому, чем ведомое ею общество, исповедует иные ценности, по-другому воспринимает мир и иначе реагирует на него.

Это уничтожает сам смысл формальной демократии (и, в частности, лишает смысла её институты), так как идеи и представления, рождаемые обществом (не говоря уже о его мнениях и интересах), уже не диффундируют наверх по социальным капиллярам, не воспринимаются элитой и перестают влиять на развитие общества через изменение её поведения.

Изменённое сознание элиты заставляет её и руководимое ею общество вкладывать совершенно разный смысл в одни и те же слова и делать разные, порой противоположные выводы из одних и тех же фактов. Современный руководитель может встречаться с «ходоками», как Ленин, и даже регулярно ходить «в народ», — но не для того, чтобы что-то понять или прочувствовать самому, а лишь чтобы улучшить свой имидж и повысить рейтинг: политический аналог рыночной капитализации.

Таким образом, в условиях широкого применения управляющими системами технологий формирования сознания элита и общество обладают разными системами ценностей и преследуют невоспринимаемые друг другом цели. Они утрачивают способность к главному — к взаимопониманию. Как писал Дизраэли по иному поводу (о бедных и богатых), в стране возникают «две нации».

Эта утрата взаимного понимания, вызванная не злым умыслом, но сугубо объективными технологическими факторами, разрушает демократию, подменяя её хаотической пропагандой и перманентной информационной войной значимых политико-экономических групп. «Мирное время отличается от войны тем, что враги одеты в твою форму».

И общественное сознание — не только цель, но и поле боя.

Растущее непонимание между обществом и элитой объективно повышает угрозу дестабилизации, а с ним и потребность элиты во внешней помощи, — и уже сложилась сила, которая её с удовольствием оказывает.

ГЛОБАЛЬНЫЙ КЛАСС НОВЫХ ХОЗЯЕВ

Суть глобализации — упрощение коммуникаций.

Новые коммуникации спланируют представителей различных управляющих систем (как государственных, так и корпоративных) и обслуживающих их деятелей спецслужб, науки, СМИ и культуры на основе общности личных интересов и образа жизни в качественно новый, не знающий границ космополитичный глобальный управляющий класс.

Образующие его люди живут не в странах, а в пятизвёздочных отелях и закрытых резиденциях, обеспечивающих минимальный (запредельный для обычных людей) уровень комфорта вне зависимости от пребывания, а их общие интересы обеспечивают не столько государственные, сколько частные наёмные армии.

Новый глобальный класс собственников и управленцев не един, он раздираем внутренними противоречиями и жестокой борьбой, но как целое он монолитно противостоит разделённым государственными границами обществам не только в качестве одновременного владельца и управленца (что является приметой глубокой социальной архаизации), но и в качестве всеобъемлющей структуры.

Этот глобальный господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране или социальной группе и не имеет никаких внешних для себя обязательств: у него нет ни избирателей, ни налогоплательщиков, ни мажоритарных акционеров (строго говоря, он является таким акционером сам для себя). В силу самого своего положения «над традиционным миром» он враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой —

и в первую очередь традиционной государственности.

Под влиянием формирования этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, государственные управляющие системы перерождаются. Верхи госуправления начинают считать себя частью не своих народов, а глобального управляющего класса: это качественно повышает уровень их жизни; несогласные же уничтожаются или как минимум изолируются.

Соответственно, большинство национальных элит переходит от управления в интересах наций-государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в интересах «новых кочевников» — глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и не связывающих себя с тем или иным государством. Естественно, такое управление осуществляется в пренебрежении к интересам обычных обществ, сложившихся в рамках государств, и за счёт этих интересов (а порой и за счёт их прямого подавления) и, строго говоря, носит характер жестокой эксплуатации.

На наших глазах и с нашим участием мир вступает в новую эпоху, основным содержанием которой становится совместная национально-освободительная борьба обществ, разделённых государственными границами и обычаями, против всеразрушающего господства глобального управляющего класса. Это содержание с новой остротой ставит вопрос о солидарности всех национально ориентированных сил — ибо разница между правыми и левыми, патриотами и интернационалистами, атеистами и верующими не значит ничего перед общей перспективой социальной утилизации, разверзающейся у человечества под ногами из-за агрессии «новых кочевников».

Практически впервые в истории противоречия между патриотами разных стран, в том числе и прямо конкурирующих друг с другом,

утрачивают своё значение. Они оказываются ничтожными перед глубиной противоречий между силами, стремящимися к благу отдельных обществ, и глобального управляющего класса, равно враждебного любой обособленной от него общности людей. В результате появляется объективная возможность создания ещё одного, пятого, после существующих социалистического, троцкистского, либерального и финансового, — как это ни парадоксально звучит, националистического Интернационала, объединённого общим противостоянием глобальному управляющему классу и общим стремлением к сохранению естественного образа жизни, благосостояния, культурного потенциала и прогресса своих народов.

Ведь человечество, каким бы не совершенным и раздробленным оно ни было, не хочет снова становиться на четвереньки.

НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ VS. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Ахиллесова пята глобального управляющего класса — в службе глобальным монополиям, транснациональным корпорациям (ТНК), которые, как и все монополии, стремятся заблокировать технологический прогресс ради увековечивания своего доминирующего положения. Этот путь ведёт к архаизации общественных отношений, заталкивает мир в новое Средневековье, новые Тёмные века.

Выходом из кажущегося исторического тупика, действенным лекарством от архаизации должно стать развитие технологий, объективно взрывающих монополизм, в том числе и глобальный.

Подобно тому, как современный человек дважды в день чистит зубы не потому, что боится кариеса, а потому, что так принято, — точно так же этот же самый современный (и завтрашний) человек должен стремиться к технологическому прогрессу.

Он должен жертвовать ему свои деньги подобно тому, как в приведённом примере он жертвует общественным приличиям своё время, как правило, не задумываясь о стоящих за ними потребностями его собственного здоровья.

Человечество приближается к коренному изменению мотивации своей деятельности.

Заменой узко рыночного стремления к голой прибыли, автоматически рождающего монополизм, постепенно становится объёмное стремление к новым технологиям, делающим жизнь не только более богатой и благополучной, но и более разнообразной и интересной.

Упование на технологии против всесилья порождающего монополизм рынка, при всей наивности такого упования (как и любой во все времена надежды на лучшее будущее), представляется перспективным. По сути дела, это новая, современная форма социалистической идеи, преобразующейся из традиционной социал-демократической, свойственной индустриальной эпохе, в идею **технологического социализма**.

Сегодняшняя форма общественного развития — это борьба стремления к прибыли и стремления к технологиям, это борьба глобального монополизма и ломающего его технологического прогресса, это борьба глубинной тяги к архаизации и жажды возобновления комплексного, всеобъемлющего развития человечества.

Эта борьба двух тенденций вновь, как в годы великих войн, превращает лаборатории и кабинеты учёных в передовой край борьбы человечества за своё будущее.

Только если раньше речь шла о выживании и прогрессе лишь отдельных народов и их групп, то теперь — всего человечества без исключения.

Судьба этой борьбы будет решена противостоянием стремления человека к нормальному гармоническому развитию, с одной стороны,

и стремлением глобального бизнеса к его закреплению. Наиболее полным выразителем второй тенденции выступает современный либерализм как идеология не свободы и суверенитета личности, как это было во времена Вольтера и в XIX веке, но идеология враждебно противостоящего всему человеческому глобального бизнеса.

Принятие этой идеологии и служение ей в силу её специфики неминуемо накладывает на человеческое сознание серьёзнейший отпечаток, который необходимо учитывать и использовать. Ведь игнорирование особенностей современного либерального сознания качественно снижает эффективность взаимодействия с ним и затрудняет противостояние безумной и безудержной агрессии их носителей.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ЛОЖЬ

Каюсь, на заре туманной юности я, в силу возраста, недостатка образования, врождённой склонности к лояльности и исторических условий, придерживался либеральных воззрений и по сей день искренне благодарен Е.Г. Ясину, близкое наблюдение за действиями и способом мышления которого избавило меня от этого интеллектуального недуга сравнительно быстро и эффективно.

Не вдаваясь подробно в многократно рассмотренные пороки либерализма и причины его популярности, укажу главный недостаток: его сторонники исходят из убеждения, что каждый человек в полной мере может отвечать за последствия своей деятельности.

Подчеркну — не «должен», а «может», вот прямо здесь и сейчас.

А раз так — его можно и даже нужно вот прямо здесь и сейчас ставить в соответствующие условия и соответственно с него спрашивать.

По моим скромным наблюдениям, данная установка неверна даже для большинства населения развитых стран — что в практической политике, как правило,

учитывается властью (потому эти страны, собственно, и остаются развитами). И человек, и человечество пока ещё не вполне совершенны, что делать.

Для России же, основная часть населения которой до сих пор не вполне адаптировалась к шокковому падению в рынок, философская максима либерализма была и остаётся откровенно неверной. Её применение напоминало даже не бросание в воду заведомо не умеющего плавать — мол, если не выплывет, сам виноват, — но требование к слесарю (а хоть бы и профессору биологии, если кто обиделся) немедленно сдать экзамен по квантовой физике с деклассированием и нищетой в качестве альтернативы.

Именно применение этой доктрины к заведомо не соответствующему ей обществу и вылилось в политику социального геноцида, де-факто с упоением проводимую и по сей день и качественно усугубляющую последствия национальной

катастрофы, произошедшей в нашей стране в 1991 году.

Абсурдность фундаментального тезиса, лежащего в основе современной либеральной идеологии, и его откровенная несовместимость с реальностью, естественно, накладывают дополнительный отпечаток и на сознание его носителей.

ТОТАЛИТАРНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ

Больше всего в современном российском либеральном сознании бросается в глаза органическая неспособность воспринимать мнение, сколько-нибудь отличающееся от собственного. Подчеркну: не «отторжение», не «враждебность», не «нетерпимость» — а именно неспособность самого восприятия как такового. Советский КГБ изучал диссидентов и глубоко разбирался в их разновидностях; современное же либеральное сознание пошло в их неприятие значительно

дальше — оно их в принципе не воспринимает.

В этом смысле «День отличника» Кононенко, при всей его скучности и бесталанности (замысел великолепен, но он опоздал на 20 лет и достался не тому автору), представляет собой обратную сторону медали, гениально отчеканенной Сорокиным в «Дне опричника». Это действительно два полюса не только нашей бюрократии, но и нашего общества, наши Сцилла и Харибда. Нам между ними продираться ещё долго, — но серьезные затруднения обществу создают обе, и зачастую либералы выглядят приличными людьми просто в силу своей отделённости от власти, которая не даёт им реализовать свои представления о прекрасном и устроить стране новые 90-е годы.

Враждебность современной либеральной идеологии в её специфическом российском выражении интересам большинства граждан России исключает для её носителей возможность быть демократами,

то есть людьми, учитывающими мнения и интересы своего собственного народа. На их знамени по-прежнему, как и четверть века лет назад, написано: «Железной рукой загоним человечество в счастье!» — а если оно понимает счастье как-то по-своему, тем хуже для него.

Идеология либерализма полагает «народом» лишь тех, чьё состояние начинается примерно от миллиона долларов, и в этом российские либералы следуют реконструированному Стругацкими, а на деле весьма древнему принципу «ни о каком принуждении... не могло быть и речи...», и даже самый последний землепашец имел не менее трёх рабов». Беда только в том, что этого же подхода придерживается и нынешняя правящая бюрократия; в сфере

социально-экономической политики (за исключением вопросов усиления государственного вмешательства в жизнь общества) она совершенно либеральна и даже состоит во многом из бывших соратников и подельников нынешних либералов.

Разница лишь в том, что у оставшихся «за бортом» либералов нет власти и потому они требуют демократии и прав человека, но — лишь в политике. Всякая мысль об экономических и социальных правах граждан и даже о том, что демократическое государство должно — хотя бы потому, что оно демократическое, — следовать убеждениям большинства, в том числе и нелиберальным, проникает в сознание либералов лишь при острой практической надобности, и по миновании этой надоб-

ности немедленно изживается их сознанием без какого бы то ни было следа. (Правда, мысль о наличии у граждан неополитических прав чужда и иностранным единомышленникам наших либералов. Когда на одной из встреч в США я указал собеседникам-ученым на необходимость критики руководства России за нарушение не только политических, но в первую очередь более близких обычным людям социально-экономических прав, мои собеседники растерялись, а затем стали искренне утешать меня, объясняя, что изымут эти мои слова из стенограммы и никто ничего не узнает.)

В силу изложенных причин либералы являются, как давно было подмечено, носителями наиболее тоталитарного в российском обществе типа сознания. В самом деле, ведь отнюдь не ставший притчей во языцех Жириновский, а один из признанных столпов российского либерализма заслужил от однопартийцев за свой стиль ведения дел говорящую кличку Дуче.

Именно тоталитарное мироощущение, а не агрессивная ограниченность, переходящая в сектантство, и является основной причиной неспособности либералов к объединению. Объединяться могут демократы друг с другом и даже, при крайней необходимости, демократы с диктаторами. Но тоталитарные (выражаясь языком самих либералов) лидеры, даже при всём старании, на это не способны в принципе: даже Сталина и Гитлера, как известно, хватило менее чем на два года — чего уж ждать от наших либералов?

ДЕНЬГИ КАК РЕЛИГИЯ

Либерализм — идеология обожествления бизнеса. Крупный делец, с точки зрения либерала, не может быть плохим (конечно, если не совершает неопровержимо доказанных и признанных самим либералом преступлений против человечества) уже только потому, что он получает большую прибыль.

Соответственно, критически значимая часть либералов весьма коммерциализирована. Особенно это заметно среди молодёжи (людям, сформировавшимся в СССР, наука бизнеса всё же даётся с большим трудом; никто не может обвинять в коммерциализации, например, Новодворскую — как и во всех остальных грехах, кроме отсутствия здравого смысла): как написал несколько лет назад один не очень уже молодой журналист, «неужели кто-то мог всерьёз подумать, что я буду ругать кого-то бесплатно?»

Впрочем, современных россиян, в отличие от булгаковских москвичей, испортил не только «квартирный», но и «пиарный вопрос». Поэтому после вопроса о деньгах в мозгу либерала немедленно возникает второй: «Что за этим стоит?» Грубо говоря, кто и под кого «копает» распространением соответствующей информации.

Здесь опять-таки трогательно выглядит смычка либералов от оппозиции и их прежних коллег, в силу более высоких административных способностей удержавшихся в правящей бюрократии. Ведь представители последней точно так же воспринимают любую критику сначала как «оплаченную американским и британским империализмом и вашингтонским обкомом» (в крайнем случае Ходорковским или Невзлиным, кровавыми когтями тянущимися к горлу молодой «сувенирной демократии»), а затем — как диверсию той или иной группы бюрократов и олигархов против другой такой же группы.

Да, конечно, информационные войны, вопреки всей пропагандистской истерике по поводу неизбежности «вертикали власти», бушуют в нулевые и десятые годы не хуже, чем в 90-е (Ельцина его доверенные сотрудники пару раз, помнится, досрочно «хоронили» с хорошим коммерческим эффектом, но вот не женили заново его, по-моему, всё же ни разу), и никому не хочется быть использованным ловкими ребятами в чужих корыстных целях.

Но дело в том, что даже в чужой войне, в том числе информационной, можно и нужно участвовать, если она ведётся за правое дело.

ПОДАВЛЕНИЕ ИНАКОМЫСЛИЯ

Неспособность воспринимать инакомыслие и, соответственно, уважать чужую точку зрения в сочетании с ощущением личной ущемлённости естественным образом порождает высокую агрессивность.

Эта черта характерна для аудитории интернет-форумов в целом, но в ней она порождается в основном низкой образованностью и иллюзией анонимности (а значит, и безнаказанности); понятно, что эти причины к основной массе российских либералов неприменимы.

Вопрос «сколько сребреников тебе заплатили, Иуда?» в качестве основного аргумента против нелицеприятной критики или просто не вызывающей одобрения точки зрения гармонично переходит в угрозы — от прямого обсуждения знаменитой «нерукоподаваемости», то есть организации внутрилиберального бойкота тем, кто записан в «нерукопожатные», до ставшего вполне стандартным в силу своего изящества выражения «Отстаньте уже от нас... А то ведь мы и впрямь начнём предполагать разное...» Такое ощущение, что агрессия как способ ведения дискуссии — это единственное, чему смогли научиться наши либералы у руководителя Либерально-демократической партии России, который, хочешь не хочешь, остаётся лучшим (если вообще не единственным) политиком России.

Особенно забавно, что она проявляется и в отношении к партнёрам, хотя бы и ситуативным. Мне очень понравился один из либеральных организаторов оппозиционной Национальной ассамблеи, существовавшей под эгидой Каспарова в 2008–2009 годах, вдумчиво, со вкусом и без всякого подвоха рассказывавший одному из участников-коммунистов, как он поучал своего сына,

что хорошие коммунисты всё же бывают, — но только мертвые. Это действительно был тот честный максимум сотрудничества, на который он способен.

ДЕГРАДАЦИЯ НОСИТЕЛЯ ЛИБЕРАЛИЗМА КАК НЕИЗБЕЖНОСТЬ

При всём изложенном выше, либералы — люди, значительно более образованные и успешные, чем граждане России в целом. Однако наибольшее количество откликов и обсуждений с их стороны вызывают не статьи, содержащие относительно сложные мысли, аргументы и доказательства, а примитивные агитки, состоящие из по-разному поворачиваемых (один-два максимум!) лозунгов. Более того: даже в сложных статьях самую острую реакцию вызывают обычно мелкие, глубоко частные детали.

Да, это является особенностью аудитории интернет-форумов в целом, но, ещё раз повторю, именно у либералов такая особенность в силу их большей образованности и общей культуры (чем они и ценны, и необходимы, при всех своих раздражающих недостатках) наиболее режет глаз и вызывает изумление.

Другое массовое проявление примитивизации — органическая неспособность воспринимать мир многомерно. Увы, речь идёт не о стандартном демагогическом приёме огрубления любого вопроса до дихотомии «чёрное — белое»: речь идёт об искренней, честной, глубоко органичной неспособности воспринимать более одной стороны любого явления.

Признаюсь, несколько лет назад я поставил эксперимент и специально на протяжении одной и той же статьи высказывал противоречащие друг другу точки зрения (в частности, и ругал, и хвалил Жириновского). Именно посетители либеральных форумов впадали по этому поводу в негодование и жёстко критиковали автора за высказывание диаметрально противоположных тезисов.

Мысль, что даже такие сравнительно простые явления, как Жириновский, могут быть не совсем однозначными, просто это не умещается в сознании типичного российского либерала.

Да, он убеждён (как минимум со стакана сока, выплеснутого в тогда ещё живого и успешно провоцировавшего его Немцова), что Жириновский — подонок. Да, он видит его чрезвычайную успешность, что означает его эффективность как политика. Но его сознание столь примитивно, что эти две простейшие мысли, строго говоря, ни в малейшей степени не противоречащие друг другу, просто не помещаются в нём одновременно, — и первая напрочь вытесняет вторую. Жириновский находится на арене российской политики более четверти века, — и уже много лет подряд я хвалю этого политика за эффективность, в том числе и в беседах с либералами. И уже много лет подряд я вижу, что эта мысль почти всякий раз оказывается для них новой, неожиданной и, в конечном счёте, не поддающейся восприятию.

НЕНАВИСТЬ К РОДИНЕ

Давно уже разжёвано и доказано даже для самых идеологизированных «глотателей газет», что великий Л. Н. Толстой, переводя сложный текст, написанный на староанглийском языке, сумел-таки перевести его неправильно. В оригинале было «патриотизм может оправдать даже негодяя», а из-под пера классика вышло «патриотизм — это способ самооправдания негодяя».

Очень хотелось подтвердить свою мысль, с кем не бывает.

Но почему именно либералы сделали ошибку классика фактором общественной жизни?

Сначала — понятно: валили КГБ, КПСС и СССР. Но свалили же — почему не поднимать собственный, российский патриотизм, как во всех странах СНГ?

Почему все 90-е годы, пока либералы были у власти, любить свою Родину было стыдно? Почему за слово-

сочетание «национальные интересы» в служебной бумаге ещё в 1995 году (личный опыт) можно было огрести серьёзные неприятности?

Потому что, когда в начале 90-х, по известному выражению, «попали в Россию», далеко не все «целили в коммунизм». И те, кто промахнулся, вроде Зиновьева и в целом диссидентов, как правило, горько раскаивались и никакой карьеры в своём раскаянии не сделали.

А карьеру сделали, в тогдашних терминах, «демократы» — они попали как раз туда, куда целили.

Лучше всего это выразил умнейший и откровеннейший из либералов Кох, давным-давно сказавший о бесперспективности и безысходности России с такой чистой детской радостью, что она повергла в шок даже его коллег.

Реагируя на теракт 11 сентября 2001 года, он же, отметив, что «для меня в Нью-Йорке все улочки родные», без каких-либо наводящих вопросов, по собственной воле признал: «Испытал полное бессилие и опустошение. Два года назад у нас в России взрывали дома, но тогда не было эффекта присутствия», — притом что, если я не ошибаюсь, в августе 1999 года он в России был, а в сентябре 2001 года в США не был. И дело здесь вряд ли только в теле-трансляции: дело, скорее, в самоидентификации человека, в том, где именно у него находятся «родные улочки».

Не менее откровенна была ещё одна «прорабша перестройки», которая на круглом столе, посвящённом 11 сентября 2001 года, вдруг стала яростно доказывать, что любые люди, готовые сознательно отдать свои жизни за что бы то ни было, и особенно за какую бы то ни было идею, — выродки рода человеческого и должны выявляться и уничтожаться физически в превентивном порядке, чтобы не мешали нормальным людям нормально жить.

Дело было в Ленинграде (тогда и ныне Санкт-Петербург), недалеко от Пискаревского кладбища, где ле-

жали эти самые, по её терминологии, «выродки».

Признаюсь: даже американцы в своих войнах после Второй мировой войны, даже террористы, даже фашисты ближе мне, чем эта визжащая либеральная дама, которую я слышал своими ушами. Потому что они сражались за свой народ или хотя бы искренне думали так, а она вполне сознательно сражалась против своего народа.

Не исключаю, что это вышло у неё нечаянно — просто потому, что в основе её мироощущения лежали запросы потребления.

Последнее слово — главное для понимания отношения либералов к России. Иначе понять политику либералов по отношению к нашей стране можно, лишь поверив, что они бескорыстно испытывают к ней животную ненависть и стремятся любой ценой её разрушить просто так.

На самом деле всё проще: они просто стремятся обеспечить себе качественное потребление, оставаясь равнодушными к цене этого потребления для всех остальных. «Ничего личного — только бизнес». Дело здесь совсем не в какой-то специфической ненависти: хотя она часто действительно имеет место, но как причина либерального поведения она всё же второстепенна.

Россия нелюбима либералами не как враг, не как противостоящая сила, но лишь как неудобство, как гвоздь в ботинке: её народ (тоже запрещённое после победы демократии слово, положено говорить «население»!) мешает им красиво потреблять, как плохому танцору мешают танцевать ноги.

Обычным людям свойственно застыть в тяжком раздумье между севрюгой и Конституцией; при выборе же между Конституцией и куском хлеба 95% людей не задумаются ни на минуту, и всерьёз осуждать их может только тот, кто не голодал сам.

Но именно у либералов — и именно в силу их идеологии — потребительская ориентация выражена предельно полно. И, служа своему

потреблению, они автоматически, незаметно для себя самих начинают служить странам и регионам, где потреблять наиболее комфортно, — нашим объективным стратегическим конкурентам. И, живя ради потребления, они начинают любить те места, где потреблять хорошо, комфортно, и не любить те, где потреблять плохо, неудобно.

Не любить Россию.

И это очень хорошо демонстрируют практические действия либералов, по-прежнему обслуживающих власть и практически полностью определяющих её как минимум социально-экономическую политику.

Конечно, западные стандарты культуры и цивилизованности во многом несовместимы с российской общественной психологией, а во многом и с объективными потребностями нашего общественного развития.

Но у либералов отторжение от страны достигает высочайшей степени. В результате значительная часть интеллигенции, а точнее, образованного слоя, который является единственным носителем культуры и развития как такового, оказывается потерянной для страны, так как обижается на неё кровно, предъявляя ей непосильные для неё, не-

соразмерно завышенные стандарты своего личного потребления. Потребления не только материального, но и интеллектуального — и еды, и дорог, и разговоров «на кухне», и демократии.

Эти непосильные стандарты несовместимы с существованием страны и требуют уничтожения: либо её, либо либералов как обладающего существенной властью клана.

Данный выбор становится всё более актуальным, и его откладывание всего лишь повышает шансы либерального клана, обслуживающего интересы глобального бизнеса, на уничтожение России.

/ Александр ПРОХАНОВ /

Врата в Тегеран

Вместе с моими коллегами по Изборскому клубу я побывал в Иране. Это страна древних огнепоклонников — огромных поселений, в которых стоят дымные туманные колонны, каменные львы, вековые изваяния. И в то же время — страна баллистических ракет, ультрасовременных промышленных центров. Страна ослепительно красивых, украшенных зеркалами мечетей, где солнечная вспышка разносит тебя и твоё отражение по всем концам Вселенной.

И страна могучей атомной станции, страна ядерных физиков и высоколобых величавых мусульманских мыслителей.

Мы приехали сюда для того, чтобы исследовать возможность сближения России и Ирана, установления между нами стратегического партнёрства, стратегической близости. Иран переживает очень интересный — драматический и пафосный — период своей истории. Десятки лет Иран, занимаясь ядерной программой, находился в жесточайшей

блокаде со стороны Запада, Америки. Ирану не позволяли выходить на рынки с его главным богатством: нефтью и газом. Заморозили счета в западных банках, где всё это время кисли, дряхлели миллиарды долларов, принадлежавшие Ирану.

Иран то и дело ждал нападения. Израиль грозил бомбардировками ядерных объектов, а сухопутные контингенты вот-вот готовы были пересечь иранскую границу. Иранское общество жило в состоянии мобилизации, затягивало

кушаки, экономило, берегло каждую копейку. И вдруг победа. В результате переговоров по ядерной программе, где благую роль сыграла и Россия, американцы отступили. Сняли целый ряд санкций. В ближайшее время разморозят или уже разморозили 50 миллиардов долларов иранских средств, что хранятся в западных банках. Эти деньги скоро хлынут в Иран. Тот быстро перекачает их в собственные банки и намерен отдать их местным предпринимателям — среднему и малому бизнесу — под невысокий процент, что обеспечит иранское экономическое чудо.

Иранское общество в результате таких послаблений качнулось в сторону либеральных ценностей. Мы спрашивали у наших партнёров, не является ли стратегический компромисс с Америкой, либерализация иранской жизни своеобразным протестным восстанием против теократических принципов, на которых устроена иранская жизнь? Нет, объясняли нам, противоречия с Америкой у Ирана стратегические и метафизические. По-прежнему Америка для Ирана — это большой шайтан. И в Сирии, где происходит сегодня военная драма, интересы Ирана и Америки кардинальным образом не совпадают.

Иран участвует в сирийском процессе политически, дипломатически, присутствует и на поле боя. Иранские контингенты — стражи исламской революции — воюют на сирийских полях сражения. И, по некоторым источникам, иранцы несут там немалые потери: они уже приближаются к тысяче погибших.

Россия и Иран на поле боя взаимодействуют как партнёры, как союзники. Концепция Ирана относительно Ближнего Востока такова: не позволить Западу перекроить Ближний Восток в своих интересах. Территориальная целостность ближневосточных государств, в частности Ирака и Сирии, должна быть соблюдена любой ценой. Правительство Башара Асада должно остаться. И Асад является той красной чертой, за которую Иран в своих компромиссах никогда не переступит.

В результате последнего визита президента Путина в Тегеран, где он встречался с иранским духовным лиде-

Изборцы на Бушерской АЭС

ром аятоллой Хаменеи, были развеяны накопившиеся за десятилетия сомнения, подозрения и противоречия. Пробиты и раскупорены каналы, через которые наши отношения, наше взаимодействие должно быть усилено и в ближайшее время очень резко интенсифицировано. Прежде всего это оружейные контракты. Некоторое время мы воздерживались от поставки в Иран стратегических вооружений, в частности, систем противовоздушной обороны С-300. Теперь эти препятствия сняты, и первые элементы противосамолётных, противоракетных систем уже поступают в Иран. Начинается поставка других видов вооружения, различных товаров и оборудования. Министры обеих стран встречаются, заключается масса торговых договорённостей.

Главным объектом нашего взаимодействия остается Бушерская АЭС, драматическая станция, которая была заложена более тридцати лет назад. Но когда произошла Иранская революция, проект был приостановлен. Во время ирако-иранской войны на станцию налетали самолёты, бомбили, разрушали корпуса. Среди строителей станции были жертвы, мученики. И вот строительство этой станции решили передать русским. Мы взяли незавершённый объект — этот огрызок, обломок, в который были вмонтированы элементы чужой индустрии, чужой

техносферы, и надрывно, мучительно встраивая свои машины и реакторы в ту схему, достроили станцию. Теперь она работает в полную мощь. И наши специалисты присутствуют на станции уже не как строители, а как учителя, как дублёры, они помогают иранским операторам, технологам освоить новую технику, контролируют их.

В ближайшее время будет заключён контракт на второй, третий и, может быть, на четвёртый блоки. Эти грандиозные проекты разрабатываются совместно русскими и иранцами и осуществляются по совершенно новым, современным русским технологиям. В тяжёлый кризисный период появление этого контракта — ох как важно нам!

Иран — это страна нефтеполей и газовых месторождений. Колоссальное месторождение под названием «Южный Парс» на берегу Персидского залива. Когда мы в ночи подъезжали к этому месту, нам открылось огромное — до горизонта — поле, усыпанное бриллиантами. Голубыми, золотыми, белыми. Так светились вышки, башни, трубы, реакторы, цилиндры, шары, сферы, которые проводят сложнейшие химические реакции по переработке газа.

Газ сжимается и переправляется на причалы, на пирсы, где перекачивается в огромные газовозы. Те плывут по Персидскому заливу в сторону Япо-

Промышленный газоперерабатывающий комплекс «Южный Парс»

Ормузский пролив

нии. На эти пирсы приходит и масса изделий из газа: полимеры, всевозможные полуфабрикаты. Иран перерабатывает свой газ, получая от переработки немалые прибыли. В строительстве этого замечательного комплекса участвовали и русские.

На «Южном Парсе» мы спрашивали, что будет теперь, когда Иран со своим топливом, нефтью выйдет на мировые рынки? Не сойдёт ли это окончательно цены на нефть? И не испытает ли от этого Россия неудобство в мучительно кризисный период? Нам объясняли, что выброс иранской нефти на мировые рынки абсолютно незначительно колыхнёт их, потому что в первые годы этот объём будет нечувствительным по отношению к огромному производству нефти во всём мире. К тому же, учитывая способность России и Ирана заключать сложные экономические, финансовые отношения в газонефтяной сфере, быть может, в какой-то момент возникнет разговор о создании нового ОПЕК. Эти возможности искупают те тревоги и опасения, что связаны с выходом Ирана с его нефтью на мировые рынки.

Нам очень важно было встречаться не только с технократами, с военными, не только с представителями дипломатии и научных кругов. Мы общались с духовенством. В священном городе Кум, что в ста километрах от Тегерана, сосредоточены десятки исламских университетов. Там работают самые блистательные, изысканные умы, изучающие ислам, шиитскую версию. Они исследуют вопросы, которые у нас в России являются юрисдикцией гражданских учреждений. Например, возможно ли с точки зрения ислама использовать оружие массового уничтожения. Или устанавливают, каким образом, согласно исламскому мироучению, дети ещё во чреве матери обладают правами. И нарушение этих прав, убийство детей во чреве матери является антизаконным, антибожественным актом.

Мы исследовали проблемы справедливости. Сегодняшний мир устроен несправедливо, он чает справедливости. И Ближний Восток, да и другие регионы, где падают крылатые ракеты, идут в атаку батальоны, где гибнут люди и дымятся

взорванные города, — это места с недостатком справедливости. Разработать концепцию справедливости для всего человечества — колоссальная мировоззренческая задача. В исламе слово «справедливость» занимает ключевое место. В нашем православном Новом Завете слово «справедливость», заменённое словом «правда», тоже является базовым. «Блаженны изгнанные за правду». Мы переходили из одного исламского университета в другой, садились за столы, и наши изборские профессора, философы размышляли на эту тему с исламскими учёными, богословами, на головах которых красовались чёрные и белые чалмы. И мы поняли, что иранская мечта, мечта о совершенстве, основана на понятии о справедливости так же, как и русская мечта о благом устройстве мироздания. Эти две мечты совпадают. И в Иране, и в России слово «мечта» равно словам «любовь», «милосердие», «сострадание», «благоговение». Тожественно представлению о гармонии, которая выстраивает отношения человека и человека, человека и общества, человека и природы, звезды небесной и цветка земного. И в этих беседах, в напряжённых поисках, духовных исканиях, когда мы посещали то грандиозные индустриальные центры, то подходили к великолепным, с золотыми куполами, мечетям и гробницам, мы понимали, что мы — два соседних великих народа — обречены не просто на добрососедство, а на дружбу, на создание нового справедливого мира. А разве не этим живут остальные народы? Разве не этого чает всё остальное человечество?

Мавзолей Имама Хомейни

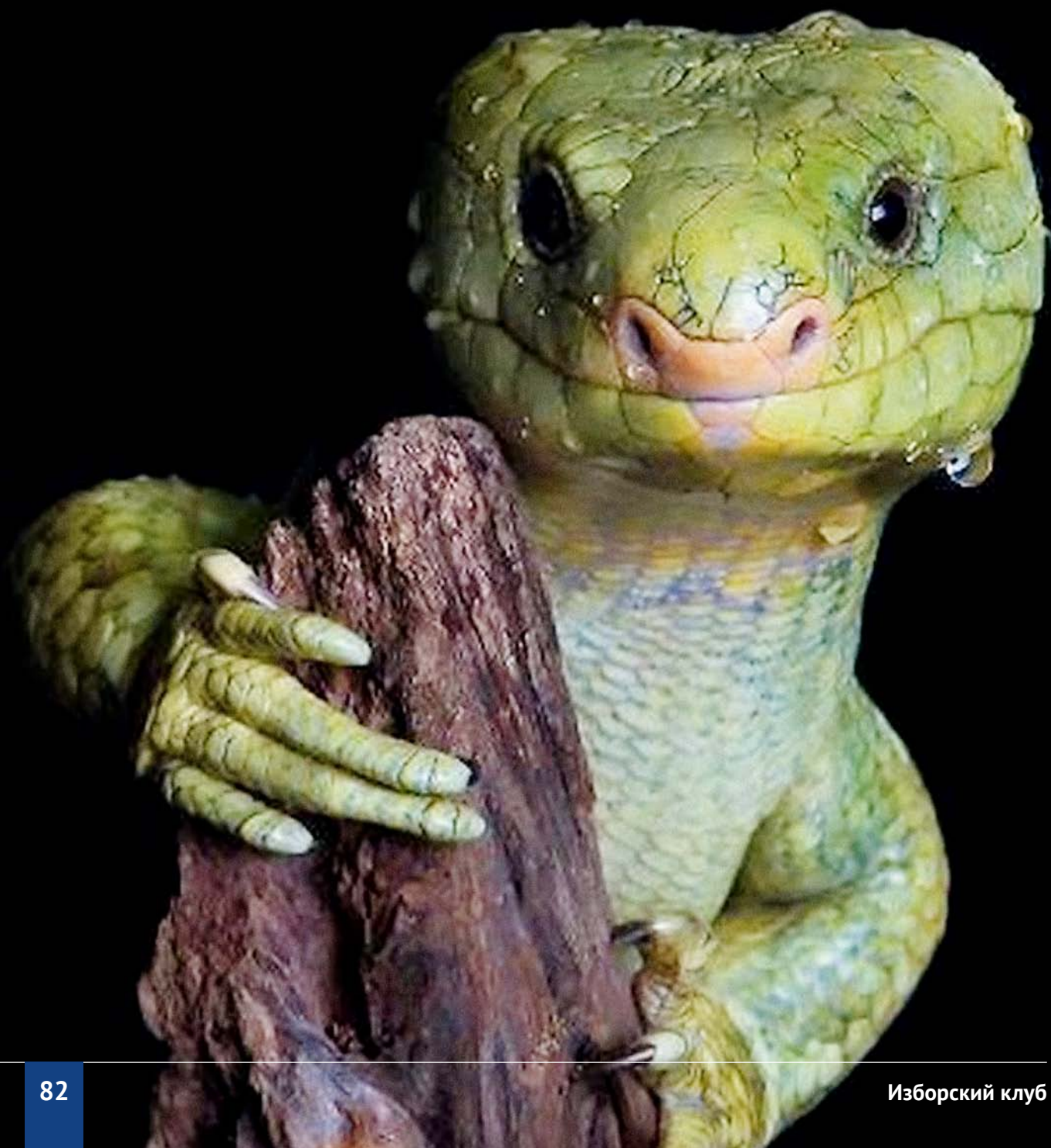
Моральная экономика

/ Карен СВАСЬЯН /

Час бесноватого из Гадары

Провал европейских элит

1.

Если позволительно говорить о симптоматологии не только в медицине, но и в социологии, то задача социолога, описывающего состояние общества, будет заключаться в различении фактов на побочные, второстепенные и такие, которые имеют значимость симптомов. Симптом — это признак, примета, отсылающая к сущности вещи (к *самой* вещи), в отличие от случайных и ничего не говорящих примет. Социология лишь выиграла бы, сумея она равняться не столько на философию или статистику, сколько на медицину, после чего её внимание было бы направлено не на умные или безумные отвлечённости, а на *болезни*.

Болезнь понималась бы тогда как фундаментальная социологическая категория, первофеномен общества, которое больно *по определению*. Вопрос в том, способен ли социолог, говоря о болезни, не только мыслить её как понятие, но и ощущать её в то же время как боль. Болезнь, только мыслимая, а не ощущаемая, носит призрачный, нереальный характер, что затрудняет, если не упраздняет саму возможность лечения. Тут либо не лечат вообще, либо лечат не то, что следует лечить. По аналогии: вырывают не тот зуб или ампутируют не ту ногу. Дикость невежества в сочетании с высокомерием поражает. Социологи (наверное, следовало бы оговорить: *почти* все) то ли напоминают шаманов, то ли суть шаманы. Во всяком случае, они делают то же, что шаманы: заговаривают болезнь. Те — с бубном и пляша вокруг костра, эти — на конференциях с ноутбуками и данными Левада-центров.

Хуже всего, когда болезнь не просто не замечают, но выдают за здоровье. В другой версии, когда не просто рубят сук, на котором сидят, но делают это бодро и радостно, даже если уже трещит. На предостережения не реагируют никак, либо огрызаются, обзывая предостерегающих пессимистами, паникёрами или уже — совсем по образцу известного анекдота о логике и аквариуме — экстремистами.

Я говорю о Европе — той самой, которая закатилась в Евросоюз. Если

держаться упомянутой выше аналогии с медициной, то можно знать, что Евросоюз — это не название, а состояние, результат осмотра, освидетельствование. Болезнь, запущенная до той степени обострения, после которой говорят уже не о враче, а о священнике. Диагноз допускает двоякую проекцию: телесную и душевную. В первом случае это злокачественная опухоль с метастазами, разросшимися по организму. Если организм, проеденный метастазами, — это общество как таковое, то сама опухоль локализована в *элитах*. Тот же диагноз в проекции на душевное гласит: тяжёлое психическое расстройство с признаками помрачения сознания и утраты чувства реальности. На язык социологии означенные признаки и в этом случае переводятся как *элиты*.

2.

Можно вкратце проследить историю этой болезни на её последней, заключительной стадии. Конец Европы датируется 1945 годом, а внешним символом его стал географический катаклизм, когда при известной встрече на Эльбе вдруг выяснилось, что у Америки и России есть общая граница. В 1961 году волею одного выпущенного из сталинской бутылки джинна граница перенеслась в Берлин и приняла там вид стены, воздвигнутой за ночь и за ночь расколовшей мир, историю, народы и судьбы. По одну сторону стены восходило западное солнце Нового Света, а по другую — восточное солнце Третьего Рима. Местом заката обоих незакатывающихся в себе солнц стала Европа, точь-в-точь уместившаяся в Берлинской стене.

Эпилог растянулся на десятилетия. Отдельные судорожные усилия вернуть потерянное, вроде резких демаршей де Голля, были скорее фантомными болями. Европа ускоренным темпом вживалась в обе роли в ею же созданном и настигшем её, как бумеранг, западно-восточном сценарии. По сути, это были её проекции-придатки: сотворённая пуританами Америка и почти одновременно волею Петра просветительски обустроенная Россия. Ей и в дурном сне не приснилось бы, что придатки станут

однажды големами. Она задавала тон и оставалась местом свершения мировой истории. Но уже на последних шедеврах её политического гения, Венском и Берлинском конгрессах, открывающих и завершающих XIX век, почил печаль усталости и близкого конца. Последним (самоубийственным) триумфом её стал Версаль, где француз Клемансо мог ещё, не без сценических эффектов, унижать немецкую делегацию и игнорировать американского президента.

Через считанные десятилетия, в Ялте и Потсдаме, моделирующих новый мир, ей вообще не нашлось места среди инсталляторов. Перестройка Европы без участия Европы производила странное впечатление, и чтобы замаять неловкость, пришлось подгонять Францию под роль победительницы. Говорят, Кейтель, увидев французов во время подписания акта о капитуляции, не мог скрыть удивления: «Как! Мы и этим проиграли?» Всё это были, впрочем, рецидивы прошлого, бесследно исчезнувшие в шуме и ярости студенческого 1968 года.

3.

Если, фиксируя нынешнее обострение болезни, спросить, с какого момента она стала необратимой, можно будет без колебаний указать на упомянутый 1968 год. Европейская (по существу, любая) история редко обходилась без безрассудства, но пружина, растягиваемая подчас до критической черты, за которой она переставала быть пружинной, всегда возвращалась обратно, пусть даже и не столь упругой и эластичной, как прежде. Особенно опасными были переходные времена смены социальных гегемонов, или типов, — скажем, прежнего аристократического новым буржуазным в период революций и цареубийств Нового времени или буржуазного пролетарским в первой половине XX века. Этот последний переход, казалось бы, транспарировал оттенками невменяемого, но даже здесь, при всех отдельных деформациях и аномалиях, удалось всё же сохранить идентичность.

Когда потом взбунтовался *студент-революционер*, этот бунт знаменательным

образом совпал по времени с революцией *физика-технаря*. Оба работали раздельно и делали общее дело. Они меняли мир, мировую историю и душу — до последнего предела, до дальше некуда и — ещё дальше: всё — за пределами представимого и в режиме необратимости. Физик электрифицировал вселенную, переноса её из прежнего патриархально-го тандема времени и пространства в небывалую онтологию сетевых графиков и скоростей, а оттуда прямо в быт, где ошарашенному обывателю оставалось спешно переселяться в мир волшебных сказок. Изменялись не только восприятия, но и привычки, и счёт пошёл уже не на столетия, а на десятилетия, если не годы, — факт, запечатлённый Андре Мальро в словах: «Цезарь мог общаться с Наполеоном, но Наполеону нечего было бы сказать президенту Джонсону».

Безумие *физика-технаря* дополнялось безумием недоучившегося *студента*. Здесь на мушку была взята уже не природа, переделываемая до неузнаваемости, а мораль, выкорчёвываемая через дискредитацию семьи и практику свободных спариваний всех со всеми. В этом взаимодействии обеих революций, научно-технической и сексуальной, берёт своё начало сегодняшний мир, в котором мы все живём и который, когда придёт ему пора кончаться, кончится, несмотря на склады сверхмощных бомб, как и предсказал ему поэт: «не как взрыв, а как всхлип».

4.

Студент-бунтарь не сошёл со сцены даже после того, как внешне всё улеглось и утихло. Попав однажды в объектив истории, он почувствовал вкус к публичности и не знал только, как быть и что делать дальше. Всё решилось по шестовской сортировке счастливых и несчастных свиней. Несчастливые шли в террор. Счастливые — в политику и карьеру. То есть — всё в тот же террор, только уже не с бомбами и в подворотнях, а вполне легитимно. Опыт уличных потасовок и нахрапистости пришёлся как нельзя кстати; уже в скором времени они стали снова вытеснять отцов и захватывать

«почту и телеграф»: университетские кафедры, депутатские мандаты, полосы газет и министерские кресла.

Оставалось научиться хорошим манерам, и это, по-видимому, было самым трудным испытанием в их карьерных прыжках. Печать шпаны почилла на их внешности, как родимое пятно, а культивируемая ими в молодости нечистоплотность оказалась несмыслимой (заметила же одна умная дама о «красном Дэнни» Кон-Бандите, что от него будет нести помоями, даже если он каждый день будет принимать душ). Они и сегодня, повзрослевшие и покрытые сединой, смотрятся в кадре остановленных мгновений их майданной юности: горлопанами и босяками, поджигающими автомобили, крушащими витрины и мочающимися на государственный флаг.

Эти буйные мутанты и стали прообразом, подлинником, с которого по сей день клонируются поколения европейских элит.

5.

Конец (не закат, а конец) Европы начался, когда её элиты присягнули на верность Америке. Той самой Америке, которая в 1945 году спасла их от абсолютного зла, а после 1945-го продолжала спасать от другого абсолютного зла. Из двух абсолютных зол они выбрали третье скромное, своё, так и оставшись недорослями и полузнайками. Планка понимания была уже опущена до минимума, когда у них вдруг разинулись рты перед пришельцами из рая, принесшими им счастье в виде ассортимента новых жизненных привычек и ценностей: возможностью всё время жевать, не глотая, трястись и дрыгать конечностями под экзотические ритмы, держать рот в неизменной улыбке и на всё говорить «о'кей» и «ноу проблем».

Эти неполных полвека: с первых послевоенных лет и до начала 90-х, — стали американским сном наяву. Не все поняли это сразу, но все, включая «зелёных» отморозков вроде Йошки Фишера и прочих глюксманов, поняли это в конце концов. Европа демонстрировала чудеса дрессировки и преображения из не-

счастливых свиней в счастливые, а обрюзгшие экс-студенты, занявшие ниши элит, не могли понять, чему и кому они обязаны своим счастьем. Чтобы понять это, им следовало слегка напрячь мозги, но напрячь мозги было сопряжено с риском перестать быть счастливыми. Так они и не поняли, что обрушившееся на них с Запада счастье — это всего лишь рефлекторная реакция на всё ту же Берлинскую стену и холодную войну: контраст противостояния «империи зла» и своей отгороженности от неё.

Логика контраста впечатляла простецким манихейством: «мы» — свободны, «они» — в рабстве; «они» завидуют «нам» и мечтают попасть в «наш» сон, даже под риском, что по ним будут стрелять свои же со сторожевых вышек. Ну и как же было тут не чувствовать себя счастливым и не выставлять напоказ свою полноценность!

Им бы молиться на «империю зла». Лелеять её как зеницу ока. Понять и осознать, что только благодаря ей и на её фоне можно было замазывать собственную чудовищную неполноценность.

Элиты решили иначе. Любопытно, что среди всех этих бывших марксистов, троцкистов, маоистов, хошиминистов не нашлось никого, кто смог бы вспомнить сталинскую статью 1930 года хотя и на другую, но всё ещё на ту же тему: «Головокружение от успехов». Голова шла кругом в немалой степени от того, что противники по ту сторону стены, дряхлые вии, замаринованные в собственном маразме, играли им на руку, делая, как назло, всё, чтобы усилить контраст и отвращение к себе. Ну что им мешало, после того как волюнтарист и оттепельщик Хрущёв решился-таки слегка приоткрыть вентиль, дать людям хотя бы возможность курить невоночные сигареты и не убиваться в очередях за венгерскими курами или вьетнамскими тапочками! Поистине, они стоили друг друга, энтузиасты, сидящие каждый на своём суку и каждый свой рубящие.

6.

Сучья рухнули одновременно: вместе с Берлинской стеной. Просто один, точный, упал разом, а падение другого,

западного, растянулось на десятилетия. Вернее, не само падение, а осознание падения. Падение было как раз синхронным. Дивный американский сон в мгновение ока обернулся кошмаром и уродством, после того как сновидящие отказались от вопиюще примитивной и столь же вопиюще эффективной логики контраста и очутились в перспективе уже не мирового господства, а сказки о рыбаке и рыбке. В середине 90-х пишущий эти строки проезжал в Берлине мимо большого здания, оцепленного автоматчиками. Это было посольство США. «Ещё несколько лет назад, — сказал таксист, — тут было море цветов».

Самое интересное: случившееся долго не замечали. Фантомное чувство оказалось на редкость настырным. Поседевший плейбой Клинтон ухмылялся в камеры, шалил с молодой практиканткой и хохотал до слёз над очередной клоунской выходкой «друга Бориса». Ещё бы, когда в ставшем вдруг монополярным мире не нашлось никого, кто мог бы дать отпор обнаглевшему счастью ответными ударами не менее наглого несчастья. В конце

концов, монополия господства оказалась просто-напросто монополией наглости. Последние кружевные остатки дипломатии и международного права исчезали под натиском прямо-таки готтентотской оголтелости и безнаказанности *Rax Americana*. Время Клинтона подвело итоги. Последним тестом на вседозволенность были не санкционированные бомбардировки Югославии. Мы помним, с какой методичностью демонизировалась законная власть и защищались бандиты. Мадлен Олбрайт позировала перед камерами с выкопанными из общего захоронения костями, что означало: скоро здесь будут бомбить, — а министр обороны Германии, задыхаясь от возмущения, рассказывал по телевизору о том, что на белградском стадионе гриллируют албанских младенцев. После этого они могли уже бомбить кого угодно, где угодно и когда угодно — под шитым белыми нитками предлогом «угрозы национальной безопасности» или, того циничнее, защиты прав любого рода меньшинств (от этнических до сексуальных).

7.

Конечно, Европа стояла здесь плечом к плечу с Америкой. «Впервые за всю свою историю Германия воюет на правильной стороне». Так сформулировал это немецкий министр иностранных дел (в прошлом — гопник и хулиган) Йошка Фишер. Когда за два года до этого Бжезинский написал, что Европа была и остаётся протекторатом Америки, он, скорее всего, проверял союзников на чувство гордости и достоинства. Элиты даже не пикнули. А философы Хабермас и Деррида приветствовали бомбардировки, которые, потому что бомбы падали с правильной стороны, были вовсе не бомбардировками, а «гуманитарным вмешательством».

Во всём, что происходило после, бросается в глаза абсолютное смешение прежних форм и демаркаций политической традиции. Как если бы доктрина управляемого хаоса бумерангом ударила по самим доктринёрам — с теми же последствиями, что и в разбомблённых странах, где хаос оказался вдруг не управляемым, а управляющим. Пра-

вляющие политические партии в Европе опознаются сегодня больше по ответственным им местам в зале заседаний, чем по существу. Там нет вообще никакого существа. Все дудят в одну дуду, не двигая при этом пальцами. Только немногие упёртые (типа «левых» в Германии) продолжают ещё сопротивляться и стоять на своём, но нет сомнения, что приручить их — это вопрос времени.

Об этом в своё время гениально писал Розанов: «Нужно разрушить политику... Нужно создать аполитичность... Как это сделать? Нет, как *возможно* это сделать? Перепутать все политические идеи... Сделать «красное — жёлтым», «белое — зелёным», разбить все яйца и сделать яичницу»... — Господа, — можно иметь все убеждения, принадлежать ко всем партиям... притом совершенно искренне! чистосердечно!! до истерики!!! В то же время не принадлежать ни к одной и тоже «до истерики». Я начал, но движение это пойдёт... Ведь все партии «доказывают друг другу»... Но чего же мне (и «нам») доказывать, когда «мы совершенно согласны»... Согласны с *тоном* и «правых», и «левых»... с «пафосом» их, и — согласны совер-

шенно *патетически*. Явно, что когда лично и персонально все партии сольются «в одной душе», — не для чего им и быть как *партиям*, в *противолежании* и в споре. Партии исчезнут. А когда исчезнет их сумма — исчезнет и политика, как *спор*, *вражда*. Конечно, останется «управление», останется «ход дел», — но лишь в *эмпиризме своём*: «вот — *факт*», «потому что он — *нужен*».

Конечно, так быстро они не исчезнут. Но то, что «красное» уже неотличимо от «чёрного», а «чёрное» от «зелёного», — факт, отрицать который могут, пожалуй, только сами они, всё ещё и в «*яичнице*» ухитряющиеся различать себя как «*яйца*».

8.

«Яичница» современных правящих элит носит название «либерализма». В этом «либерализме» разбиты и смешаны «яйца» партий и идеологий. Если они и различаются ещё, то по мелочам. В главном, в направлении *главного удара* они едины и солидарны, хочется сказать, повязаны общей клятвой, о которой один умный англичанин на-

писал в 1928 году книгу под заглавием «The Open Conspiracy».

Открытый заговор. Параллельно со смешением партийных «яиц» смешиваются народы, нации и общества. Потому что монополярный мир — это не мир складок, противоречий и различий, а хорошо отутюженное единство. Господа в Брюсселе даже не догадываются, с какой унылой подражательностью их Европейский союз, о котором недавно одна вашингтонская кураторша выразилась с изяществом конюха: «Fuck the EU!», состряпан по модели руководства союзными республиками в Советском Союзе — с той разницей, что центр руководства последнего был-таки в нём самом, а центр первого, из которого он дистанционно управляется, расположен в Вашингтоне — в «*вашингтонском обкоме*», если угодно. Это всё тот же старый советский анекдот о еврее, который при вступлении в партию отвечал на все вопросы: «согласен», и когда один из членов комиссии перебил его: «Что вы бубните всё время: согласен, согласен! У вас что, нет собственного мнения?» — возразил: «Конечно, есть. Но я с ним категорически не согласен».

Им бы, всем этим элитным Баррозу и Тускам (число чиновников Евросоюза превышает 55 тысяч, а его содержание только в 2013 году обошлось немецкому налогоплательщику в 14 миллиардов евро), терпеливо и доходчиво объяснить, что призрак коммунизма, который снова бродит по Европе и которым бредит Европа, тянется не из Москвы. Москва сегодня — рай для инакомыслящих. Скоро (прецеденты уже налицо) сюда начнут вереницей бежать западные диссиденты, ища кров и защиту. Неблагодарные и неумные российские либералы, поносящие власть подчас на базарном уровне, даже не представляют себе, что бы их ожидало в Европе: скажем, в Германии или во Франции, — взбреди им в голову озвучить хоть крошечную толику того, о чём они, перебивая своих оппонентов, кричат в московских телепередачах. Здесь их даже близко не подпустили бы к экрану. Здесь они моментально стали бы маргиналами и отщепенцами во всех смыслах. Бедный берлинский сенатор Тило Саррацин, написавший вполне корректную по форме книгу о *самоликвидации Германии*, подвергся такой дружной обструкции со стороны элит, что имя его до сих пор упоминают с оглядкой.

«В либерализме народы находят свою погибель», — написал Мёллер ван ден Брук в 1923 году. Он просто не мог знать тогда, что либеральным в скором времени станет и столь любимый им консерватизм.

9.

Самое главное в этой тотальной идеологии — её патологичность, возведённая в ранг канона, канонизированная патология, так сказать. Классикам описания сексуальных девиаций, вроде Краффт-Эбинга и Жафф Кофейлона, даже в дурном сне не могло присниться, что извращения станут однажды социальной нормой, далее: что понимание их как извращений будет морально и уголовно преследоваться и что в шкале демократических ценностей они займут едва ли не центральное место.

Всё случилось быстрее, чем успели осознать. Педераст и перверсит вылез вдруг из подполья и стал *persona grata* и символом свободного мира. Считанные годы перевесили тысячелетия, и то, что в тысячелетиях считалось неприличным и непристойным, шумно и вызывающе заполнило пространство публичности. Старый анекдот о Фрейде: «Я не вылечу вашего сына от гомосексуализма, но я сделаю так, что он будет гордиться этим», — перестал быть анекдотом. Ему и в самом деле удалось это. По аналогии с «мы рождены, чтоб сказку сделать былью», эти были рождены, чтобы сделать былью похабный анекдот.

И не просто былью, а былью государственно субсидируемой: в рамках программ по перестройке природы, истории и морали. Вот в Германии Федеральный центр санитарного просвещения выпускает огромными тиражами брошюры, в которых родителям рекомендуется приобщать грудных детей к сексуальности — с подробным описанием того, как это делать. Но Германия по сравнению с Голландией, Швецией или, прости Господи, Норвегией всё ещё отсталая провинция. Там родителей за попытки помешать сексуальному просвещению своих детей дошкольного и младшего школьного возраста наказывают уголовно.

Рычагом этой универсальной перестройки и гласности является гендерный мейнстрим. Гендер — это вызов природе, марксизм, опущенный ниже пояса, в котором классовая борьба заменена борьбой полов в перспективе упразднения биологической разнородности. В гендерном мире вопрос о поле решает уже не природа, а хирург и нотариус. Можно полгода быть мужчиной, а остальные полгода женщиной: если знать, что и то и другое — не более чем опции нового «всечеловека».

Тут — точка схождения и приоритет западных политических и интеллектуальных элит, сговор и заговор человеколюбцев всех мастей и пошибов: от левых, правых, демократических, республиканских, либеральных, консервативных, неоконсервативных до каких угодно и — никаких. Поправка

уже не к Конституции, а к Творению: абсолютный shit и bullshit в планетарном масштабе, то, для защиты и распространения чего они готовы бомбить страны, свергать режимы, даже поставить на кон собственное существование. Короче, их последний и решительный бой.

10.

Что в этой патологии особенно бросается в глаза, так это темпы её прогрессирования и — *общеобязательность*. Нетерпимость, с которой устанавливаются и внушаются новые мировоззренческие и поведенческие шаблоны, допускает сравнение с самыми мрачными временами религиозного прозелитизма: просто здесь она подаётся под соусом демократических свобод и прав. По сути, это доведённый до совершенства тоталитаризм, центральной фигурой которого является не вождь и человек с ружьём, а телеведущий, а правом на харизму обладают исключительно боксёры, футболисты, портные, бациллоносные панк-рок-группы и эстрадные певцы.

Механизм действия системы прост и эффективен. Она не допускает никакой иной реальности, кроме той, которую санкционирует и создаёт сама. Американский генерал Шварцкопф, командующий операцией «Буря в пустыне», выразил это с трогательной прямотой солдата: «Сегодня я веду бой, а завтра узнаю из новостей CNN, выиграл ли я его или проиграл».

Это история после конца истории. Некая, с позволения сказать, постистория, или метаистория, в которой нет места ни природе, ни истории. Природа и история суть реликты, пережитки, атавизмы, вытесняемые методом мозговых штурмов. Всё решает конструкция. Или, по комедийно-мольеровской логике современного нейробиолога Герхарда Рота. Что есть всё? Всё — это конструкция мозга. Что есть мозг? Мозг — это тоже конструкция мозга.

Можно спросить дальше: что есть *безмозглость*? И ответить: тоже конструкция мозга. Безмозглость, сначала определённая как пафос, норма и цель

существования, а после уплотнённая до инстинктов и рефлексов. Европейская история, в истоках которой стоят фигуры короля и тавматурга, рыцаря и трубадура, полигистора и святого, завершается фигурой *придурка*, причём по всей шкале и во всей пестроте: от рядового до элитного.

Пример (навскидку, из последних): канцлер Германии Ангела Меркель открывает границы своей страны миллионам беженцев. Её пароль: «Мы справимся с этим». В нижнесаксонском местечке Сумте, где проживают около 100 жителей, решают разместить 1000 эритрейцев и афганцев. Бургомистр местечка робко апеллирует к арифметике: «1000 беженцев, это значит по десять на жителя». Приезжает начальство, и начинается дискуссия. «Ясно, что мы должны помочь», — заявляет, придя в себя, бургомистр. Теперь его беспокоят проблемы с туризмом. «Если в Интернете рядом с объявлениями о продаже или сдаче в аренду домиков будет стоять «Сумте», покупатели скажут «Гм». Кто-то замечает: «Мы, конечно, радуемся, что можем помочь людям, но, с другой стороны, трудно отделаться от страха за своё имущество». Ему возражает другой, пенсионер: «Я приветствую беженцев. Наша дыра от этого только выиграет». Пенсионера перебивает женщина: «Там ведь большинство — мужчины». И со святой простотой: «У них ведь потребности».

Женщину успокаивают. Главное — не паниковать. «Мы справимся с этим». Обратился же евангелический священник Ульрих Вагнер в мюнхенской газете «Меркур» с призывом организовать бесплатных проституток для беженцев. Он даже предложил пример вполне практичного решения: задействовать бордели: «По утрам, полагаю я, там не особенно заняты».

Конечно, это придурки. Можно подобрать более корректное выражение, только от этого они вряд ли перестанут быть придурками. Их целое множество. Не все, но рейтинг явно зашкаливает. По-видимому, это и есть тот самый народ, о котором говорил Жозеф де Местр. Народ, имеющий правительство,

которое он заслуживает. И обратно: правительство, которому приходится под лад как раз такой народ. Два сапога пара. Если и не надетые оба на левую ногу, то оттого лишь, что левые тут обе ноги. Ну чем же изобретательный священник Вагнер и прочие электро-ральные придурки лучше или хуже своей канцлерши и своих элит! Включая тех высоколобых интеллектуалов, которые придумали и спланировали это планетарное свинство. Мораль: вы хотели равенства, так получайте его!

11.

Они действительно хотели равенства, и они действительно получили его, только с оруэлловской поправкой. Некоторые оказались равнее. То, что они присвоили себе титул «элит», было лишь психологическим реваншем за собственный либерализм. После того как они криминализировали само понятие вертикали и отутюжили всё хоть сколько-нибудь выдающееся в горизонталь, им захотелось повертикалить самим — очевидно, по той же логике, по которой буржуазные нувориши в своё время скупали себе графские титулы, а лакеи, развалившись в креслах их бежавших или расстрелянных господ, дымили недоступными им раньше сигарами.

Вот сообразительные социологи и придумали им кличку «элиты», после чего им понадобилось лишь поверить в это и дурачить не только голосующих за них простофиль, но и самих себя. Чего они не могут, так это уследить за цепной реакцией низов, которым, по понятным причинам, тоже хочется того же. Всё вдруг, как по прикосновению царя Мидаса, стало элитным: лошади, кукуруза, сорта кофе, новостройки, обои, минеральные воды, туалетная бумага, вузы. Но если элитная кукуруза готова ещё выдать некий карнавальный смысл (наверное, о ней мечтал в своё время перестройщик Хрущёв), то из элитного вуза при всём желании нельзя выжать никакого смысла. Потому что вуз либо элитен, либо никакой, в том самом смысле, в каком осетрина может быть только одной, а именно

первой свежести. Бедный Воланд. Он стал сегодня невыездным. По сути, негодным и ни черта не стоящим. Ну где ещё, в какой столице мира нашёл бы он сегодня такого чуткого и адекватного собеседника, как Михаил Александрович Берлиоз! После того как и собеседникам угораздилось вдруг стать *элитными*.

На деле речь идёт об особо опасном вирусе, поражающем чувство адекватности и здравый смысл. С сопутствующим ущербом потери юмора и вкуса. Наличие вируса устанавливается с помощью элементарной самопроверки. Нужно просто при слове «*элиты*» подумать о французском президенте Олланде или о бывшем председателе Европейской комиссии Баррозу. Или о бывшем генсеке НАТО Расмуссене. Или о федеральном президенте Германии Гауке. Или о персонаже по имени Гжегож Схетьна. Или просто произнести: «Даля Грибаускайте». Понятно, что речь идёт о первых пришедших на ум именах. Если у вас не возникает некий душевный дискомфорт, избавиться от которого поможет короткий и решительный *смейш*, значит, с вами не всё в порядке и понадобится некоторое продолжение теста, чтобы выяснить, есть ли у вас ещё шанс на поправку или уже нет никакого. Главное, не давать дурачить себя учёными словечками типа рейтинг, маркетинг, консалтинг, тренд, бренд, стенд. Все эти хлопущки при первом же соприкосновении лопаются о простое и суровое слово *псаки*.

12.

Немецкий политик и журналист Юрген Тоденхёфер в своей недавно вышедшей книге «Внутри ИГ — 10 дней в Исламском государстве» вспоминает, как он молодым человеком встретился однажды с Индирой Ганди: «Когда я прочитал ей непрошеную лекцию о значимости прав человека для западной политики, она удивлённо спросила: «Вы действительно верите в это?» В этом удивлённом вопросе — водораздел между вменяемостью и невменяемостью, или — что то же самое — между

будущим, которое будет, и будущим, которого нет и не может быть.

Между этими двумя будущими — остановленное мгновение бесноватого из Гадары, безумие которого в сегодняшнем мире выросло на несколько порядков. Похоже, свиньи, в которых вошли его бесы, имя им — легион, во все не намерены бросаться с крутизны в море. Они сегодня, заметил где-то Леон Блуа, рассчитывают умереть от старости. Или даже надеются на бессмертие.

Всё говорит о том, что у ситуации нет политического решения. Политика испортила и погубила всё, что можно было только погубить и испортить. Даже если представить себе, что в Европе каким-то чудом к власти придут правые, они либо вынуждены будут прибегнуть к хирургическому вмешательству, что — с учётом нынешнего демографического потопа и сведённой до минимума сопротивляемости европейского организма — неизбежно приведёт к «ливи-зации» или к «сомализации» Европы,

либо сами полевеют в уже непоправимо отравленной атмосфере.

Европа пугает себя фашизмом. Но фашизм в Европе сегодня можно найти не в нелепых реставрациях символов и побрякушек, а в нескромном обаянии *антифашизма*. Это и есть самый настоящий фашизм, замаскированный либеральными ценностями и лозунгами борьбы с фашизмом. Фашизм, старый, адекватный — за вычетом горстки бритоголовых недоумков, — если и существует, то не иначе как в хорошо оплачиваемых журналистских галлюцинациях.

Тут сила и Кощеево яйцо либерализма: они не просто борются со своими противниками, но демонизируют их, отчего возрастает их собственная непогрешимость и вседозволенность. Они уверены, что могут всё. Прилюдно совокупляться в музеях или публиковать невыносимо похабные карикатуры на религиозные святыни. И не дай Бог, если им дают ответ. Их элиты, а вслед

за ними и миллионы одураченных малых берутся за руки и называют себя Шарли. Какая затяжная традиция! 10 августа 1793 года, в день годовщины падения монархии, в парижское небо запустили три тысячи птиц связанными на шее листочками: «Мы свободны, подражайте нам!» Сегодня там стояло бы: «Мы Шарли!» Можно предположить, что в случае очередной бойни в какой-нибудь похабной газетёнке переименуют Тетраграмматон, после чего сам Господь Бог будет отзывать на *Je suis Charlie*.

Последняя, вдруг упавшая в голову бессильная мысль. Америка — и в этом был её необыкновенно правдоподобный блеф — долго спасала Европу от России. А не пора ли и России начать возвращать петровский долг и спасать Европу от Америки? До исцеления тут вряд ли дотянет, но, наверное, несколько мощных инъекций здравого смысла: «Вы действительно верите в это?» — могли бы остаться не без последствий.

Так называемые «элиты» большинства «развивающихся», то есть «недоразвитых» стран, которые ранее именовались странами третьего мира, не обладают собственной объект-субъект-проектной идентичностью и, по сути, представляют собой «наёмных менеджеров», которых нанимают глобальные «центры силы». Такие периферийные, зависимые, компрадорские «элиты» практически всегда действуют против национальных интересов своих стран и народов. Как это происходит на практике, ярче всего демонстрирует пример Украины.

/ Ростислав ИЩЕНКО /

Терминаторы

О некоторых особенностях «незалежной» политической элиты

В феврале 2005 года, едва заняв пост министра внутренних дел в первом правительстве, утверждённом по итогам первого Майдана, Юрий Витальевич Луценко стал гордо называть себя Терминатором, намекая на намерение уничтожить старую систему (как минимум в МВД). В принципе, эта кличка подошла бы для характеристики всей украинской политической элиты. Знаю, что термин «элита» в данном контексте многих коробит, но не аристократами же их называть. Эти люди именно терминаторы (уничтожители). Они уничтожили всё, до чего смогли дотянуться: экономику Украины, армию Украины, законы и Конституцию Украины, аппарат государственного управления Украины. В данный момент они заканчивают уничтожение украинской государственности и довольно резко приступили к уничтожению населения территорий, входивших или пока ещё входящих в состав Украины.

Самое забавное заключается в том, что вместе с умирающим украинским государством эти люди уничтожили и собственное будущее, и будущее своих детей, и даже довольно эффективно уничтожают состояния, награбленные ими за время существования постсоветской украинской государственности. По эффективности аннигиляции породившей его политической системы и собственного политического будущего с украинской политической элитой может сравниться только Саакашвили. Не случайно он и его команда не просто получили на Украине убежище, но органично вписались в местный истеблишмент, мгновенно превратившись из грузинских националистов в националистов украинских.

БИОГРАФИЯ МОНСТРА

Прежде чем оформиться в своём нынешнем виде, украинская политическая элита прошла два этапа формирования.

Первый — 1992–1999 годы. Все украинские политики первой величины, все олигархи, все финансово-политические группы — родом из этого времени. В этот же период сформирована и идеология, объединяющая украинский

истеблишмент, делающая его (при всех внутренних противоречиях) единым целым как в выборе внешнеполитической ориентации, так и в вопросе противостояния с собственным народом.

Виктор Андреевич Ющенко, назначенный третьим президентом Украины 23 января 2005 года под внешним давлением, по итогам государственного переворота, оформленного как первый Майдан и квазигосударственно легитимированного третьим (неконституционным) туром президентских выборов 2004 года, первую высокую государственную должность (председателя Национального банка Украины) получил в 1993 году — при первом президенте Украины Леониде Макаровиче Кравчуке. При втором президенте, Леониде Даниловиче Кучме, он успел побывать премьер-министром.

Его соратница по первому Майдану Юлия Владимировна Тимошенко, возглавившая первое правительство президента Ющенко, успела поработать вице-премьером по ТЭК при том же Кучме. А до этого трудилась в связке с уже почти забытым Павлом Ивановичем Лазаренко (представитель президента в Днепропетровской области при Кравчуке, переименованный в председателя Днепропетровской облгосадминистрации при Кучме, при нём же ставший первым вице-премьером и премьером и закончивший свою политическую карьеру в американской тюрьме по обвинению в отмывании денег, полученных незаконным путём). В это время, возглавляя компанию «Единые энергетические системы Украины» (практически монополизировавшую внутренний газовый рынок Украины и имевшую многомиллиардный оборот в долларах уже в середине 90-х), Тимошенко обладала неформальным влиянием — большим, чем многие официальные должностные лица Украины, и напрямую вела переговоры и заключала контракты с «Газпромом» и с Министерством обороны РФ.

Нынешний президент Украины Пётр Алексеевич Порошенко начал политическую карьеру в 1998 году (в первую президентскую каденцию Кучмы), избравшись в Верховную раду

третьего созыва. Был одним из руководителей Социал-демократической партии (объединённой) и одним из создателей Партии регионов (обе заявляли о себе как партии власти ещё при Кучме). В правление Ющенко Порошенко последовательно занимал посты секретаря СНБО Украины, председателя совета Национального банка Украины и министра иностранных дел Украины. В президентство Януковича успел поработать министром экономики Украины.

При Кучме же начинал свою карьеру нынешний премьер Арсений Петрович Яценюк, в 2001 году, в возрасте 27 лет, назначенный министром экономики Крыма, а в 2003-м — первым заместителем председателя Нацбанка. При Ющенко Яценюк успел потрудиться министром экономики, министром иностранных дел и председателем Верховной рады.

В 1994 году занял первую заметную должность — заместителя председателя Ровенского областного совета — и вышеупомянутый Луценко, успевший ещё во время президентства Кучмы стать заместителем министра науки и технологий и помощником премьер-министра. Ныне он лидер фракции Блока Петра Порошенко в Раде.

Здесь перечислены только самые заметные, до сих пор занимающие высокие государственные должности или претендующие на них лица. При этом есть сотни менее заметных, но не менее влиятельных персон. Например, Ефим Леонидович Звягильский, поработавший первым вице-премьером и исполняющим обязанности премьера в президентство Кравчука, является единственным депутатом, избиравшимся во все созывы Верховной рады Украины с 1990 года и по сей день.

В период 1992–1999 годов были составлены и главные олигархические состояния Украины. О деятельности Тимошенко в качестве главы ЕЭСУ и её связи с Павлом Лазаренко мы уже писали выше. В 1990 году создал свою фирму «Интерпайп» (тогда занимавшуюся простой перепродажей труб, производившихся государственными предприятиями) будущий олигарх Виктор Пинчук. В его активе также сотрудничество с Павлом Лазаренко и со

вместная работа с Тимошенко в некоторых проектах. Возможно, Пинчук так и остался бы средним днепропетровским бизнесменом, если бы в 1997 году ему не удалось поменять первую жену (Елену Владимировну Аршаву — дочь заместителя заведующего Днепропетровским облздравотделом) на вторую (Елену Леонидовну, в девичестве Кучму, по первому мужу Франчук — дочь второго президента Украины). Если потолок орбиты, на который его могли вывести родственники первой супруги, упирался в схемы посреднических продаж в рамках Днепропетровской области, то родственные связи с Кучмой делали Пинчука фигурой даже не украинского, а международного масштаба. Впрочем, потеря властных позиций тестем медленно, но верно привела к кризису и пинчуковскую бизнес-империю. Сейчас назвать его олигархом можно только по старой памяти.

Похожим образом начинали свой поход в большой бизнес Ринат Леонидович Ахметов и Сергей Алексеевич Тарута в 1995 году. Первый оказался счастливым наследником взорванного на стадионе донецкого криминального авторитета Ахатя Брагина. Основал в том же году Донгорбанк, принял активное участие в приватизации, а в 2000-м свёл все свои активы в компанию СКМ, единственным акционером которой и является по сей день.

Второй в 1995 году был назначен исполнительным директором корпорации ИСД (акционером и формальным совладельцем которой является до сих пор, но контрольный пакет в 51,1% акций с 2009 года принадлежит пулу российских инвесторов). Затем с предыдущим руководством что-то случилось, и Тарута на период 1995–2009 годов стал единоличным владельцем компании.

Группа «Приват» Коломойского — Боголюбова в Днепропетровске «поднялась» после падения Павла Лазаренко во многом благодаря использованию рейдерских талантов Геннадия Корбана. «Приват» сумел принять наиболее эффективное участие в захвате активов, ранее подконтрольных Павлу Ивановичу. Впрочем, в этом дележе отметились все днепропетровские

финансовые группировки. Поэтому в Днепропетровске как огня боялся гипотетического возвращения Лазаренко, очищенного отбыванием наказания в американской тюрьме и способного потребовать возврата незаконно захваченных активов.

Возникшая ещё во время правления Кравчука так называемая киевская группа, концентрировавшаяся вокруг Виктора Владимировича Медведчука, в основном базировала своё благополучие на политическом влиянии. Систематическим накоплением активов в ней пытался заниматься только Григорий Михайлович Суркис, который в результате потерял большую часть своей собственности и политического влияния.

С 1993 года участвовал в схемах поставок туркменского газа на Украину и Дмитрий Фирташ, звёздный час которого, впрочем, наступил в 2002 году, когда началось активное вытеснение из газового бизнеса структур Тимошенко, а на их место был введён созданный Фирташем Eural TransGas.

В этот же период были сформированы и остальные (более мелкие и менее политически влиятельные) финансово-политические, в том числе территориальные (одесская, крымская, галицийская, закавказская) группы. Все украинские крупные состояния родом из середины (максимум — из конца) 90-х годов.

Таким образом, политическая элита Украины сформировалась не только как класс, но даже как замкнутое сословие в течение правления первого президента Украины Кравчука и первой легислатуры второго президента Украины Кучмы. После этого приток новых людей в ряды политической элиты был практически закрыт до 2005 года, когда части активистов первого Майдана и людям из ближайшего окружения Ющенко удалось прорваться в украинскую политику, а некоторым даже задержаться там. На деле же замкнутость элиты была частично преодолена только в ходе переворота 2013 года, когда в политические структуры массово хлынули нацистские боевики, составлявшие ударную силу второго Майдана, до сих пор являющиеся единственной силовой опорой киевской власти.

По сути, второй период формирования украинской политической элиты (2005–2013 годы) вылился в практически незаметную постороннему глазу, но достаточно ожесточённую борьбу за смену криминально-олигархической компрадорской воровской элиты, сформировавшейся на Украине в период 1992–1999 годов, криминально-идеологической, квазипатриотической, нацистской элитой, вырвавшейся на авансцену в результате двух Майданов. Эта борьба ещё не окончена. Олигархическая элита обладает в ней преимуществом, связанным с контролем ею государственных структур, с владением практикой аппаратной работы, с международными связями, а главное — наличием крупных капиталов и контролем над украинской экономикой и банковским сектором.

На стороне неонацистов — социал-популистская демагогия, отвечающая надеждам уставшего от перманентного олигархического ограбления населения, позиционирование себя в качестве «истинных патриотов», а также наличие организованных и имеющих опыт участия в боевых действиях вооружённых формирований, обладающих в том числе (хоть и в ограниченном количестве) тяжёлой бронетехникой и крупнокалиберной артиллерией.

С развитием ситуации после путча февраля 2014 года баланс сил постепенно смещается от олигархически-компрадорской к нацистской элите. Это связано с тем, что первоначальные надежды Запада на возможность стабилизации ситуации на Украине и укрепления власти путчистов не оправдались. Между тем «человеческое лицо» украинской власти в виде системных и давно всем знакомых олигархов, которые непосредственно или через своих представителей управляли Украиной последние 25 лет, было необходимо Западу только из расчёта на длительное существование украинской государственности. Начать и проиграть гражданскую войну или даже привести дело к прямому военному столкновению с Россией безумные неонацисты могут значительно быстрее и вернее.

После того как к середине 2015 года Западу стало окончательно понятно, что в силу целого ряда причин (в том числе объективных), но в первую очередь в силу клептократического характера киевского режима и абсолютного непрофессионализма его сотрудников по всей вертикали государственного управления удержать и стабилизировать ситуацию не удастся, а развал режима — дело времени, а не принципа, моральная и материальная, в том числе финансовая поддержка Западом киевской власти сократилась до крайне незначительных величин. В силу практического отсутствия внутреннего ресурса для поддержания нормальной регулярной государственности киевские власти начали «провисать», а нацистские боевики, ранее получавшие финансирование как из государственных, так и из частных источников, стали всё громче выражать своё недовольство. Вынужденный нацистско-олигархический союз (в котором олигархическая составляющая обеспечивала международную легитимацию и поступление кредитов, по сути заменивших в плане формирования бюджета украинскую экономику, а нацисты обеспечивали силовую гарантию от народных выступлений) затрещал по швам и скоро не выдержит внутреннего напряжения.

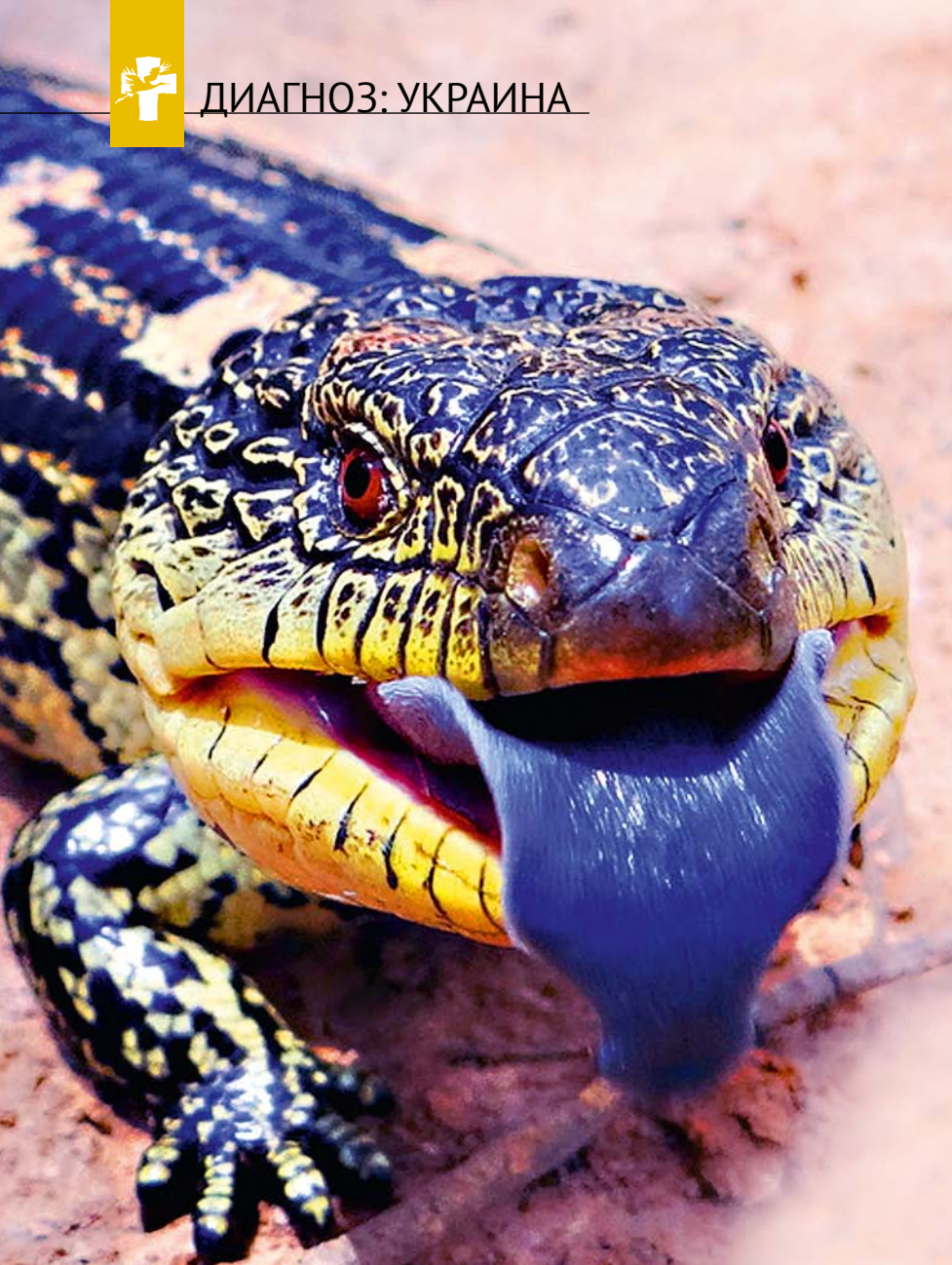
ПРИЧИНЫ КРИЗИСА

Нарастающая с 2005 года нацификация киевского олигархического режима, которая привела в начале 2014 года к гражданской войне и полураспаду государства, является логическим следствием его экономического базиса.

Изначально доступ к политической власти рассматривался украинской элитой исключительно в плане возможности быстрого обогащения за счёт передела в свою пользу бывшей общенародной собственности. Условно можно выделить три схемы моментального обогащения.

Первая — паразитирование на посредничестве при поставках украинским потребителям российских энергоносителей. В середине — конце 90-х годов на Украине бытовала поговорка, гласившая, что все крупные состояния сделаны на российском газе. Вторая поговорка гласила, что газ на Украине является президентским бизнесом. Схема была проста. По настоянию украинской стороны (под предлогом того, что государство не способно обеспечить своевременную оплату поставок газа) расчёты с российским поставщиком производила частная компания. В первые годы расчёты производились по бартерной схеме и позволяли получать сверхприбыли

за счёт махинаций с ценами товаров, поставлявшихся в уплату за газ. Затем был осуществлён переход на денежные расчёты, а сверхприбыли начали обеспечиваться за счёт разницы цены, по которой российский газ закупался у «Газпрома», и цены поставки украинским потребителям. Дополнительный доход обеспечивался при помощи принуждения (под давлением власти) всех прибыльных предприятий закупать энергоносители у соответствующего посредника по завышенной цене. В то же время убыточным потребителям — бюджетным организациям и населению, которые платили по сниженным тарифам и не всегда вовремя, газ поставлялся государственными предприятиями, входившими в структуру «Нафтогаза Украины». Естественно, часть сверхприбылей перечислялась на счета обеспечивавших «крышу» политиков. В ходе судебного процесса в США над Павлом Лазаренко эта схема была вскрыта применительно к его взаимоотношениям с Тимошенко и ЕЭСУ, но действовать не перестала (периодически, со сменой политической власти, менялись только посредники и бенефициары данной схемы). Кроме того, контроль над поставками энергоносителей на промышленные предприятия позволял (за счёт махинаций с цена-

ми) доводить привлекательные активы до банкротства и, будучи их единственным кредитором, получать контроль над ними. Таким образом в своё время получала контроль над промышленными активами корпорация ЕЭСУ.

Вторая — грабительская приватизация. В данном случае возможности политической власти использовались для получения контроля над сверхприбыльным предприятием за бесценок. В идеальном варианте государство разрешало «инвестору» выполнять «инвестиционные обязательства» за счёт будущих прибылей предприятия. То есть актив просто дарился нужному человеку, который, естественно, также обязывался делиться прибылями с обеспечившим реализацию схемы политиком.

Наконец, третью схему можно условно назвать «методом Богуслаева». Наиболее чистый с точки зрения закона и даже

наиболее выгодный с точки зрения интересов предприятия и трудового коллектива, этот метод не отменял того факта, что фактически права собственности на государственный актив переходили к частному лицу. Собственником предприятия объявлялся трудовой коллектив, между членами которого и делились акции. При этом управление и финансовые потоки оказывались под контролем его руководителя. Далее путём выкупа акций у работников или путём производства дополнительной эмиссии руководитель сосредоточивал в своих руках контрольный пакет и становился полноценным собственником. Единственное преимущество данного метода заключалось в том, что контроль над стратегическим предприятием оставался в руках профессионалов, способных обеспечивать его развитие или как минимум ритмичную работу.

Как видим, основой экономического благополучия украинской элиты было перераспределение ранее созданных активов. При этом новые собственники, за редким исключением, были заинтересованы в максимальной эксплуатации доставшихся им предприятий. Основные фонды не обновлялись, модернизация не производилась, структура максимально упрощалась. Под предлогом оптимизации и избавления от непрофильных активов уничтожалось или сбрасывалось с баланса всё, что не обеспечивало непосредственный выпуск продукции, пользовавшейся спросом на мировых рынках и позволявшей зарабатывать живую валюту.

В результате уже к началу 2000-х годов украинская экономика свелась к горно-металлургическому комплексу (экспорт руд, угля и продукции чёрной металлургии), нефтегазовому комплексу, химвпрому (экспорт удобрений), электроэнергетике (экспорт электроэнергии) и сельскому хозяйству (экспорт зерновых, семечек подсолнечника, подсолнечного масла и рапса). Высокотехнологичная сфера, кроме отдельных предприятий вроде «Мотор Сич», харьковского «Турбоатома», частично «Южмаша», преимущественно работавших на российский рынок, была уничтожена или влачила жалкое существование. После кризиса 2008 года и падения мировых цен на продукцию чёрной металлургии начал умирать ГМК, с ростом цен на газ коллапсировал химвпром. Машиностроение (в том числе и остатки предприятий ВПК) было окончательно добито в результате разрыва кооперационных связей с Россией после переворота 2014 года.

Понятно, что если только делить имеющееся, но ничего не создавать, то рано или поздно предмет дележа закончится. Олигархическая экономика Украины имела ярко выраженный пиратский характер. Точно так же, как пиратам для поддержания своего благополучия надо постоянно захватывать всё новые и новые корабли с товарами (притом что и корабли, и товары не они создают), украинскому олигархическому бизнесу для поддержания собственного существования постоянно требовались

всё новые и новые активы для приватизации. Поэтому, когда привлекательные государственные активы оказались на грани исчерпания, во-первых, усилилась конкуренция различных олигархических групп за захват оставшихся в государственной собственности отдельных стратегических предприятий (ранее не подлежащих приватизации), во-вторых, резко активизировалось рейдерство, ставшее самостоятельной отраслью экономики. Если больше нет возможности захватывать государственную собственность, значит, необходимо захватить собственность более слабого собрата-олигарха.

Такая ситуация привела к двум закономерным процессам, активно развивавшимся на Украине во вторую легислатуру Кучмы и в правление Ющенко. Во-первых, был разрушен существовавший до 2000 года олигархический консенсус, предполагавший, что государственная власть более-менее «справедливо» делит бывшую общественную собственность между олигархическими группами, а те взамен не посягают на её политическую монополию. Этот консенсус позволил Кучме, обладавшему к 2000 году исчезающе малым рейтингом, сравнимым с рейтингом Ельцина перед избирательной кампанией 1996 года или рейтингом Ющенко перед выборами 2010 года, без проблем переизбраться на второй срок. Однако практически сразу после выборов он был разрушен, что выразилось в «кассетном скандале», акции «Украина без Кучмы» и, в конечном итоге, вылилось в первый Майдан.

Во-вторых, первым пострадавшим от кризиса олигархической пиратской экономики оказался малый и средний бизнес. Именно он оказался наименее защищённым от рейдерских захватов. Именно за счёт него крупные финансово-политические группы и государственная власть начали решать свои финансовые проблемы. Олигархи, не имея возможности привлекать новые средства за счёт приватизации государственных активов, обратились к последнему источнику доходов — государственной казне. Резко выросла коррупционная составляющая финансо-

во-экономического блока правительства. Характерно, что за время правления Кучмы стандартный «откат» при получении бюджетного финансирования составлял 15–30%, а в первый же год правления Ющенко он вырос до 70–90%.

Малый и средний бизнес оказался отрезанным от бюджетной поддержки. Более того, многочисленные налоговые льготы и бюджетные дотации, которые начали выбивать в свою пользу олигархи, необходимо было чем-то компенсировать. Одним источником компенсации были иностранные кредиты, но они были по большей части связанными, и расходование средств в какой-то степени контролировалось кредиторами (первым иностранным кредитом, который был полностью беззастенчиво разворован, оказался начальный транш миллиардного кредита Дойчбанка, выданного в первые месяцы правления Ющенко на модернизацию украинской газотранспортной системы, последующие транши уже не поступили). Вторым и главным (по причине абсолютной бесконтрольности) источником компенсации бюджету недополученных с олигархов налогов и сборов было усиление налогового давления на малый и средний бизнес.

Результатом стало резкое ухудшение положения и начало разорения малого и среднего бизнеса на Украине, а это, в свою очередь, сделало данную (массовую) прослойку общества крайне восприимчивой к антиолигархической пропаганде первого Майдана. Малый и средний бизнес массово пошёл на первый Майдан.

Таким образом, у первого Майдана были две движущие силы.

Первая — это часть крупной буржуазии (олигархов), которая в условиях распада олигархического консенсуса и исчезновения базы развития пиратской экономики в виде подлежащей дележу государственной (бывшей общенародной) собственности оказалась отстранённой от рычагов государственной власти, а следовательно, предназначенной к финансово-экономическому уничтожению в интересах провластной олигархической группы, чьей кормовой базой оппозиционные

олигархи должны были стать, продлив начинавшуюся агонию режима.

Вторая — малый и средний бизнес, не имевший перспектив выживания в условиях проолигархической государственной экономической политики. Мелкая буржуазия была заинтересована в изменении сути системы с переходом власти из рук олигархов в её руки. По факту это не могло вывести Украину из состояния кризиса, поскольку не решало проблемы восстановления, модернизации и развития крупной промышленности. Но лозунги мелкой буржуазии были традиционно социальными, а значит — получали серьёзную общественную поддержку. В конечном итоге это привело к тому, что первый Майдан был поддержан социалистами (Социалистическая партия Украины), а коммунисты сохранили по отношению к нему нейтралитет, заявив, что обе борющиеся группировки (майданная и антимайданная) представляют интересы буржуазии, а потому партия трудящихся в их борьбу вмешиваться не будет.

В силу ряда объективных и субъективных причин первому Майдану не удалось разрешить межолитархических противоречий. Победившая олигархическая группировка в финансово-экономическом плане серьёзно уступала проигравшей (собственно, без иностранной поддержки она бы и не смогла победить). Кроме того, важным был тот факт, что по структуре собственности проигравшие были в основном национальными производителями (экспортёрами), а победившие — импортёрами, посредниками и владельцами банковского бизнеса (компрадорами). Поэтому, после неизбежного разрыва победившей на Майдане олигархической группировки с малым и средним бизнесом (олигархи боролись за власть в рамках системы, а мелкая буржуазия за изменение формата системы), она лишилась широкой массовой поддержки (уже через полгода после победы «оранжевой революции» на площади Независимости в центре Киева, который массово поддержал первый Майдан, наибольшей популярностью пользовались значки с надписью «Я не стоял

на Майдане!», а через год, на праздновании годовщины Майдана, Ющенко сумел собрать жалкие несколько сотен принудительно согнанных бюджетников, активистов провластных партий и акцентированных маргиналов).

ФЕНОМЕН ЯНУКОВИЧА И НАЦИФИКАЦИЯ УКРАИНСКОЙ ЭЛИТЫ

Приход к власти в 2010 году четвёртого президента Украины Виктора Фёдоровича Януковича, победу на президентских выборах 2004 года у которого отобрал первый Майдан, как раз и был обусловлен разочарованием мелкой буржуазии результатами «оранжевой революции» и утратой доверия к победившим на первом Майдане «оранжевым» олигархам.

Однако проблема на деле заключалась в том, что, колеблясь между двумя олигархическими группировками, монополизировавшими политическую надстройку в рамках базиса пиратской экономики, ни мелкая буржуазия (малый и средний бизнес), ни широкие слои населения (бюджетники и наёмные работники) на деле и не могли рассчитывать на решение своих проблем. Изменение правил игры было губительно для олигархата, поскольку лишало его конкурентных преимуществ. Грубо говоря, украинский олигарх, гордо именовавший себя «эффективным собственником», мог только отнимать и делить, причём с опорой на поддержку коррумпированной государственной власти. В связи с этим постсоветское украинское государство строилось исходя из принципов:

- Бизнес, соблюдающий законы, не может не разориться.
- Законы обязательны к исполнению всеми слоями населения, кроме олигархата и политической верхушки.
- Благополучие олигархата и политической верхушки обеспечивается системным и перманентным нарушением законов, что обеспечивает им конкурентные преимущества в экономическом соревновании с остальным экономически активным населением, вынужденным соблюдать законы.

- Пропуск в ряды элиты обеспечивает разрешение не соблюдать законы, обеспечиваемое личными отношениями с властью.

Легко понять, что в этой схеме политическая власть первична, а финансово-экономическая вторична. Вы можете быть нищим и необразованным маргиналом, но, если у вас появилась возможность действовать в обход законов, обеспечиваемая государственной властью, вы станете олигархом в течение даже не лет, а месяцев. С другой стороны, вы можете быть как угодно богаты, но, если государственная власть заставляет вас жить по закону, вас в считанные месяцы разорят, захватив и разделив между собой вашу собственность, те «эффективные собственники», которым закон не писан. Именно поэтому сменявшие друг друга у власти олигархические команды со времени распада олигархического консенсуса традиционно обвиняли друг друга в том, что власть живёт по принципу Франко: «Своим — всё, чужим — закон». Это правда: так действовала власть и при Кучме, и при Ющенко, и при Януковиче, и при Порошенко.

С этим же связаны экономический и политический феномены, сделавшие неизбежным второй Майдан. Притом что, казалось бы, у Януковича были все средства ликвидировать угрозу Майдана ещё в первый год своего президентства (2010), он фактически сам его подготовил, профинансировал, вооружил идеологически и пропагандистски, а также до последнего дня противостояния блокировал силы, способные Майдан подавить.

Не только оппоненты, но и соратники, хранившие Януковичу верность вплоть до момента его капитуляции перед Майданом и предательского бегства из страны, ставили в вину четвёртому президенту Украины стремление монополизировать не только власть, но и собственность, обвиняя его в создании новой олигархической группировки, названной в обиходе президентской «семьёй» (близкие родственники и особо доверенные сотрудники, сконцентрированные вокруг старшего сына президента Александра Януковича). Именно в президентской «ненасыт-

ности» видели они одну из двух причин второго Майдана (возможно — главную).

Нельзя сказать, чтобы критики Януковича были неправы. Он действительно активно занимался монополизацией политической власти и установлением прямого или опосредованного контроля своей «семьи» над всеми сохранившимися привлекательность активами и над любым прибыльным бизнесом на Украине. Следует, однако, понимать, что в рамках украинской политической и экономической системы Янукович и не мог действовать по-другому.

Если в 2000–2005 годах ещё существовала возможность временно решить проблемы приближённой к власти группы олигархов за счёт группы олигархов, вытолкнутых в оппозицию, то к 2010 году процесс естественного сокращения активов (за счёт износа основных фондов, потери стоимости при многочисленных переделах, падения мировых цен на основную экспортную продукцию Украины и взрывного (до десяти раз) роста цен на российские энергоносители) зашёл настолько далеко, что для поддержания функционирования системы возникла потребность в ограблении практически всего олигархата в интересах узкой группы особо приближённых к власти лиц.

Янукович интуитивно понял два главных закона системы:

- Власть рождает олигархов, перераспределяя собственность по собственному усмотрению.
- По мере исчерпания экономического ресурса, оставшегося в наследство от СССР, власть и собственность стремятся к концентрации в одной точке, наверху пирамиды (в руках президента).

До него эти две максимы также интуитивно поняла Тимошенко. Именно по этой причине, не имея возможности выйти с Ющенко на досрочные президентские выборы, она стремилась перераспределить власть в пользу премьера, превратив президента в ничего не значащую марионетку. Власть и собственности абсолютно всё равно, как будут титуловать их обладателя (президент, премьер, король или гетман). Здесь главная проблема — их концентрация в одних руках.

ПРОЦЕСС НЕКОНТРОЛИРУЕМОГО РАСПАДА

Однако неизбежное стремление власти и собственности к концентрации наверху пирамиды делало неустойчивой всю конструкцию. В результате идеальной «семье» не на кого было опираться, так как она становилась экономическим конкурентом всего общества (большого, малого, среднего бизнеса, бюджетников и наёмных рабочих). Ресурсы системы продолжали иссякать, поскольку принцип захвата и дележа имеющегося в наличии без создания нового продолжал действовать. Следовательно, продление агонии системы требовало ограбления общества в пользу «семьи» с возрастающей скоростью.

Данный тезис подтверждается работой пятого президента Украины Порошенко. Начало его правления характеризовалось жёсткой борьбой за власть с премьером Яценюком и «вольными губернаторами» вроде Коломойского. Затем, как только власть Порошенко упрочилась, ограбление общества пошло с такой скоростью, что даже сторонники переворота уже давно признают: «При Януковиче было лучше».

Второй феномен правления Януковича заключался в том, что, опираясь

на пророссийского избирателя, а также представляя промышленные регионы и олигархов-экспортёров (национальных производителей), которые были жизненно заинтересованы в сохранении тесных экономических контактов с Россией и даже во вхождении в интеграционные объединения с её участием, он тем не менее пытался проводить внешнюю политику, ориентированную на Запад, а внутри страны обеспечивал режим наибольшего благоприятствования, вплоть до прямого финансирования, нацистских организаций (включая отряды боевиков), а также резко оппозиционных по отношению к власти СМИ, экспертов и неправительственных организаций. Параллельно проводилось ползучее (но с каждым днем всё более открытое) подавление организаций пророссийских.

Этот кажущийся парадокс станет понятнее, если мы учтём, что в данной парадигме действовала вся украинская элита. Ориентация на Запад, национализм, постепенно переходящий в нацизм, и русофобия были основой идеологии всех украинских властей начиная с Кравчука. Причём развивались эти тенденции по нарастающей, практически без откатов назад.

Причина заключается как раз в значительной степени интеграции россий-

ской и украинской экономик, сохранившейся со времён СССР. Украинские олигархические группы прекрасно понимали, что они не способны обеспечить работу машиностроения и других высокотехнологичных отраслей промышленности, нуждавшихся в кооперации с Россией, своими силами. Неизбежно в случае ускоренной интеграции приоритет получали российские управленцы (как более грамотные и обладавшие большими ресурсами). Но экономическая парадигма, в рамках которой существовала украинская элита, не предполагала статуса «младшего партнёра». Если ты — не пират, который грабит, то ты — купец, которого грабят. Понимая, что в рамках партнёрства с Россией пиратом быть не получится и не веря в то, что российская экономическая модель никогда не скатывалась до голого пиратства (хоть и была к нему очень близка), а с 2000 года сначала медленно, но верно, а затем во всё ускоряющемся темпе вернулась на рельсы созидания, украинская элита исходила из того, что любое сближение с Россией ведёт к её (украинской элиты) быстрой ликвидации как финансово-экономической силы.

Западная ориентация, национализм и русофобия в результате становились тем сильнее, чем меньше оставалось

ресурсов для поддержания существующей политико-экономической модели, а группировки элиты делились на пророссийскую и прозападную чисто формально, в зависимости от предпочтений избирателей базового региона. На деле же они все были прозападными, поскольку искренне видели в России главную опасность собственному благополучию. По мере того как сокращение ресурсной базы делало систему всё нестабильнее, а необходимость кооперации с Россией всё очевиднее, у власти возникала необходимость прибегать ко всё более жёстким методам подавления естественного народного недовольства, а политический класс в целом, включая оппозицию, пользовался всё меньшей поддержкой населения.

Именно по этой причине украинский национализм (изначально русофобский) всё больше превращался в нацизм, открыто декларируя необходимость пренебречь правами человека и представительской демократией ради неких мифических «национальных интересов» (при этом в данном случае национальные и государственные интересы не совпадали, а противопоставлялись). Националисты, утверждавшие в ранние 90-е, что независимость принесёт резкое повышение уровня жизни, уже в середине 2000-х заявляли, что необходимо пожертвовать благополучием населения ради «создания нации», а в 2010–2013 годах парировали тезис о том, что интересы украинской экономики неразрывно связаны с вступлением в Таможенный союз и участием в других интеграционных проектах России, заявлением, что экономикой можно пренебречь ради «ценностей».

Неудивительно, что в таких условиях второй Майдан не мог пройти в формате мирного переворота (для этого путчисты не имели достаточной общественной поддержки) и вылился в вооружённый захват власти неонацистскими бандами. Также неудивительно и то, что противоречия между неонацистами, которые искренне считают себя новой «по-настоящему национальной и патриотичной» элитой, и захватившими власть олигархическими группировками только нарастают.

При этом в условиях нарастающего общественного недовольства и разложенных в ходе переворота силовых структур олигархическая власть нуждается в нацистских боевиках как в силе, устрашающей общество. Не случайно Яценюк объявил «сепаратизмом» любую критику власти, включая её экономические шаги. Олигархическая власть полностью исчерпала внутренний ресурс для подкупа хотя бы лояльной части общества и может существовать только за счёт силового подавления любых оппонентов. «Сепаратистами» они объявляются, чтобы оправдать внесудебные репрессии ссылкой на чрезвычайный характер ситуации (гражданскую войну).

С другой стороны, прошла инфильтрация нацистов в парламент, силовые структуры, частично в другие министерства и ведомства. Теоретически украинские нацисты уже давно (около года) обладают необходимыми для захвата власти у олигархата позициями. От нового путча Украину пока спасали только две вещи. Во-первых, олигархи нужны были нацистам для внешнеполитической легитимации власти (с Порошенко Европа была готова говорить, а с Тягнибоком — нет). Во-вторых, нацисты не имели единой партии, вроде гитлеровской НСДАП, но были разделены на массу конкурирующих, а иногда и враждующих организаций, не способных выступить единым фронтом.

Однако ситуация стремительно меняется. Олег Ярославович Тягнибок, ещё в начале 2000-х произведший ребрендинг Социал-национальной партии Украины в избирательное объединение «Свобода», в 2002 году впервые избравшийся в парламент по списку ющенковского объединения «Наша Украина», а на парламентских выборах 2012 года впервые проведший в парламент целую нацистскую фракцию «Свободы», продемонстрировал на местных выборах, что его и его политическую силу рано списали со счетов. «Свобода» фактически подтвердила свой контроль над областями Галиции (кроме города Львова, где с трудом, но сохранил позиции мэр Садовый и его «Самопомощь»). Затем, в середине ноября, лояльный Порошенко руководитель «Правого сектора» Дмитрий

Ярош был свергнут в ходе молниеносного внутрипартийного переворота, а новое руководство (состоящее из старых заместителей Яроша) фактически начало процесс превращения «Правого сектора» в силовое крыло «Свободы». Процесс объединения нацистов и разделения ролей (на цивилизованных политиков и brutальных боевиков) стартовал.

Олигархическая власть пока не в состоянии его купировать и вряд ли окажется в состоянии. У неё есть два варианта. Первый — попытаться (без особой надежды на успех) подавить нацистов силой. Но боеспособные части практически всех силовых структур в значительной степени нацифицированы и могут повернуть оружие не в ту сторону. Второй вариант — как можно скорее развязать обречённую на поражение новую военную кампанию в Донбассе. В условиях военных действий попытки выступить против власти можно квалифицировать как пособничество врагу. А дальше киевским олигархам остаётся лишь рассчитывать на то, что массы нацистских боевиков будут утилизированы в ходе боевых действий, а им, потеряв часть (возможно, даже большую часть) территории Украины, всё же удастся закрепиться хоть на каком-то её куске (например, в Галиции) и заключить мирное соглашение.

Наличный расклад сил в Раде свидетельствует о том, что главные политические силы готовятся к схватке в условиях нарастающего политического кризиса. Блок Петра Порошенко практически установил контроль над фракцией Кличко и фракцией «Народного фронта» Яценюка, вступил в неформальный союз с Оппозиционным блоком, состоящим из бывших регионалов, и таким образом обеспечил Порошенко формальное устойчивое большинство. В свою очередь, откровенные нацисты из числа представителей группы «Приват», Радикальной партии Ляшко, а также разного рода комбатов, «героев АТО» и «героев Майдана» составляют радикальную оппозицию, готовую поддержать попытку переворота. Юлия Тимошенко со своей «Батькивщиной» заняла выжидательную позицию. При власти Порошенко возвращение на ведущие политические

должности, а значит, и получение доступа к остаткам государственного ресурса ей не грозит. Поэтому она готова предложить свои услуги потенциальным путчистам как новое «человеческое лицо» нацистской власти, но хочет сыграть наверняка.

Ситуация осложняется тем, что политики, представляющие интересы олигархической элиты, готовы в любой момент предать и перейти на сторону победителя, как, например, спокойно легитимировали своим присутствием в Верховной раде и голосованием за легализацию путча депутаты от Партии регионов и даже от КПУ в двадцатых числах февраля 2014 года.

Следует, однако, понимать, что новый переворот не только не улучшит ситуацию на Украине, но и не решит проблемы украинской элиты (ни старой олигархической, ни новой нацистской). Количество доступных ресурсов в результате путча не только не увеличится, но гарантированно резко сократится. Внешняя легитимация очередного переворота будет весьма проблематичной, а значит, ни на моральную, ни тем более на материальную, включая финансовую, поддержку новой власти рассчитывать не придётся. Местные элиты окончательно выйдут из-под контроля центра (не важно, объявят они независимость официально или сделают вид, что всё

ещё подчиняются Киеву). Распад государства завершится.

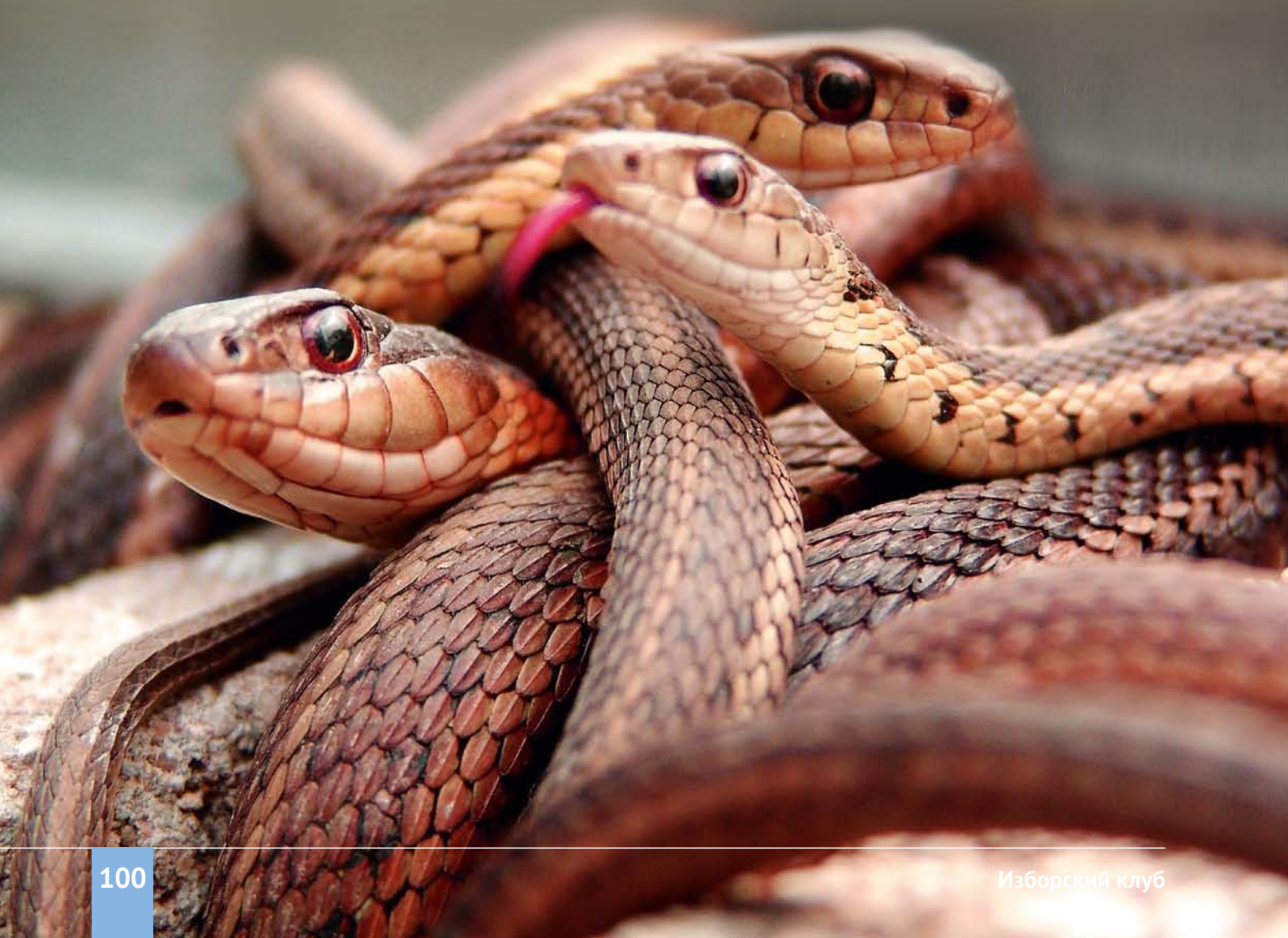
Сегодня мы являемся свидетелями последнего этапа затянувшейся в силу геополитических причин агонии украинского государства, убитого собственной политической и экономической элитой. И этап этот обещает быть кровавым. Причём наибольшему риску подвергается как раз элита, её родственники и обслуживающий персонал. Во всяком случае те, кто не успеет убежать. Поскольку же события обещают развиваться резко и неожиданно, не успеют многие.

Политические терминаторы довели свою работу до конца и нажали кнопку самоликвидации.

/Группа экспертов под руководством Александра НАГОРНОГО/

Глобальные элиты и Русский мир в начале XXI века

За прошедшие три года Изборский клуб провёл серию исследований, посвящённых современным глобальным элитам: как важнейших метарегионов (США, Китай, Европа, Исламский мир, Индия, Россия, Латинская Америка), так и «отраслевым»: финансовым, военным, религиозным, медийным, криминальным и т.д. Результаты этой работы были представлены в материалах журнала «Изборский клуб», включая два тематических номера 2016 года (№ 1 и 4), в книжных изданиях, других публикациях. В ходе этого начинания была собрана группа наиболее ярких учёных-обществоведов, политологов, экономистов, страноведов и публицистов, которые — каждый со своей спецификой, но чрезвычайно объективно, — осуществили системно-динамическую оценку этой проблематики, приоритетно значимой для позиционирования Российской Федерации на международной арене, а также для её дальнейшего существования и развития в нынешних кризисных условиях. На основе полученного материала можно сделать следующие предварительные выводы.

Первое. Глобальная элита как таковая ещё не представляет собой единый политико-идеологический и финансово-экономический комплекс с близкой перспективой формирования единого управляющего центра в виде «мирового правительства». В этой связи можно сделать заключение, что национально-государственный принцип всё ещё является главенствующим, хотя транснациональные факторы и общие финансовые активы сильно воздействуют на местные и региональные группировки, примером чего может служить проект Европейского союза.

Второе. На формирование единой элитной системы главенствующее воздействие оказывают США, которые в результате двух мировых войн и трансформации противостоящих им элитных систем, включая советскую партийно-государственную элиту и элиты Старого Света, сумели вплотную подойти к рубежу руко-

водства мировым сообществом через национальные элитные группировки, которые воспитываются под сильнейшим идеологическим влиянием Pax Americana.

Третье. Сама политико-финансовая верхушка Америки, действующая с опорой на англо-саксонскую и еврейскую элитные группы, испытывает в начале XXI века нарастающие трудности в удержании своего «глобального лидерства» — в результате как внутренней системной деградации, так и быстрого развития новых «центров силы», — таких как Китай, Индия и Бразилия. Реальный геостратегический (идеологический, экономический, финансовый, военный, информационный и т.д.) потенциал США и их ближайших союзников в форматах «золотого миллиарда», «Большой семёрки», НАТО, «коллективного Запада» и т.д. стремительно сокращается и начал уступать геостратегическому потенциалу остального мира, что неизбежно ведёт к тектоническим потрясениям как внутри Pax Americana, так и во всём мире. В самих США уже налицо конфликт между тремя главными элитными группировками: финансовой, военно-энергетической и «неотехнологической», что находит яркое выражение в ходе кампании по выборам 45-го президента США.

Четвёртое. Несмотря на внутренний системный конфликт, американские элитные группировки США сохраняют консенсус относительно «глобального лидерства США», подразумевающего, прежде всего, их привилегированный статус по сравнению с другими странами мира. «Величие Америки», «исключительная нация», «никто не должен диктовать правила игры, кроме нас» и тому подобные тезисы — не просто коммуникативные аттракторы предвыборной борьбы. Это «целеуказатели» американской геостратегии, направленной на замедление развития всех своих конкурентов и даже союзников путём «экспорта хаоса», «экспорта инфляции» — с тем, чтобы сконцентрировать у себя максимум финансового, ресурсного и креативного потенциала,

тем самым обеспечив конкурентное преимущество в переходе на новый глобальный технологический уклад.

Пятое. В настоящих условиях наиболее сильное противодействие американскому движению к формированию единого и подконтрольного им «глобального мира» оказывает, прежде всего, Китайская Народная Республика, которая сохраняет жёсткую комбинаторную коммунистическую идеологию, синтезированную с традиционными формами китайской цивилизации. Китай уже стал «экономикой номер один» современного мира и выполняет роль «аттрактора» для всех «неамериканских» и «антиамериканских» сил современного мира, включая Индию, Иран, часть государств АСЕАН и Латинской Америки, а также Россию.

Шестое. Нейтрализация, ослабление или захват геостратегического потенциала России, стоящего на «трёх китах»: военного паритета, богатейших природных ресурсов и идеологии Русского мира, — США и их союзники в нынешних условиях считают своей приоритетной задачей, поскольку Вооружённые силы РФ мешают им в полной мере использовать своё военное преимущество над остальным миром и проводить современный вариант «политики канонёрок», отсутствие «свободного доступа» западных ТНК к богатствам российских недр накладывает на их действия серьёзные ресурсные ограничения, а идеология Русского мира не позволяет установить полное доминирование в системе ценностей современного человечества. При этом в самой России на всех уровнях власти за истекшую четверть века сложилась и действует прозападная и проамериканская «агентура влияния», тесно завязанная на компрадорскую социально-экономическую модель и выступающая в качестве «пятой колонны» для США и их союзников.

Поэтому, **седьмое**, перед всеми державно-патриотическими силами Российской Федерации как государственного объекта, российского общества как социального субъекта и Русского мира как цивилизационного проекта стоит задача сохранить

свою общность, цельность и единство перед лицом агрессии «коллективного Запада».

Характеризуя современную глобальную ситуацию, следует заметить, что в истории бывают вроде бы случайные, но странные, необъяснимые и, можно сказать, символические совпадения.

Так, согласно записям арабских и китайских астрономов, 4 июля 1054 года до нашей планеты долетел свет от взрыва сверхновой звезды, на месте которой теперь располагается Крабовидная туманность. Вспышка была видна на протяжении 23 дней невооружённым глазом даже в дневное время.

Судя по всему, это «ложное солнце» должно было сиять над Константинополем 16 июля 1054 года, когда в Софийском соборе Константинополя легаты римского папы Льва IX объявили константинопольского патриарха Керулария низложенным и отлученным от церкви, что положило начало «Великой Схизме» и формированию т. н. «западной цивилизации».

Её «инкубационным периодом» можно считать эпоху Крестовых походов, начатую в 1095 году и ознаменованную первым падением Константинополя в 1204 году. Однако уже через сто лет стало ясно, что попытка западных «крестоносцев» утвердиться в Восточном Средиземноморье, бывшем тогда главным центром мировой торговли, привела к исламизации практически всех восточнохристианских государств, не поддержавших римский Святой престол. Точка в этом процессе была поставлена османским завоеванием Константинополя в 1453 году. После чего единственным некаатолическим христианским государством (с учётом личной Кревской унии Королевства Польского и Великого княжества Литовского в 1385 году, а затем Виленско-Радомской унии 1401 года) оставалось только Великое княжество Московское.

Поскольку «пробить» мусульманскую стену на Востоке «западной» цивилизации, несмотря на все усилия, не удалось, в чём особую роль сыграли

три пандемии чумы, «чёрной смерти» 1346–1369 годов, ставка была сделана на то, чтобы эту стену «обойти». Результаты оказались более чем впечатляющими и привели — в результате эпохи великих географических открытий XV–XVII веков — к глобальному доминированию сначала «западно-европейской», а в XX столетии, после Первой мировой войны, — «общезападной цивилизации», во многом на новом уровне воспроизводящей характерные черты цивилизации античной, греко-римской. Её *Mare Nostrum* вместо Средиземноморья стал весь Мировой океан, а границы «ойкумены» расширились на всю планету. Но с прекращением возможностей внешней экспансии «западной цивилизации» её глубинные идеологии: «Быть или не быть?» (Гамлет у Шекспира) и «Остановись, мгновение!» (Фауст у Гёте) явным образом перестали быть реально продуктивными, через деятельность транснациональных корпораций и ведущих государств «коллективного Запада» они превратились в паразитические и саморазрушительные.

В этих условиях, как отмечалось нами в докладе «Элиты» и глобальный мир XXI века («Изборский клуб», № 1, 2016): «Главные задачи, стоящие сегодня перед человечеством, можно сформулировать следующим образом: — предотвратить глобальную катастрофу; — минимизировать текущие потери в ходе глобального системного кризиса; — найти новую «траекторию развития» человеческой цивилизации. Вернее, это даже не три разные задачи, а одна триединая задача — проект, для реализации которого пока, очевидно, не существует адекватного субъекта, — ни в масштабе всей планеты, ни в масштабе каких-либо государств или межгосударственных объединений».

Исходя из материалов проведённых исследований (которые далеко не закончены и будут продолжаться), можно выдвинуть предположение о том, что такой субъект сегодня фор-

мируется на основе двух взаимосвязанных процессов: формирования российско-китайского стратегического союза, дошедшего пока только до политического уровня, и противостояния двух «элитных» антикризисных сценариев на «коллективном Западе», вступивших между собой уже в открытый конфликт. Причём, как это почти всегда бывает в конфликтных взаимодействиях «больших систем», «пожар» идёт от их периферии к центрам, «пограничные бои» сменяются «захватами столиц». Данное положение можно проиллюстрировать на примере текущей президентской кампании в США.

ИСХОДНЫЕ ПОЗИЦИИ

После уничтожения в 1991 году Советского Союза «коллективный Запад» во главе с Соединёнными Штатами провозгласил победу «однополярного мира» и «конец истории», некогда предсказанный классиками марксизма, — правда, в «коммунистическом», а не в «либеральном», как получилось на деле, варианте. США утвердились в роли единоличного «глобального лидера», определяющего не просто «правила игры», но и «быть или не быть».

Это «глобальное лидерство» означало формирование *Pax Americana* («американского мира», или «мира по-американски»), будучи реинкарнацией давнего *Pax Romana* («римского мира»). За прошедшую четверть века США нарастили свой долг с 3,2 трлн долл. в 1990 году до 19,2 трлн долл. в 2015 году. Суммарный накопленный торговый дефицит «глобального лидера» за этот же период приближается к 13 трлн долл. И если задаться вопросом о том, что же все эти годы «продавала» Америка внешнему миру, то самый общий и самый точный ответ на него прозвучит так: она продавала своё «глобальное лидерство», получая взамен реальные товары и услуги.

К началу 2016 года полученный ранее запас «глобального лидерства» США, можно сказать, истрачен полностью: причём не только в «позитивном» аспекте, как было до 2001 года,

но и в аспекте «негативном», когда «глобальное лидерство» сохранялось путём предложенного и осуществлённого «неоконсерваторами» («неоконнами») экспорта «управляемого хаоса» в различные точки планеты.

У любого лидера есть два пути: или расти и совершенствоваться самому, или унижать и ослаблять других. США в настоящее время уже не могут ни того, ни другого. Де-факто они уже перестали быть «глобальным лидером» и остаются таковыми разве что в речах американских политиков. Китай, несмотря на все ухищрения американской статистики, стал первой экономикой мира и крупнейшим держателем золотовалютных запасов. С военно-политической точки зрения Россия успешно противодействует американской стратегии «управляемого хаоса» как в Сирии, так и на Украине. Остальной же мир видит сегодня в «дяде Сэме» только глобального паразита и глобального агрессора, препятствующего нормальной жизни и развитию остального человечества. Пожалуй, это — основной и невосполнимый ущерб для США как государства.

Конечно, формальных военно-политических союзников у Америки сегодня больше, чем у кого бы то ни было на планете, но эти союзники — союзники даже не «из интереса», а из страха, — выбирают этот статус прежде всего для того, чтобы самим не попасть под сокрушающий удар «американской дубинки»: о каком-либо совместном развитии или даже о надеждах что-то приобрести от новой добычи «белоголового орлана» для них после Ирака и Ливии даже речи не идёт: лишь бы ничего не потерять, и пусть «они» умрут сегодня, а «мы» — потом... Немногие, весьма малопривлекательные и весьма недолгие исключения типа ИГИЛ (*террористическая организация, запрещённая в России*. — «ИК»), украинских неонацистов-бандеровцев или Эрдогана лишь подтверждают это правило. «Еды» Америке уже «не хватает» самой.

При этом не стоит забывать о неизбежной «инверсии» отношений патрон — клиент в рамках концепции «однополярного мира», когда различные группы американской «элиты» оказываются связаны с различными группами «элит» ближней

и дальней периферии Pax Americana, что оказывается существенным фактором возникновения и углубления конфликта в самой метрополии. Так, в Древнем Риме гражданским войнам предшествовала Югуртинская война, а партии «оптиматов» и «популярных» при небольшой коррекции «исторической оптики» вполне могут быть соотнесены с республиканской («красные», «слоны») и демократической («синие», «ослы») партиями в современных США.

Разумеется, все аналогии или проекции подобного рода не будут являться адекватной моделью действительности, но определённую «нить Ариадны» в лабиринте современного глобального системного кризиса они дают, а большего от них ждать и не приходится.

США: ВНИЗ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВНИЗ

Одним из признаков утраты Соединёнными Штатами позиции «глобального лидера» является углубляющийся после консенсуса 2001 года (события 9/11) раскол между американскими

политическими элитами, который вылился в беспрецедентную по своему характеру президентскую кампанию 2016 года, главный водораздел которой пролегает вовсе не по партиям и штатам, а по приверженцам прежнего «статус-кво» и, условно говоря, «революционным популистам» — с нарастанием преимущества последних.

Если ещё в начале 2016 года Дональд Трамп у республиканцев и Берни Сандерс у демократов выглядели типичными «спойлерами», функцией которых была концентрация и последующая канализация протестных настроений американского общества: как «правых», так и «левых», — в пользу «системных» кандидатов типа Джеба Буша и Хиллари Клинтон, то сегодня, когда избирательная кампания 45-го президента США подходит к ключевому пункту партийных съездов, политический пейзаж выглядит совершенно иным, словно после тайфуна или землетрясения.

Дональд Трамп, скандальный нью-йоркский мультимиллиардер, сделавший своё состояние на строительном бизнесе, азартных играх и шоу-бизнесе, уже к началу мая остал-

ся единственным кандидатом «красных», не только нокаутом «выбросив за канаты» всех своих многочисленных оппонентов, от Джеба Буша до Теда Круза, но и, несмотря на оголтелую диффамационную кампанию, преодолев сопротивление значительной части республиканской партийной машины, многие функционеры которой заявляли: «Кто угодно, только не Трамп!» — вплоть до обещаний голосовать за Хиллари Клинтон. Это выдвижение означает прорыв в высшую политическую лигу США представителя дотоле «маргинальных» группировок американской «элиты» — судя по всему, при поддержке «периферийных» элит «коллективного Запада». От гарантированного выдвижения съездом «красных» в Кливленде, намеченного на 18 июля, отделяет меньше сотни депутатских позиций. Их он получит не позднее 7 июня, когда проголосуют Калифорния, Монтана, Нью-Мексико, Северная и Южная Дакота. Поскольку Трамп родился 14 июня 1946 года, это будет для него неплохим подарком к собственному юбилею...

Конечно, нельзя исключить, что республиканские элиты попыта-

ются каким-то образом саботировать на партийном съезде окончательную номинацию Трампа, но вряд ли эти попытки увенчаются успехом — остановить The Donald'a можно только неким физическим образом, как это уже не раз случалось в США в прошлом. Но надо ли реальным хозяевам политического и финансового мира Америки останавливать «выскачку» Трампа? Не является ли он всего-навсего подставной фигурой политического театра, где сценарий, режиссура и актёрская игра (не только главного героя, но и его соперников) направлены на успешное продвижение нового политического продукта как внутри американского общества, так и на внешних рынках? Ответ на эти вопросы нам ещё предстоит получить: как в ходе дальнейшей избирательной кампании, так и после выборов 8 ноября 2016 года.

Стоит отметить, что в своей триумфальной кампании праймериз, то есть первичных выборов внутри партии, Трамп сыграл на серьёзнейшем недоверии значительной части населения США, так называемого среднего класса, и WASP (белых англосаксов-

протестантов), падением уровня жизни, который сейчас фактически вернулся к показателям 1958 года. Ещё одной составляющей протестного голосования широких масс американцев является неприятие ими идеологии «политкорректности и толерантности», под флагом которой осуществляется демонтаж привычного образа жизни.

Восемь лет президентства Барака Обамы стали пиком внутриамериканской «цветной революции», с привилегиями «небелому» населению, беженцам-иммигрантам, сексуальным и конфессиональным меньшинствам, в первую очередь — мусульманам.

Повторимся: все эти процессы шли на фоне падения реального уровня жизни, реальной занятости и реального уровня доходов большинства населения Соединённых Штатов. Прибавьте к этому гигантский рост задолженности всех структур американского государства и общества, от федерального бюджета до домохозяйств, — так что нет ничего удивительного в том, что самый откровенный и «неполиткорректный» критик нынешнего статус-кво, причем критик «справа», получил такую ошеломляющую поддержку избирателей.

При этом не надо забывать, что сам Трамп — вовсе не плоть от плоти среднего класса и «васпов». Он — мультимиллиардер, сын мультимиллионера, а его давние и прочные связи с «несистемными элитами», контролирующими игорный бизнес в США (да и повсюду в мире), являются бесспорным фактом. Не учитывать эти моменты, оценивая успех Трампа и прогнозируя его дальнейшие действия, нельзя. Сейчас в России — прежде всего в околоскремлёвских кругах — налицо некая «трампомания», поскольку Трамп, единственный из всех участников президентской гонки в США, достаточно позитивно отзывался о России и президенте Путине. А раз так, считают «трампоманы», с ним можно будет договориться «по понятиям», как некогда удалось договориться с Джорджем Бушем-младшим. Удивительная близорукость! Возможно, она усиливается тем фактом, что и российские, и евро-

пейские, и прочие либералы, и многие авторитетные американские республиканцы предпочитают демонстрировать своё неприятие Трампа как «расиста» и «непрогнозируемого» политика, высказываясь в пользу Хиллари Клинтон.

Но Трамп даже против Клинтон выступает только до тех пор, пока их «спонсоры» не договорятся между собой. Трамп готов дружить с российскими элитами, чтобы оказывать совместное давление на «спонсоров» Клинтон, — то есть только до тех пор, пока те упрямятся и надеются или вообще не делятся с теми, кто стоит за Трампом, или же делятся какими-то второстепенными активами.

Поэтому те пропагандистские схемы и обещания, которые сегодня можно слышать от Трампа, не стоит воспринимать всерьёз — делать он будет ровно то, что ему говорят его спонсоры.

У Хиллари Клинтон, «победительницы Никсона и Каддафи», которую считают основным «системным» кандидатом крупного транснационального капитала, ситуация куда менее благоприятная. Её главный и единственный внутрипартийный конкурент, сенатор от штата Вермонт Берни Сандерс, несмотря на вроде бы катастрофическое отставание в депутатских позициях, продолжает выигрывать одни праймериз за другими.

Да, до гарантированной победы на съезде «синих» (25 июля, Филадельфия) «миссис Бай» остаётся всего ничего: меньше сотни «уполномоченных», в то время как Сандерсу — более 800, а в оставшихся штатах будет «разыгрываться» чуть больше 700 «связанных» голосов. Но в этом-то и заключается главная интрига: свыше 600 «свободных» «суперделегатов» демократического съезда (у республиканцев такая привилегированная прослойка аппаратчиков с правом голоса отсутствует), 590 из которых пока числятся в сторонниках Хиллари Клинтон, вполне могут изменить свою позицию — сделать это им принципиально ничто не препятствует.

Отмеченное выше противостояние «верхов» и «низов» в ходе демократи-

ческих праймериз показало не только неожиданно широкую, но и постоянно растущую поддержку избирателями квазисоциалиста Берни Сандерса, который в своих заявлениях и документах бросал открытый вызов Уолл-стриту и его представителю Хиллари Клинтон. И надо сказать, что эта популярная демагогия (поскольку Сандерс тоже «играет роль») не только до сих пор сохраняет электоральную интригу внутри формально «правительственной» партии США, но и вполне может сказаться на формировании окончательной выборной платформы Хиллари Клинтон, потребовав от неё «дрейфа влево». Не исключено, что в её команду войдёт и сам Сандерс, который не только одержал победу более чем в половине проголосовавших штатов, но может стать своего рода «демократическим анти-Трампом», способным противопоставить зажигательной «правоконсервативной» риторике нью-йоркского миллиардера не менее яркую «лево-социалистическую» риторiku, его среднему классу и «васпам» — своё «потерянное мясное поколение».

Череда внутрипартийных поражений в штатах плюс явное неумение вести публичные дискуссии и «держат удар» делают супругу 43-го президента США аутсайдером в предполагаемой схватке с Трампом. И то, что, например, после поражения на праймериз в штате Вашингтон Клинтон отказалась от дебатов на Fox news с Сандерсом, мотивировав это тем, что не намерена терять время и хочет сосредоточиться на подготовке к «испытанию Трампом», по меркам американской политики вообще является если не проявлением высокомерия или банальной слабости и трусости, то плохим тоном, который для политика, претендующего на президентский пост, тем более недопустим.

Так что если госпожа Клинтон намерена продолжать в том же духе, то Сандерсу остаётся с максимальным отрывом одержать победы в большинстве из оставшихся штатов, прежде всего в Калифорнии, где «на кону» стоят 475 депутатских мест, сократив или даже преодолев нынешнее, во-

все не катастрофическое отставание в «связанных» голосах (около 150). И тогда на съезде в Филадельфии будут не исключены, мягко говоря, неожиданности.

При этом официальным кандидатом от «синих» может стать не только Берни Сандерс, но и некая третья сила, в качестве которой всё чаще называется нынешний вице-президент США Джозеф Байден. Конечно, «старина Джо» по уши завязан в делах «команды Обамы» и своих собственных (взять хотя бы нынешнюю украинскую эпопею или дела компании Halliburton — в Ираке, Сирии и на всем Ближнем Востоке). Конечно, он представляет штат Делавэр — негласную столицу американского офшорного бизнеса, через своего главного лоббиста ведущего жёсткую глобальную войну со всеми конкурентами: от швейцарских «гномов» и ватиканских кардиналов до британской королевы и китайских «мандаринов».

Но выдвижение Байдена, по сути, единственный шанс «остановить Трампа», не прибегая к помощи леворадикального Сандерса, то есть сохранив статус-кво США от угроз любого резкого поворота: как «правого», так и «левого», как «белого», так и «цветного». Хиллари Клинтон, даже в неизбежной связке со своим супругом, который в случае избрания первой женщины-президента будет исполнять при ней роль «принца-консорта», на эту функцию просто не тянет — с каждым днём эта неприятная для олигархической Америки истина становится всё очевиднее. И какие-то меры по преодолению этого дисбаланса ей неизбежно придётся предпринимать.

Если же, подобно сейсмологам, обращать внимание на «малые толчки» — «форшоки», как правило, предшествующие главному удару, то их совокупность: от передачи поста главнокомандующего силами НАТО в Европе от Филипа Бридлава Кертису Скаппаротти до смены посла в Киеве, где творец и куратор Евромайдана Джеффри Пайетт освобождает место для Мари Йованович,

трудившейся здесь ещё при Джордже Буше-младшем, — свидетельствует скорее о том, что 8 ноября 2016 года победу на выборах отпразднует представитель не демократической, а республиканской партии.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В США И ГЛОБАЛЬНЫЙ РАСКОЛ ЭЛИТ

Кто бы ни стал следующим «хозяином Белого дома», важно, прежде всего, то, с какими реальными острейшими проблемами он (или она) столкнётся и каким образом будет их решать. Проблемы эти комплексные и системные, с глубокими корнями и давней историей.

Прежде всего в предстоящее десятилетие США будут неуклонно терять своё глобальное экономическое и финансовое доминирование. Весь ход развития мировой экономики показывает, что среди лидеров роста до 2025 года будут оставаться Китай, Индия и Бразилия, а также ряд государств Азиатско-Тихоокеанского региона. Этот рост будет сопровождаться демографическим ростом, что приведёт к синергетическому геостратегическому эффекту: следом за ростом населения и ВВП неизбежно последуют научно-технологические и военно-политические прорывы, эти страны ворвутся в освоение Мирового океана и космоса, так что их растущий потенциал даже в отсутствие прямой конфронтации будет объективно подрывать глобальную гегемонию Соединённых Штатов.

Далее, в этих условиях практически неизбежным становится нарастание противоречий между США и ведущими европейскими государствами. Это и финансово-экономический конкурентный аспект, который будет дополняться растущим пониманием того, что схемы с миграцией и государственными переворотами в критически важных для ведущих европейских держав регионах мира устраивают США, тем самым ущемляя их интересы.

Кроме того, в ближайшее время — возможно, даже сразу после

президентских выборов 8 ноября — повышается вероятность краха ряда финансовых мегаструктур (JPMorgan, Morgan Stanley и др.). В пользу такого предположения свидетельствует уже ставший достоянием гласности скандал между ними (за исключением Goldman Sachs) и ФРС. Председатель Федерального резерва Джанет Йеллен направила в их адрес «письма смерти» с требованием выправить внутренние балансы. Чего сделать управляющие и владельцы этих мегабанков не в состоянии, поскольку их активы давно ушли на простор биржевых игр и не могут быть возвращены оттуда в заданные сроки. Отсюда следует сценарий усиленного повторения истории банкротства Lehman Brothers и больших неприятностей для всей мировой экономики, включая экономику США, что приведёт к обвальному падению уровня жизни американцев. В ходе праймериз эта перспектива, кстати, всерьёз обсуждалась тем же Трампом.

Ещё один уровень проблем связан с внешней политикой, где Вашингтон всё острее чувствует конкуренцию со стороны коммунистического Китая. В условиях глобального кризиса весь мир всё менее склонен следовать либеральной модели управления экономикой и переходит на различные варианты госуправления, что неизбежно входит в острый конфликт с интересами слабеющих американских ТНК. И что бы наши поклонники Америки, вроде Грефа и Чубайса, ни говорили об американском «научном и управленческом скачке» на следующий уровень цивилизационного развития, фундаментальных проблем, стоящих перед нынешним глобальным лидером, это не отменяет и не решает. Но именно из них будет исходить в своей деятельности 45-й президент США.

Таким образом, можно констатировать, что в 2017 году США предстоит включить «мобилизационную модель американского типа». Это означает, что Вашингтон должен будет отстаивать свою гегемонию — прежде всего военно-политическим средствами. А это ставит вопрос о том, с кем США могут столкнуться и вы-

играть, а кто является неодолимым противником. И здесь ответ ясен. Идти на открытый конфликт с Китаем опасно и бессмысленно — тем более когда не можешь победить даже КНДР как первую линию китайской обороны. Удержат Евросоюз в политической узде можно исключительно в рамках нового цикла холодной войны. Бразилию и другие страны третьего мира — кроме России — можно задавить очередной «цветной революцией».

Однако если внешнеполитическая платформа Хиллари Клинтон, несомненно, будет попыткой «расширить и углубить» управляемый «экспорт хаоса» из США на весь остальной мир, а о подобной платформе Сандерса сказать пока нечего, то Дональд Трамп 27 апреля озвучил свою внешнеполитическую программу на площадке журнала *National Interest*, издаваемого Никсоновским центром. Результат получился весьма любопытным.

Не вдаваясь во все подробности, отметим только самые главные и существенные моменты. В том порядке, в котором изложил их сам кандидат.

Момент первый. Союзники США должны больше платить за свою без-

опасность, которую предоставляют им американские вооружённые силы и другие силовые структуры. Что будет представлять собой на практике подобный «налог на безопасность», пока сказать трудно, но ясно, что он не ограничится пресловутыми 2% бюджетных расходов на военные нужды в рамках НАТО.

Момент второй. «Администрация Трампа возглавит свободный мир, который будет должным образом вооружён и в достаточной мере обеспечен финансированием». «Всем нашим друзьям и союзникам я говорю: Америка снова станет сильной. Америка снова будет надёжным другом и союзником. У нас снова появится последовательная внешняя политика, основанная на интересах США и общих интересах с нашими союзниками. Мы больше не будем заниматься построением государств, а вместо этого сконцентрируемся на поддержании стабильности в мире. Сильнее всего мы были в те периоды времени, когда наша политика заканчивалась у границ США». «Мы разработаем, построим и купим лучшее оборудование, которое только есть на Земле.

Наше военное превосходство должно быть бесспорным. Однако мы будем делать запасы и расходовать деньги с умом. В текущую эпоху растущего долга ни один доллар не должен быть потрачен зря». «Я не стану колебаться и применю военную силу там, где это будет необходимо. Но если Америка вступает в борьбу, она должна выйти из неё победительницей». Это означает, прежде всего, гарантированный «золотой дождь» для корпораций американского ВПК — вполне традиционная для республиканцев политика.

Момент третий. Трамп намерен полностью поменять кадровый состав структур, принимающих важнейшие военно-политические решения. «Пришло время пригласить новых людей и рассмотреть новые концепции». «Я буду искать талантливых экспертов с их новыми подходами и практическими идеями, вместо того чтобы окружать себя людьми с идеальными резюме, не обладающими при этом никакими особенными способностями, кроме ответственности за длинную историю провальной политики и непрерывные поражения на войне». Это открытое «иду на вы!» «неокон-

серваторам» и тем силам, которые их по-прежнему поддерживают.

Момент четвёртый. Обещая стабильность интересов американского народа и безопасности США превыше всего, провозглашая принцип «Америка в первую очередь», Трамп чрезвычайно близко подходит к повторению концепции «Deutschland über alles». О том, что современное американское общество находится в глубочайшем системном кризисе, а потому в нём возник и крепнет запрос на «своего Гитлера», уже не раз говорилось. Разумеется, Трамп не хочет выглядеть «новым Гитлером» — он хочет выглядеть «новым Рузвельтом», но для этого необходимо, чтобы крупный транснациональный капитал снова сделал главную военно-политическую ставку на США, а не на какой-либо иной «центр силы» современного мира.

Для этого нужен возврат производств и рабочих мест реального сектора экономики на территорию США. Для этого нужно подавляющее американское превосходство в военной и невоенной силе. И последнее: для этого нужен хотя бы один по-настоящему крупный конфликт за пределами США: российско-европейский, или российско-китайский, или российско-исламский, или китайско-индийский, или исламско-китайский, — а в идеале все они или хотя бы несколько из них одновременно.

Момент пятый. При этом Трамп предлагает крупному капиталу «уйти в тень», поскольку большая политика — дело государств, а не транснациональных корпораций, у которых совсем иная «система ценностей», с иными приоритетами, а попытки реализовать эту схему на международной арене

чреваты сломом того государственного «меча», которым привыкла размахивать «империя доллара».

Момент шестой. «Союзником США номер один» нью-йоркский миллиардер назвал... Нет, не Великобританию, и не Европу, а Израиль. «Израиль — наш главный союзник и единственная демократия на Ближнем Востоке». При этом «сдерживание распространения радикального ислама должно стать одной из главных задач внешней политики США...»

Наконец, момент седьмой, тесно связанный со всеми предыдущими. Трамп предлагает, по сути, пересмотр всей военно-политической карты мира, не предлагая России «дружить с Америкой против Китая», но открывая дверь для переговоров в этом направлении. «Я считаю, что уменьшение напряжённости и улучшение отношений с Россией — с позиций силы — возможно. Здравый смысл подсказывает, что этот цикл враждебности должен завершиться». Но в случае несогласия Кремля на «предложения Белого дома, от которых нельзя отказаться», вполне возможен новый цикл враждебности.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В США И РУССКИЙ МИР

Можно ли России ждать чего-то хорошего от 45-го президента США? Нынешние позиции Кремля, несмотря на все успехи, по-прежнему выглядят недостаточно прочными перед лицом глобальной американской мощи — тем более что значительная (если не вся) часть российского истеблишмента (особенно — его финансово-экономического блока) представлена как раз патентованными сторонниками «либерального глобализма» «неоконсервативного» образца. А весь спор идёт, по сути, лишь о том, чтобы занять в этой модели более высокую и привилегированную позицию, нежели отводимая сегодня для российской клиентуры «вашингтонским обкомом».

Тем не менее даже в столь неблагоприятно складывающейся для нашей страны обстановке сохраняются неко-

торые варианты в целом относительно позитивного как для российского государства, так и для российского общества развития событий. Подчеркну: позитивного — лишь в целом, то есть по балансу приобретений и потерь и лишь относительно других весьма возможных вариантов. И тут нюансы, отличающие Клинтон от Трампа и наоборот, необходимо учитывать и использовать.

Прежде всего речь идёт о степени жёсткости и длительности экономических санкций против России со стороны «коллективного Запада», которую определяют в США и в Вашингтоне.

Также это военно-политическое давление по всему периметру наших границ: с вводом войск НАТО в бывшие союзные республики СССР и с установкой элементов американской ПРО в бывших соцстранах (приветы Горбачёву с Ельциным!). Главное в американской стратегии ближайшего времени, *sine qua non*, — это подавление путинской России, которая является одновременно самым слабым, но и самым опасным звеном в цепи потенциальных противников США. Современная Россия, с её всепроникающей системой коррупции, с её приверженностью к обанкротившейся либеральной модели управления экономикой при «отрицательных темпах роста» (перл от премьера Медведева), с её слабеющей политической системой, с её распадающимися социальными, научно-техническими, образовательными и медицинскими структурами, в принципе, не может долго противостоять напору «вашингтонского обкома». Следовательно, как Дональд Трамп, так и Хиллари Клинтон, сделав пустячные «жесты примирения», очень быстро пойдут в решительное наступление против РФ, используя для этого уже опробованные, но более мощные инструменты жесточайшей финансовой изоляции, провоцирования гибридных войн по окраинам и на границах РФ (с упором на использование «салафитского интернационала»), а также стимулируя внутреннюю дестабилизацию как через своих сторонников внутри страны,

так и через третьи страны — такие как Украина, Турция, Ближний Восток.

Далее, по максимуму будет задействована проамериканская «агентура влияния» в нашей стране: как находящаяся в оппозиции, так и стоящая у рычагов власти. Такие ярые сторонники американского образа жизни и либерально-монетаристской модели управления экономикой, как Набиуллина, Силуанов, Улюкаев, Греф и т.д., вплоть до Кудрина, Шувалова и Чубайса, весьма зависимы от позиции официального Вашингтона. То же самое касается и открытых «антипутинцев», от Прохорова до Навального. То есть любая смена доминирующего политического вектора за океаном скажется на текущей идейно-политической ситуации не только во всём мире, но и в России.

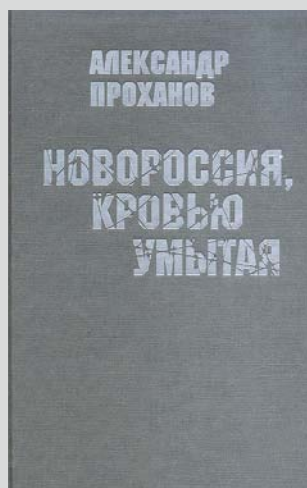
В случае победы Хиллари Клинтон, которая была и остаётся одним из самых жёстких критиков Путина и России в американском истеблишменте, готова устраивать «цветные революции» не только вблизи границ России, но и внутри самой России, чтобы «взять реванш» за проигранную ею на посту госсекретаря США «болотную революцию» зимы 2011–2012 годов в Москве, это проявится резким усилением конфронтации между Вашингтоном и Москвой. Она, несомненно, ещё охотнее и последовательнее будет пользоваться советами «гарвардской группы» во главе с Дж. Наем, автором концепции «мягкой силы» и ведущим идеологом Демократической партии.

В этом смысле победа Хиллари означает для путинского Кремля неизбежное и практически моментальное усиление и ожесточение конфликта с США и «коллективным Западом». В отличие от Клинтон, которая, скорее всего, включит всю эту атакующую машину практически сразу после инаугурации, Трамп обещает некоторое время демонстрировать внешнюю лояльность и готовность к диалогу — на неприемлемых для РФ условиях — с тем, чтобы войти в фазу прямой конфронтации спустя 8–10 месяцев после своего вступления в должность. Не исключено, что будут различаться

и некоторые нюансы в использовании средств ведения антироссийской гибридной войны. Трамп, вероятнее всего, будет делать акцент на военно-политические системы давления и тотальную банковскую изоляцию, а Клинтон, по примеру Картера и Бжезинского, станет уделять важнейшее внимание исламским движениям, вплоть до восстаний на российской территории и на Ближнем Востоке в сочетании с финансово-экономической удавкой.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать выводы о том, что для России во взаимодействии с «американскими партнёрами» не существует какого-либо стратегического выбора, помимо открытого конфликта, и с этой точки зрения победа на президентских выборах Дональда Трампа даст нашей стране только небольшую (от полугода до года) тактическую «передышку», эффективно использовать которую вряд ли удастся по причине сохранения либерально-монетаристского курса «вашингтонского консенсуса» внутри страны. Плюс некоторые дополнительные оперативные возможности вследствие поэтапного развития конфронтационного сценария. Но это всё равно лучше, чем почти моментальная и полномасштабная схватка в случае президентства Хиллари Клинтон.

С другой стороны, имеющийся у России временный ресурс может и должен быть использован для перевода российско-китайского стратегического союза на идейно-символический уровень, что решит «сверху» не только экономические, но и политические проблемы взаимодействия, а также качественно изменит объект и, соответственно, уровень антироссийской агрессии со стороны «коллективного Запада» во главе с США. Если такой перевод состоится, то, как говорил товарищ Сталин, «враг будет разбит, победа будет за нами». Впрочем, это отдельная большая тема, требующая самостоятельного исследования.

Александр ПРОХАНОВ. Новороссия, кровью умытая. Передовицы. — М.: Книжный клуб «Книговек», 2016. — 368 с.

Редакторские передовицы Александра Проханова в газете «Завтра», а ранее — в газете «День» представляют собой особый синтетический жанр на стыке политической публицистики и художественной литературы. Жанр, который за четверть века своего существования не просто доказал свою жизнеспособность и востребованность российским обществом, но и открыл новый, говоря словами Михаила Бахтина, «хронотоп», в котором будущее нелинейно сосед-

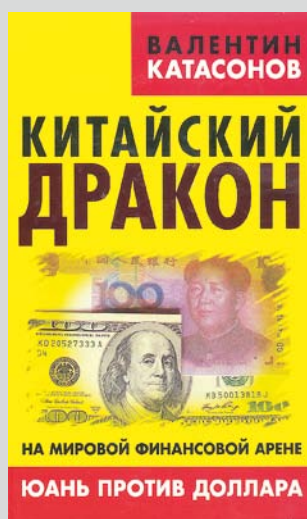
ствует с настоящим и прошлым, а национальные границы носят не столько географический, сколько духовный характер. В каком-то смысле прохановский прорыв в этот «хронотоп» сопоставим с гагаринским прорывом в космос и Победой 1945 года — величайшими достижениями русской цивилизации, Русского мира, которые задали всему человечеству новую систему ценностей и новую «систему координат» для его деятельности.

Андрей ФУРСОВ. Мировая борьба. Англосаксы против планеты (серия «Игры мировых элит»). — М.: Книжный мир, 2016. — 512 с.

Особая роль в мировой истории, которую на протяжении последних четырёх веков играла Великобритания, обычно подаётся как исполнение «цивилизаторской миссии» англосаксонской цивилизации, которая принесла всему миру ценности научно-технического прогресса, «рыночной экономики», личной свободы и представительской демократии. Даже институт монархии, который до сих пор сохраняется в Ве-

ликобритании правящим домом Виндзоров, подаётся как дань исторической традиции, своего рода политическое чудожество жителей туманного Альбиона... Андрей Фурсов безжалостно развеивает эти иллюзии и мифы. В его трактовке история Британской империи предстаёт как непрерывная череда преступлений и предательств по отношению к покоряемым ею государствам, народам и цивилизациям.

Валентин КАТАСОНОВ. Китайский дракон. На мировой финансовой арене. Юань против доллара. — М.: Книжный мир, 2016. — 288 с.

Глобальная «империя доллара» трещит по всем швам, но продолжает стоять благодаря давлению гигантской денежной эмиссии, осуществляемой системой центробанков во главе с Федеральным резервом, и стратегии «управляемого хаоса», которая обеспечивает обратный приток американских долговых расписок со всего мира, обираемого «коллективным Западом» во главе с США. Понятно, что бесконечно такое положение дел продолжаться не может: или человечество погибнет, как евангельский Ирод, «быв изъеден червями» паразитарных долгов,

или сохранит свою жизнь, освободившись от своего «золотого миллиарда». Именно эта дилемма стоит за внешним противостоянием между Соединёнными Штатами и Китайской Народной Республикой, которая сегодня является крупнейшей национальной экономикой и «мастерской мира». По мнению автора, надежды на победу «золотого» китайского юаня пока недостаточно велики — прежде всего в связи с экспортной зависимостью «красного дракона», а потому рассчитывать на близкий крах «империи доллара» пока не приходится.

Хронология мероприятий клуба

Икона воина Евгения

2–4 апреля 2016 года

Состоялся визит делегации Изборского клуба в Республику Молдова. Целью визита, совершённого по приглашению лидера партии социалистов Республики Молдова Игоря Додона, было участие в 1-й Международной конференции «Молдова и Россия: общая история, общие ценности, общее видение будущего». Кроме того, изборяне приняли участие в марше, посвящённом защите молдавской государственности, который состоялся в столице Гагаузии городе Комрат. По итогам визита принято решение о создании отделения Изборского клуба в Республике Молдова.

5 апреля 2016 года

Руководитель политической партии «Родина» Алексей Журавлёв сообщил, что в партийные списки на выборах в Госдуму, которые пройдут 18 сентября 2016 года, будут включены постоянные члены Изборского клуба экономист Михаил Хазин и писатель Захар Прилепин.

12 апреля 2016 года

Постоянные члены Изборского клуба Сергей Ушкалов (председатель Брянского отделения клуба) и Михаил Де-

лягин (экономист, директор Института проблем глобализации) побывали в Орле по приглашению председателя регионального отделения клуба Сергея Кочергина. Состоялась их встреча с первым заместителем губернатора и председателем правительства Орловской области Александром Будариним.

20 апреля 2016 года

Ярославское региональное отделение Изборского клуба провело в Ярославском государственном университете им. П.Г. Демидова круглый стол, посвящённый презентации новой концепции национальной идеи, авторами которой выступили профессор ЯрГУ им. П.Г. Демидова Юрий Иерусалимский и духовник Спасо-Яковлевского Димитриева мужского монастыря г. Ростова Великого, настоятель храма святомученика Андрея Стратилата в селе Сулость Ростовского района Ярославской области архимандрит Сильвестр (Лукашенко).

23–25 апреля 2016 года

Председатель Изборского клуба Александр Проханов посетил Таджикистан, где проходили ежегодные антитеррористические учения сил ОДКБ. «Страны ОДКБ — это страны, которые сошлись в военный союз. Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Армения. Эти страны прислали в Таджикистан свои лучшие разведывательные части. Была разыграна целая баталия, целая показательная операция по уничтожению бандитов, которые осмелились бы нарушить территориальную целостность Таджикистана... Соседство сегодняшнего Афганистана для таджиков — это напасть, это вечная тревога. Афганистан сегодня — это страна без строгого государственного устройства, это страна, наполненная хаосом, смятением, это страна непрерывных войн и террористических взрывов. Талибы, которые, казалось, являлись

главной дестабилизирующей силой, постепенно сходят на нет, но среди них возникают новые движения, возникает ИГИЛ (террористическая организация «Исламское государство», запрещена в РФ), с его радикальной беспощадной технологией. В Таджикистане знают об ИГИЛ и готовятся к этой встрече», — отметил Александр Проханов.

27 апреля 2016 года

В Крыму создана инициативная группа по созданию Регионального отделения Изборского клуба. В её состав вошли участники движения «25 февраля», авторы исторического письма к спикеру Крымского парламента 25 февраля 2014 г., которое признано одним из знаковых событий Крымской весны. Руководителем инициативной группы стал депутат Бахчисарайского городского совета Константин Кнырик.

28 апреля 2016 года

Лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов объявил о том, что постоянный член Изборского клуба Михаил Делягин возглавит объединённый партийный список в Орловской и Липецкой областях. Он отметил, что «по своим взглядам Делягин очень близок позиции партии».

29 апреля 2016 года

По итогам круглого стола, посвящённого 20-летию подвига русского воина Евгения Родионова, принявшего 23 мая 1996 года мученическую смерть от рук чеченских террористов за отказ изменить православной вере, было принято обращение к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу с просьбой о канонизации Евгения Родионова. Обращение подписали постоянные члены Изборского клуба Александр Проханов (председатель), академик РАН Сергей Глазьев, генерал-полковник Леонид Ивашов, писатели Юрий Поляков и Захар Прилепин.

/ Максим ШЕВЧЕНКО /

«Моя последняя весна»

*Донецкий цикл
(январь 2014 – февраль 2015)*

ПИСЬМО С ФРОНТА

О, моя королева!
Война ушла
В изученье форматов добра и зла
В разговоры о вечном, о том — куда
И кому на плечи за что звезда
Постепенно она перейдёт в зиму
И зима опровергнет себя саму

О, моя королева!
Барон не спит
В тёмном замке он думает как он слаб
Как он мог успеть а теперь погиб
И теперь обстоятельств всего лишь раб

О, моя королева!
Леса горят
И в лесах свободный горит народ
Небеса роняют по капле яд
Его ловят люди
По капле в рот

О, моя королева!
Все пить хотят
Мучит жажда всех уже много лет
Они пьют всё подряд — даже кровь и яд
И поют потом что спасения нет

О, моя королева!
Война живёт
По законам ушедших за край весны
Все они как будто уже «из-под»

Нам кричат
Что и мы все уйти должны

О, моя королева!
Удар, удар
Каждый миг новый шанс отряхнуть долги
Этот зимний танец
лесной пожар
Только повод тебе написать стихи

КРЫМНАШ

Добро пожаловать в Крым
Здесь опустошаются души
Здесь умирают сердца
Здесь птицы всегда пожирают глаза
Унесённым во тьму аргонавтам

Добро пожаловать в Крым
В поросычие визги студенческих оргий
Гламурные таски мясистого капитала
Империй отрывку военных парадов
Могила героев забытых сражений

Добро пожаловать в Крым
В одинокое горе свободных народов
В их селения мёртвые
В их разорённую память
В их забытые песни
И в их осквернённую воду

Добро пожаловать в Крым
Наконец-то он наш

* * *

Душа молчит а сердце зарится
На ялтинских огней пожарище
Как будто мёртвая красавица
Она гниёт на солнце жарится

Она войной давно не мечена
Ни украина ни туречина
Ни русь ни красная империя
В её огни совсем не верю я

Здесь мысли мёртвые и сонные
О ярости которой отдана
Душа народа здесь разодрана
На мысли гадкие и потные

Сидим и разбираем медленно
Кому же дуло пистолетное
Приставить к толстому загривку мы
Должны чтоб не было так липко бы

Отсюда ненависть так явственна
Она совсем не государственна
Она народная исконная
С проклятьями и даже стонами

Там украина — новороссия
Как будто ветер в небо бросил вдруг
Перекасти поля бескрайние
И тропы в них глухие тайные

Мы тропами войны опутаем
Весь этот мир с его малютами
С его часами и минутами
И трупами что сразу грудями

Пойдём вперед потом всё петлями
Мелькнёт нам свет и сразу нет его
А мы сквозь тьму пока не кончится
Все это царство одиночества

Такие ялта вдруг навеяла
Мне мысли словно бы намеренно
В такие бросила отчаянья
Сама же просто в ночь отчала

* * *

Говорят стихи рождаются в голове
А если головы сразу целых две
Одна пуста как обойма у калаша
А другая полна как бы дымом от гашиша

Перепутаны сроки и руки не находят себе урок
Каждый вечер разлуки точно лагерный дали срок

И мотаются головы бьются ушами о волосы
Иногда это здорово своего не услышать голоса

Говорят Маяковский так думал двадцатилетний
Каждый день ему грезились словно кошмар последний
Но мы-то знаем конец истории знаем куда упасть
Так чтоб бубны козыри били любую масть

Все сатрапы мира все тираны войны
Любят мамочек и питают чувство вины
Это заставляет их строить мраморные дворцы
Где покоятся мёртвые их отцы

А кого-то ведут на допрос
А кого-то ведут на допрос
И палач наклонившись слегка
Повторяет вопрос
Толстый рыжий палач
Повторяет вопрос
И снимает кого-то с крюка

Нет
Стихи не рождаются в голове
Их бросают из-за спины
И они кружатся подобно листве
Вечной осени
В ожидании вечной весны

* * *

Желания бросают не во тьму
Но тьма рождает странные желанья:
Избавиться от боли и страданья,
Избегнуть ада и попасть к Нему

Мы не дрожим но знаем точно как
Без всяких просьб понять что всё пропало:
Колодец и его слепящий мрак
Спасительное гибельное жало

Есть одиночество и за его дары
Приходится платить души спасеньем
Колодец лишь спасенье от жары
Которая придет за воскресеньем

И от неё никак не убежать
Она снаружи и внутри достанет
Она всеобщий праведный пожар
И люди в нём — опавшими листьями

Подхватит ветер нас и закружит
И понесет над вымершей Землёю...
А может мы не листья, а стрижи?
А может птицы мы? Давай, лети со мною!

* * *

Пуля надо мной летала-летала
Поцеловать хотела
Уткнуться в тело
Рассказать как ей одиноко
Как жизни мало
Как жизнь уходит водою талой
Всегда до срока
Корням древесным
Огням небесным
Как в этой жизни дурацкой тесно
Они хотели бы вместе с пулей
В меня пробраться
Обнять по-братски
Чтоб успокоить землей и небом
Но в том и дело
Что пуля мимо всегда летела
А ей ко мне бы...

* * *

Вот такие дела, возвращается солнце с востока
Мы его ожидали полночи утратили волю и веру
А теперь этот солнечный свет заливают полмира потоком
И ничто не останется более бессмысленно серым

Выползают из сумерек призраки боли и страха
Начинают учить как дышать как любить
в этом солнечном свете
С удивлением смотрим как смотрят спокойные дети
От рождения еще не забывшие волю Аллаха

Чёрно-белое, да, в этом правда и в этом спасенье
Пусть останутся полутона тем кто ищет покоя
Мы с тобой ожидаем и чувствуем — будет веселье
Хотя точно не знаем что именно это такое

Все сливается в пятна и только смыкаются руки
Наши руки находят ключи от замков бесконечной разлуки
Солнце просто приходит и это так дивно и странно
Как горящее в небе «Читай!», как начало Корана

ВАРИАЦИИ НА ПЕСНЮ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

(перевод с немецкого)

Пусть страх умрёт
Штыки вперёд
Дух Божий в храбрцах живёт!

Мы чёрный Гайера отряд
Тиранов всех отправим в ад!
Господь, мы крикнем небесам,
В огне святых узнаешь сам!
Изгнание, что сулит нам враг

Мы принимаем как
Благословение — наш стяг
Изношенный башмак!

Адам был пахарь, Ева — пряла
Боже, пощади!
Господ там вовсе не бывало
Боже, пощади!

Сын господина-гордеца
В аду увидишь ты отца!
Дочь господина, ясный свет,
Тебя доступней шлюхи нет!

Попов и бар хотите снова?
А мы Господня ищем Слова!
Суд властью в шутку превращён?
Мы сами судьи и закон!

Закон для всех людей один:
Равны холоп и дворянин.
Мы больше, братья, не рабы
Лишённые своей судьбы!

Гордыней власть всегда пьяна...
Мы чашу боли пьём до дна...
Нас просит власть забыть обиды...
Мы их дерьмом по горло сыты!

В бою кругом лишь смрад и пламя
И гибель братьев рядом с нами!
Пусть мы разбиты в этот раз
Потомки отмстят за нас!

Пусть страх умрёт
Штыки вперёд
Дух Божий в храбрцах живёт!

* * *

Моя последняя весна
ко мне протягивает руки
Она немного смущена
январским опытом разлуки
Когда всё было невпопад
и всё казалось непонятным
И целых тридцать дней подряд
хотелось жизнь вернуть обратно

И вот теперь она глаза
Свои прекрасные прикрыла
От силы разве полчаса
Со мною быть ей хватит силы
Потом опять она вздохнёт
И тихо скажет: «я не знаю
Когда растает этот лед
Дай Бог, чтобы растаял к маю...»

Дай Бог, дай Бог... Он ведь даёт
Всегда наотмашь и по делу
Его божественных щедрот
Огнём живут душа и тело
А пеплом дышит тишина
В которой всё уже настало
И сын мой утомясь от сна
Толкает ножкой одеяло...

ВСПОМИНАЯ ПУГАЧЁВА

Сотни километров бескрайней степи
Ледяной пустыней лихой человек
Ходит-бродит в поисках солнца любви
Что прогонит страхи земные навек

Мимо одиноких в ночи крепостей
Проданных на вывод подушно крестьян
Он как будто знает — чем стужа лютей
Тем сердечней встретит его Емельян

Примет и обнимет посадит за стол
Нацедит стакан самогонки крутой
Выпьет и укажет царевым перстом
Всем врагам на плаху идти чередой

Ворон ли летает, орел ли парит
Степь ли замерзает пурга ли поет
В Петербургедохнут как мухи цари
В ледяной пустыне родится народ

Русские татары башкиры мордва
Казачи казахи калмыки мари
Все они как павшая с неба листва
Что на солнце осени кровью горит

Сотни километров бескрайней степи
Ледяной пустыней лихой человек
Ходит-бродит в поисках солнца любви
Что прогонит страхи земные навек

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Мы просто ждём спокойно ждём
Когда он полыхнет
Всеочищающим огнем
Семнадцатый тот год

В котором полк а может взвод
А может пять солдат
Придут и спросят: «где тут гад
Который виноват?»

Замашает крыльями метель
Забьётся по земле

И будет тысяча смертей
Плясать в её петле

Вопрос повиснет в небесах
И разом упадёт
Когда застынет на часах
Тот полк а может взвод

А может лишь один солдат
Войдёт открыв ногой
Ту дверь в которую стократ
Войти не смог другой

Поднимет верное ружьё
Посмотрит на господ
И скажет тихо: «вот и все!
Пришёл тот самый год!»

Мы просто ждём спокойно ждём...

* * *

Я не я и я не знаю
Почему я вдруг не я
Моя хата вечно с краю
Только где эти края?

Мои сани не чужие
Да и в них я не сажусь
Все мы вроде были-жили
Так откуда эта жуть?

По ночному корридору
По паркетной тишине
Ко мне в гости ходят воры
Отчего всегда ко мне?

У меня немного душно
У меня сквозняк в душе
У меня на сердце скушно
Да и сердца нет уже

У меня меня не любят
Мои мысли и дела
У меня в чужие люди
Меня гордость завела

У меня меняла мудрый
Разменял алтын на грош
И теперь всегда под утро
Снятся мне перо и нож

В руку сон упал с рассветом
Я проснулся — сна как нет
Лишь вопросы без ответов
Да и нужен ли ответ?

* * *

Семену Пегову

Осень. Погода какая-то пьяная
Градами смерчами бьёт ураганами
Золотом сыплет и ставит на красное
Дразнит надеждами душу напрасными

Мы под Донецком. По нам миномётами
Лупят пытаясь нас сделать двухсотыми
Падает с неба бетонное крошево
Пеплом безумия всё припорошено

Зябкой прохлады осенней касание
Нас возвращает в пределы сознания
Два шага вправо. Ныржаем в укрытие
Жизнь паутиными тянется нитями

Осенью воздух прозрачен до ужаса
Снайпер работает где-то на улице
Метров четыреста... там за оградой...
Как же мы медленно падаем, падаем...

Гибели гордость сомнений отчаянье
Солнце холодными слепит лучами
Вот мы и выбрались из невесомости
Этой осенней как будто бессонницы

* * *

В Донецке по ночам престранная игра
На острие судьбы три ангельских пера
Держать пока стекло не лопнет тишины
Не станет вдруг светло от музыки войны

У первого пера темнее тьмы окрас
И ровно шесть секунд оно летит до нас
Из вечно ледяной полнотной пустоты
Где умирать легко и помыслы чисты

Второе из огня пронзающего ночь
Чтобы найти меня и мне уйти помочь
Оно летит стрелой и радостно поёт
Что наконец пришло то что растопит лед

Последнее перо познать нам не дано
Когда оно летит то сразу всё — оно
И больше не понять — где ты а где другой
Тот что за горло взял железной рукой

* * *

Идет война сгоревший танк
У развороченного дома
Он выглядит совсем не так
Как на картинке из альбома

Он выглядит как метроном
Который смерти ритм отмерял
А после танком въехал в дом
В его распахнутые двери

И замер отбивая такт
Который вдруг вошёл под башню
Так яростно что вспыхнул танк
И умер — буднично и страшно

* * *

Блаженны солдаты
Которых хоронят в окопах
Саперной лопатой
Под фронта далёкого ропот
Блаженны блаженны
Ведь смерть это просто сближенье
С растаявшим снегом
И неба в глазах отраженьем
Куда как блаженной
Чем в мраморных залах больничных
Бесчисленных моргов
Для смерти и горя привычных
На поле блаженной
Войной перепаханном поле
На паре саженьей
По-братски почти что без боли...

